

В. Максимов

САГА
О
НОСОРОГАХ

В. Максимов · Сага о носорогах

Владимир Максимов

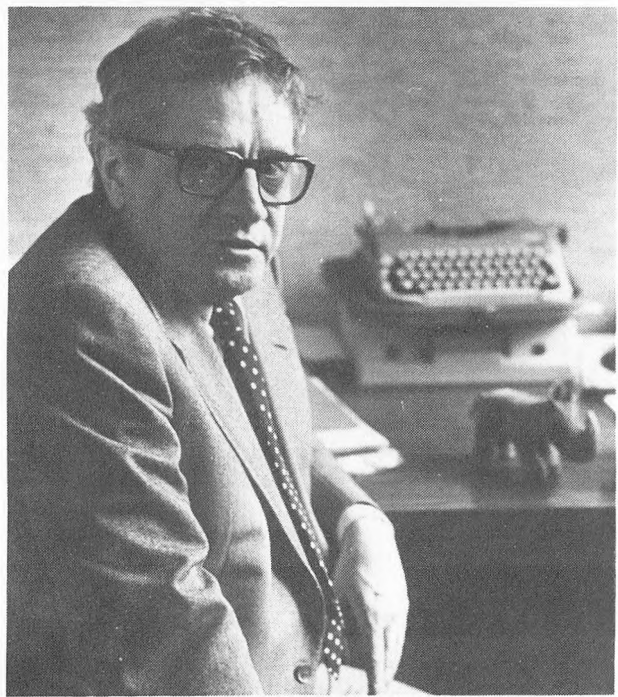
Сага о носорогах

ПОСЕВ

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1981
Frankfurt/Main
Printed in Germany

Эжену Ионеско

Сага о носорогах

САГА О НОСОРОГАХ

Перевод этой пьесы я выловил в „Самиздате“ еще в конце пятидесятих годов и с тех пор сделался горячим поклонником ее автора. Поэтому легко понять мое волнение, когда, спустя годы, уже будучи в эмиграции в Париже, я получил от него коротенькое, но исполненное словесного изящества письмо с приглашением на премьеру возобновленного театром д’Орсе спектакля „Носороги“.

Действо начинается с идиллической, традиционно французской картинки: за столиком перед входом в кафе собираются его завсегдатаи – обитатели окружающих кварталов, видимо, знакомые друг с другом с детства. Потягивая любимые напитки, они обмениваются житейскими новостями, спорят, мирятся и снова спорят. Ничто еще не предвещает сумасшедшей карусели последующих событий. Но в самой атмосфере или, так сказать, в цвете спектакля уже чувствуется, улавливается едва ощутимая, но все нарастающая тревога, от которой в обморочной истоме, словно при авиационной болтанке то и дело сжимается сердце. „Боже, отвори эту беду от меня, ради детей моих!“

Мир начинает медленно, но неотвратимо сжиматься вокруг идиллического кафе с его клиентами и обитателями, с его повседневной суетой и хлопотами, с его карточной хрупкостью и мнимым благополучием. Сначала это только слухи и пересуды о весьма проблематичной опасности, затем отдаленный храп и топот и, наконец, первая, окутанная собственным дымом тень однорогого зверя накрывает собою этот последний остров тишины и благоденствия.

Я не знаю языка, переводят мне сбоку чуть слышно и с пятого на десятое, но зрение мое неожиданно отмечает, как у действующих лиц, у одного за другим, принимается дробно постукивать каблук ботинка, а в еще членораздельной речи время от времени прорывается легкое похрапывание: человек физически хоть и присутствует в привычном своем бытии, но внутренне он уже там в храпящем топочущем стаде, где нет места разуму или логике.

И так один за другим, один за другим до тех пор, пока последний из упорствующих — главный герой этой трагической мистерии не складывает оружия и не сдается, безвольно вливаясь в безумный поток всеобщего озверения.

Страшно, почти до беспамятства страшно, но ведь это было предсказано — и когда!

„Тут же на горе паслось большое стадо свиней, и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло” (Лк. 8, 32-33).

После спектакля мы стоим с автором в фойе, и я, вспоминая наш первый с ним разговор сразу по моем приезде в Париж, когда у меня еще кружилась голова от надежд и радужных иллюзий, подавленно спрашиваю его:

— Значит, выхода нет?

— Не знаю, — отвечает он, мерцая печальными глазами, — но, по-моему, вы опоздали, поезд уже отошел.

— Значит, конец?

— К сожалению, месье Максимов, к сожалению.

— Жизнь без надежды, зачем?

— Я тоже часто думаю: зачем?

— Если так, — в отчаянии взрываюсь я, — то для себя человек должен оставить только последний патрон.

— К сожалению, и это не выход, — тихо молвит он и начинает раскланиваться, — увы!

Он неспешно направляется к выходу, и, проследившая взглядом его медленную и чуть шаркающую поступь, я представляю себе, будто он выносит сейчас из театра на своих сутулых плечах какой-то никому не ведомый, но непомерно тяжкий груз.

Я тоже выхожу в ночь и меня тут же, хрипящим полукольцом обступают однорогие рожки, готовые в любую минуту раздавить, растоптать в остервенелом раже все, что встает у них на их безумном пути. И кого только нет в этом беспощадном стаде: неудовлетворенные в славе и похоти околотитературные истерички, озлобленные графоманы из числа кандидатов в общемировые гении, ничего не забывшие и ничему не научившиеся „совпатриоты” послевоенных лет, набившие руку на стукачестве и всегда готовые услужить недооценившей их советской власти профессора, амнистированные советские шпионы, мародерствующие на переводческой ниве, и дети советских шпионов, на старости лет высасывающие из пальца романы а ля „рашен клюква”, бывшие и нынешние „члены родной коммунистической партии”, с помощью которых уже потоплено в крови более полумира и так далее и тому подобное или, как говорят здесь, на Западе, ецетера, ецетера.

Но в общей мешанине звериных масок я различаю лица людей еще недавно близких мне по духу и делу. Вот они: раз, два, три и еще, и еще, и еще: один за другим, один за другим. Неужели скоро и моя очередь!

Я иду в ночь, чувствуя себя существом, по которому всей своей тяжестью прошелся асфальтовый каток. Меня остается только подсунуть под двери моей квартиры вместо прощального письма жене и детям.

Пронеси, Господи!

1

Мы сидим с ним в его тесно заставленном, но предельно опрятном кабинете в квартире на бульваре Монпарнас. Серые, чуть навывкате, с налетом неистребимого удивления глаза, мягкая детскость которых живет, существует, излучается как бы самостоятельно, отдельно от лица — резко очерченного, тронутого возрастом. К такому бы лицу да белую тогу с малиновым подбоем, а не свитер, который, впрочем, тоже сидит на нем весьма царственно. Он время от времени лениво прихлебывает чистый виски со льдом и молча, не перебивая, выслушивает мои многословные жалобы на душевную глухоту, идеологическую ограниченность, социальную стадность западной интеллектуальной элиты.

— Из огня да в полымя, — в сердцах говоря я, — стоило уносить ноги от диктатуры государственной, чтобы сделаться мальчиками для битья при диктатуре социального снобизма! В известном смысле все то же самое: цензура, деление на своих и чужих, издательский и критический бойкот, конформизм наизнанку, только под респектабельным демократическим соусом. И способ полемики тоже давно знакомый по душеспасительным разговорам в кабинетах на Старой площади: ты ему про конкрет-

ные факты, а он тебе про угнетенных Африки и классовую борьбу.

Хозяин устало опускает тяжелые веки, и невидимая тога с малиновым подбоем величавыми складками опадает книзу: он слышал это десятки, может быть, даже сотни раз из той самой многолюдной пустыни, что расстилалась вокруг него, и так же десятки, а может быть, сотни раз ему нечем было помочь и почти нечего ответить.

— Ах, месье Максимов, месье Максимов, — из-под набрякших век на меня излилась его младенческая доверительность, — никакой классовой борьбы в природе не существует, вот уже сотни лет в мире происходит единственная смертельная борьба — между крупной и мелкой буржуазией, и они используют в этой борьбе за свой материальный и душевный комфорт все остальные классы вместе с их идеями, а после победы оставляют бывших союзников на произвол судьбы. Буржуа своими вставными челюстями перемололи и приспособили себе на потребу все самое лучшее и святое, что выстрадано человечеством: свободу, культуру, религию. Для того, чтобы остаться личностью, во все времена нужно было обладать мужеством и совестью; у буржуа, к сожалению, отсутствует и то и другое, у него есть только челюсти и животная приспособляемость. Буржуа — это орден, мафия, интернационал, если хотите, буржуа-лавочник и буржуа-интеллектуал ничем не отличаются от буржуа-революционера и буржуа-партайгеноссе. Вы, наверное, заметили, как при всех политических и национальных различиях они быстро находят общий язык: денежные воротилы и вчерашние экспроприаторы, снобы с Сен-Жермен де Пре и московские эстеты в штатском, гума-

нисты с автоматами Калашникова наперевес и угандийский людоед в фельдмаршальских регалиях, знакомый нам с вами президент с замашками либерального аристократа и вьетнамский палач, еще не отмытый с рук крови своих соотечественников. Их тьма тем и имя им — легион.

Он снова опускает веки, а я вдруг улавливаю наплывающий издали гулкий топот множества копыт. Топот растет, разрастается, набирая и набирая силу, пока, наконец, не заполняет меня целиком. С бешеным сопением и хрипом, источая вокруг терпкий запах азартного пота и разбрызгивая впереди себя клочья слюны и пены, сквозь мою немощную душу течет, валит, ломится хищное, жестокое, воинственное стадо с глазами, подернутыми кровавым туманом, и заскорузлым рогом наизготовку. Поначалу в этом сплошном хрипе и топоте не улавливается ничего членораздельного, но постепенно из мешанины хаотических звуков начинает складываться некая, смутно похожая на человеческую, речь...

2

Профессор. Интеллектуал. Одно время был даже атташе в некоей захолустной банановой республике. Прогрессивен до кончиков своих обгрызанных ногтей. В чувственных губах дорогая сигаретка, бокал с шампанским в небрежно откинутой в сторону руке. Говорит, лениво растягивая слова, с такой высокомерной небрежностью, будто все, что может сообщить ему собеседник, он знает давно из первоисточника.

— Вы, — спрашиваю (речь идет о России), — „ГУЛаг” читали?

— Нет, — рассеянный взгляд куда-то наискосок от меня, пепел осыпается на лацкан смокинга, — и читать не намерен: у меня есть мнение, и вы, пожалуйста, не путайте меня вашими фактами.

И тут же, забыв обо мне, отплывает по направлению своего взгляда к новому и явно более желанному для него объекту. Вывернутые ноздри интеллектуала при этом плотно раздуваются в предвкушении добычи, и мне явственно слышится, как под смокингом у него уверенно поскрипывает его носорожья шкура.

Этот в другом роде. Рубаха-парень. Свой в доску. Последнее отдаст, благо отдавать нечего, все вложено в ценные бумаги, переписанные для пущей надежности на жену. Весь в аккуратно обтрепанных джинсах, хотя по возрасту и брюшку ему бы впору носить теплый халат и шлепанцы. Продуманно патлат и нечесан, в постоянной степени небритости, будто борода временно остановилась в росте: флер возвышенности души, наводимый по утрам у искусного парикмахера. Работает в сверхпередовом, супермодном журнале с разрушительными идеями и уклоном в гомосексуализм. Стремительно носится по Парижу, зорко не замечая никого и ничего вокруг.

— Здравствуйте, — останавливаю, — перевели мне вчера статью из вашего журнала об одном уважаемом профессоре, который, по-вашему, будто бы сотрудничал с оккупантами, а знающие французы утверждают, что он был активным участником Сопротивления. Сделайте милость, просветите.

Он снисходительно, словно дедушка-добряк не-смышлениша-внучонка, похлопывает меня по плечу:

— Не волнуйтесь, это такая правая сволочь, что о нем все можно. Адью.

И с невидящей стремительностью улетучивается дальше, лихо шлепая по асфальту каучуковыми копытами от „Бали”.

С этим мы только что познакомились. Тих, вкрадчив, с постоянной полуулыбкой на бесформенном или, как у нас в России говорят, бабьем лице. Глаза грустные, немигающие, выражаясь опять-таки по-русски, телячьи. Знаменит. Увенчан. Усеян. И так далее, и так далее. Широко известен также разборчивой отзывчивостью и слабостью к социальному терроризму.

Битый час слезно молю его вступить на предстоящем заседании ПЕНа в Белграде за погибавшего в то время во Владимирской тюрьме Володю Буковского.

Да, да, — мямлит он расслабленными губами, — конечно, но вы не должны замыкаться только в своих проблемах. В мире много страданий и горя, кроме ваших. Нельзя объяснить многодетной индусской женщине ее нищету феноменом ГУЛага. Или посмотрите, например, что творится в Чили. Я уже не говорю о Южной Африке...

„Господи, — пристыженно кляню я себя, — что ты пристал к человеку со своими болячками! У него сердце кровью обливается за всех малых сих. Ведь каково ему сейчас в роскошной квартире с его скорбящей душой, когда кровожадные плантаторы

лишают несчастных папуасов их доли кокосовых орехов! Поимей совесть, Максимов!”

— Да, — вздыхаю сочувственно, пытаюсь разделить с хозяином хотя бы часть его скорби, — действительно ужасно. Возьмите тоже восточных немцев, которые к вам бегут. Стреляют, знаете ли, как зайцев, куда это годится!

Собеседника моего словно подменяют. Бабье лицо каменеет, в телячьих глазах — холодное отчуждение:

— А зачем бежать? Эту проблему надо решать за столом переговоров или по дипломатическим каналам. И вообще, самый опасный вид насилия — это все-таки эксплуатация. Прежде всего надо справедливо распределить материальные ценности. Вы же христианин, — он даже откидывается на спинку кресла, считая этот свой довод неотразимым, — Христос тоже прежде всего делил хлеб.

В отвердевшем, с горячей поволокой взгляде его — торжество уверенного в себе триумфатора. И невдомек этой закаменевшей во лбу особи, что Сын Божий делил Хлеб Свой и добровольно, а он жаждет делить чужой, к тому же с помощью автомата и наручников.

Этот вызвался говорить со мною сам, с явным намерением осадить неопита, поставить на место, научить уму-разуму. Едва усевшись за стол в маленьком ресторанчике на рю дю Бак, он спешит ошарашить меня вызывающим постулатом:

— Что это вы все кипятитесь: правда, правда! Если есть право на правду, значит, есть право на ложь.

Довод ему кажется убийственно обезоруживающим. Впрочем, таким этот довод казался и Смердякову, просто мой визави не потрудился внимательно прочесть „Братьев Карамазовых”. Хотя, наверное, вообще не перелистывал, ему это, по-моему, ни к чему: он книжек не читает, он их пишет. Кроме того, заведует восточноевропейским отделом в respectable, с прототалитарным налетом газете. Был корреспондентом в Москве. Но, как истый наследник отечественной династии носорогов, ничего не забыл и ничему не научился. Повторяет зады Смердякова и Геббельса, а уверен, что открывает политическую Америку.

Кстати, о докторе Геббельсе. С этим самым доктором связано имя еще одного представителя исследуемой породы. Главный редактор популярного бульварного еженедельника розовой ориентации. Еще в сорок пятом, то есть перед самым концом Рейха, сотрудничая в ведомстве вышеозначенного доктора, призывал беспощадно уничтожать всех, кто выступает против Гитлера. Теперь специализируется на разоблачении русских и восточноевропейских диссидентов, обвиняя их в реакционности и симпатиях к фашизму. Прямо скажем, весьма пикантная метаморфоза! Мог ли представить себе мой отец, погибая в бою под Смоленском, или мои дядья, оставившие на последней войне добрую треть своих конечностей, что их убийцы, верные выученики Гитлера, спустя тридцать лет будут читать их детям политические моралите! Такие времена!

Его приятель и собутыльник. Директор издательства в почтенном деле консервативного направле-

ния. В прошлом плохонький писатель-неудачник. В гешефте же преуспел. Открыто кокетничает своей дружбой с просоветскими интеллектуалами. Картинная выправка эсэсовского офицера. Всегда в окружении девиц известного пошиба. Любит красивую жизнь, которую копирует с плохих кинолент тридцатых годов: трость, коктейль, монокль.

— Сложная ситуация, — волнуясь я по поводу португальских событий, — если дело пойдет так дальше, то неминуема правая или левая диктатура.

— Зачем же правая? — Он смотрит на меня стоячими глазами, в которых нескрываемая издевка: на, мол, тебе!

И театрально откланивается, отправляясь обедать к только что освобожденному сподвижнику Гитлера, с которым у него очередной гешефт.

Двое в почти семейной компании. Попали случайно: друг пригласил. Оба востренькие, хваткие. Поначалу приглядываются, прислушиваются. Постепенно начинают вставлять одно-другое словцо — так сказать, вживаются в среду. Он — врач накануне пенсии, она — просто жена, но явно с запросами, из эмансипированных. Компания, в основном, русская, и, естественно, разговор кружится вокруг „проклятых” вопросов.

Окончательно освоившись и выслушав множество отечественных историй, одна другой безысходнее, он выдвигается остреньким личиком к середине стола:

— Ничего подобного! Вы необъективны, как всякие эмигранты. Мой брат постоянно бывает в Москве по делам службы и ничего похожего там не встречал. Вы недавно на Западе и еще видите все в розо-

вом свете, а между тем здесь происходят вещи, куда более отвратительные, чем этот ваш пресловутый ГУЛаг.

— К примеру?

— К примеру, бесчеловечные преследования гомосексуалистов! — запальчиво прорывается тот упрямым носом к собеседнику под одобрительные кивочки своей эмансипированной половины. — Преступное ограничение свободы душевнобольных происходит у всех на глазах, и общество молчит. Это чего-нибудь да стоит?

Конечно, стоит? Стоило бы также запереть тебя, взбесившийся от переизбытка обильной жратвы господин четырехногий, в лагерь усиленного режима, где абсолютно свободные от всякого ухода умалишенные сделали бы тебя пассивным гомосексуалистом, с тем, чтобы ты отстаивал дорогие тебе идеалы половой свободы с помощью собственного зада. Но пока — скачи себе дальше, господин носорог от медицины!

И еще один экземпляр с тою же носорожьей хваткой. Неопределенного возраста, пола и даже национальности. То ли офранцуженная русская, то ли обрусевшая француженка. Воплощает собою полное единство формы и содержания: всем природа обделила, как Бог черепаху. Прodelала извилисто целеустремленный путь от французской компартии до советского сыска. Подвизается то ли секретарем, то ли соглядатаем в комитете то ли физиков, то ли химиков, то ли зубных врачей. Комитет, впрочем, не занимается ни физикой, ни химией, ни зубными протезами, а исключительно Правами Человека, причем в мазохистском духе. Когда у партаймадам

осторожно спрашивают об удивительных метаморфозах ее общественной карьеры, она устремляет на любопытствующих торжествующий взор рыбьего колера:

— Диалектика!

Интересно бы знать заранее, каким диалектическим манером сумеет вывернуться она, когда ее наконец приведут с кольцом в ноздре в следственное стойло, где будут разбираться дела носорогов — стукачей, бывших на подножном корму у советского гестапо?

Теперь следующий. По миротворческой, так сказать, линии. Перековавшийся на голубя мира ястреб холодной войны. Перековывался без отрыва от основного производства по окончательному преобразованию европейской социал-демократии в услужливую разновидность еврокоммунизма. Попивает. Слаб к женскому полу. С годами становится все слезливее. От умиления обплакал пиджачные лацканы почти у всех нынешних заплечных дел мастеров от Брежнева и Кастро до Герека и Амина Дады включительно. Завидует: ведь как здорово устроились, никакой тебе оппозиции, сплошная лояльность!

В ответ на просьбу принять и выслушать Буковского небрежно цедит:

— Буковский не из числа моих московских друзей.

Что правда, то правда. У него в Москве другие собеседники, собутельники, соратники. Те самые, которые запытали в подвалах Лубянки русскую социал-демократию, те самые, по законам которых социал-демократическая деятельность при-

равнивается у них к уголовному преступлению, те самые, что приказывали своим германским сотоварищам выдавать немецких социал-демократов гестапо, те самые, что стоят за спиной восточноберлинских пограничников, стреляющих в спину его бегущим на Запад соотечественникам. Хороши друзья, ничего не скажешь!

Было, было и это было! В семнадцатом, еще двадцать четвертого октября незабвенный эсер* бесновался в своем кабинете в Зимнем: „Опасность грозит нам только справа!“. Гучков ему, видите ли, с Родзянкой грозили, а бежать ему на другой день пришлось с ними вместе и в одном направлении. Как говорится, ноздря к ноздре, рог к рогу.

Газетная сирена. Ниспровергательница основ из благородных. В сорок пятом еле унесла ноги вместе с графским титулом и бриллиантами из Восточной Пруссии. Основала еженедельник, прониклась новыми веяньями. И с тех пор, как сказал поэт, просит бури. Из русского инакомыслия признает только инакомыслие с полицейским оттенком.

— Солженицын и „Континент“ обманывают Запад, у меня сведения из самых достоверных источников.

Охотно верю, учитывая круг и качество ее московских знакомств. Только куда дальше-то потащите свои бриллианты, когда придет черед уносить ноги и от этих знакомых, ваше прогрессивное сиятельство!

* А. Керенский.

Носорог в сутане. Зрелище малопочтенное, но не лишенное любопытства. Блистает светскостью и эрудицией. Изящен в движениях, словоохотлив. Подхватывает любую тему. Говорит уверенно, со знанием дела. Из сыплющихся цитат и ссылок можно было бы вязать елочные гирлянды. Распираем идеей исторического компромисса:

— Мы современные люди и должны смотреть в глаза политической реальности. Марксизм наряду с христианством нашел пути к человеческому сердцу, и наш долг — потесниться.

Что говорить, все науки превзошел парнокопытный, во всем разбирается, даже в дерьме, но вот как в нем совмещается Господь Бог и „политическая реальность” вкупе с марксизмом — этого из него клещами не вытянешь. Тут он без слов бодаться кидается.

И наконец, целое стадо. Женская половина в декольте или вызывающих брючных парах, мужская — смокинги с маоистскими френчами вперемежку: весь цвет местных радикалов. Разговоры без дураков, на высшем социальном уровне: Чили, Черная Африка, терроризм как форма классово-борьбы и опять же — угнетение гомосексуалистов. Все как у людей, парижский шик.

Меня чуть не силком затаскивает в эту обитель рыцарей без страха и упрека в Баден-Бадене мой чешский друг. На этом радикальном Олимпе только две черные вороны реакции среди белоснежной стаи мучеников прогресса: я и он.

„Чего-то ты не недопонимаешь, брат, — сетую я про себя, — ведь вот волнуются люди о чужой судьбе, сытно, вольготно живут, а волнуются, значит, совесть не потеряли”.

Вконец расчувствовавшись, неуверенно предлагаю:

— Господа, имею при себе кое-какую наличность, давайте скинемся — как говорится, шапка по кругу — да и пошлем в Красный Крест для вспомоществования страждущим братьям Африки или Латинской Америки.

Смотрят на меня так, будто я, простите, воздух в их компании испортил. Освобождать они, конечно, готовы, помогать — тем более, но только не за свой счет.

По домам стадо разъезжается на „мерседесах” новейших моделей. К автобусной остановке спешат только два реакционера: мой чешский друг и я.

Радиосообщение: „Вчера в Пизе из проезжавшей на полном ходу машины типа Ферари последней модели двумя выстрелами тяжело ранен секретарь местного отделения христианско-демократической партии, ехавший к месту службы на велосипеде”.

Метаморфоза истории, стороны поменялись местами: имущие восстали на неимущих.

Но это о тех, кто эксплуатирует, а вот те, кого эксплуатируют.

Парижский таксист. Рыж, плотен, лет сорока с небольшим. Заискивающе беспокойно косит в мою сторону:

— Месье иностранец?

— Да, русский.

— О, русский! Из Советского Союза?

— Нет, эмигрант.

Он мгновенно тускнеет:

— Конечно, я понимаю, вы, наверное, интеллигент, вам трудно в коллективном обществе, но зато у рабочего человека там масса возможностей. И потом бесплатное лечение...

— Почему бы вам туда не переехать, думаю, что французские власти не станут чинить вам препятствий?

Сопит. Молчит. Я его понимаю: бесплатное лечение не та цена, за которую он отдаст свое право на забастовку и предобеденный аперитив.

Актовый зал Гамбургского университета. Хорошая сотня дремучих бород попеременно с веерными буклями свистит, беснуется, скандирует, не давая мне говорить:

— Долой социалимперализм! Долой социалимперализм! Долой социалимперализм!

Какую связь они нашли между мной и социалимперализмом, мне неизвестно, да это им, по моему, совсем неважно. Важно обескуражить, сбить с толку, подавить, так сказать, психологически. Знакомый почерк, знакомая раскладка! И сколько встречал я их на лагерных дорогах, бывших мальчиков, бывших энтузиастов, бывших рыцарей революции: черных, оборванных, потерявших человеческий облик! Для тех, кто сейчас молчаливо стоит за их спиной, кто дирижирует их митинговыми вакханалиями, они — только временное подспорье, которое после завоевания власти моментально списывается со счета. Но попробуй, докажи им это сегодня.

К тому же я уверен, что если поскрести им сейчас их ультрасовременные бороды, то под ними тут же обнаружатся вполне квадратные подбородки обыкновенных штурмовиков.

Молодой философ. Беден. Горяч. Искренен.

— Правые кричат: „Демократия не для тех, кто выступает против демократии!“ — Длинное, с неожиданно мягким подбородком лицо его искажается неподдельной болью, — но ведь то же самое кричат на ваших процессах советские обвинители!

Да-да, мой мальчик, совершенно верно. Одна только крохотная разница: здешнюю демократию установил и контролирует избиратель, а тамошнюю — сами советские обвинители. Разница, может быть, действительно небольшая, но, на мой непросвещенный взгляд, весьма существенная.

Студент. Не так давно правдами и неправдами выбрался из Польши. Сидим с ним на подоконнике в коридоре Колумбийского университета. Смотрит на меня прозрачным оком альбиноса, в упор, без тени смущения:

— Америке грозит фашизм!

Говорят: чужой опыт ничему не учит. Оказывается, и свой учит не всегда. Хотя, кто знает, какого рода школу, училище, академию ему пришлось пройти?

Итальянский писатель. Широко известен в Советском Союзе парой сносных книг и слабостью к русской кухне. Чем-то смахивает на Муссолини, только череп не брит, а действительно первоначально лыс. Голову носит так, будто на ней — чалма.

— Что вы мне говорите, — запальчиво кипятится он на званом приеме в честь двух русских писателей-диссидентов, — будто в Советском Союзе кого-то не печатают! Меня печатают!

И не поймешь, чего больше в этом — глупости или цинизма?

А вот его соотечественник совсем в другом роде. То ли сын, то ли внук одного из ближайших приятелей дуче. Тощ, благообразен, потасканно опрятен, словно только что из химчистки. Протягивает сухую клешню для рукопожатия, скорбно воздевает склеротические очи к потолку, вздыхает ностальгически:

— Не верьте уличным крикунам, Гитлер преступно искажил светлые идеалы фашизма!

И с обреченным выражением попранной добродетели на восковом лице направляется мимо меня в зал международного симпозиума по Правам Человека. Гуманизм, видно, каждый понимает по-своему.

3

Топот, топот, топот. И храп. И слюна с пеной — веером. И теперь уже со всех сторон. Наступают, ломаются, смыкаясь в кольцо. Причем наши отечественные экземпляры, словно особи одной породы, как две капли воды зеркально повторяют здешних. Ничего не поделаешь, естественный, так сказать, отбор.

4

В прошлом белый генерал. Можно сказать, орел степной, казак лихой, хотя уже около ста. Дорога у него позади — от Новочеркаска до Феодосии — вся

в виселицах, как в портретных рамах. Но под старость в эмигрантском прозябании стал истекать охранительным патриотизмом. С атташе из советского посольства водой не разольешь, так сказать, два столпа великой державы, не мытьем так катаньем, сбылась голубая мечта: пол-Европы под самым у России, знай наших!

Провожая после скромного застолья дипломата, натасканного в родном отечестве по сыскной части, умильно шамкает ему вслед вставными челюстями:

— Вот это патриот, растуды твою качель, нашего — казацкого корня, не то что эти самые босяки, как их, туды-растуды, диссиденты!..

Дай Бог, как говорится, им обоим крепкого здоровья и долгих лет; глядишь, повезет: из собутыльников в сокамерники попадут, где сольются, наконец, в совпатриотическом экстазе навсегда.

Киноартист. Режиссер. Лауреат. Деятель. Наследник Станиславского. Перманентно перед или после запоя. Увешан всеми побрякушками государства, но жажден большего, а посему подвизается в отечественном сыске на ролях „потрясателя основ”: работа во всех отношениях хлебная, хотя и требующая известной изворотливости.

Вещает в Нью-Йорке:

— Мы этих картеров, которые принимают в своих белых домах каких-то там диссидентов, интеллигентов, знать не знаем и знать не хотим. — Коронный киножест: ладонь ребром вперед, локоть плавно в сторону. — Мы артисты и душа наша за мир и дружбу, взаимовыгодную торговлю и соглашение СОЛТ-два. — В общем: хинди — руси, бхай-бхай!

Разумеется, никаких, как он выражается, карте-ров этот гусь знать не знает, но газету „Правда” цитирует добросовестно, слово в слово. Школа ска-зывается: работает по системе Станиславского, в соответствии со сверхзадачей.

Трибун. Горлан. Главарь. Что хотите. Стихами буквально испражняется. Кипит благородным воз-мущением. Разоблачает. Клеймит. Кого? Кого угод-но, кроме собственных носорогов в штатском. Что? Что угодно, кроме людоедства в собственной стра-не. Но в то же время намекает. Дает понять. Проводит аллюзии. На этом стихотворном мародерстве сделал себе состояние и полускандальную извест-ность. Но жанр одряхлел, золотое время дармовых кормов кончается.

— Проходит моя слава, как вода сквозь пальцы, — жалуется, болезный, приятелю, пропивая в лон-донском кабаке гонорар за недавнее изобличение язв капитализма, и белые глаза его при этом истека-ют мутной слезой. — Люди неблагодарны.

Умри, Денис, лучше не скажешь! Но, воленс-неволенс, какой поэт, такая и благодарность.

Живописец. Это значит — живо пишет. Наш — даже слишком живо. Увековечил уже с полдюжины царствующих и не менее дюжины властвующих особ обоего пола, разного возраста и разнообразного ка-либра. Работает в принципиально иконописной мане-ре: Лоллобриджиду — под Матерь Божию, Брежнева — под Христа в маршальских регалиях. Поговарива-ют, за Амину Даду взялся, расписывает в святооте-ческой манере, хочет художественно прозреть в лю-

доеде черты то ли Иоанна Крестителя, то ли Симеона Затворника. В духе, так сказать, исторического компромисса.

Но после недавнего вояжа по Европе творческая Дуняша неожиданно затосковала: другой славы возжаждалась, извините за выражение, героической. Сидя в своей московской опочивальне среди французской мебели Людовика какого-то, собрал, чтоб добро не пропадало, все прошлые модели на одном холсте, добавил туда для оппозиционного оживления Спасителя, опального прозаика, самого себя и — в живописный Самиздат: нишкните, завистники, мы тоже, мол, не лыком шиты!

Не картина, а целое скопление, созвездие, содружество, конгресс гигантов, можно сказать, яблоку некуда упасть. Видно, по этой самой причине в сей эпохальной мистерии двадцатого века только Иванушке-дурачку места не нашлось, а скорее всего, нету их теперь, Иванушек-дурачков. Перевелись.

5

„Дорогие друзья!

Со дня моего отъезда на Запад прошло более четырех лет. Пора, что называется, подвести первые итоги. Оглядываясь теперь на прошлое, я должен с горькой определенностью признать, что после своего отъезда потерял куда больше, чем приобрел. Разумеется, не о квасной ностальгии речь, этим я не страдаю, а если и поскребет на сердце иногда, мне стоит только добежать до газетного киоска на Этуаль, полистать родную „Правду” — и все как рукой снимает. Куда тяжелее для меня потеря среды, то есть

тех людей, судьбы которых так или иначе переплелись с моею, той языковой стихии, в которой складывался мой человеческий и литературный слух, того горделивого сознания своей правоты, какое дается человеку участием в общем противоборстве темной и безусловно злой силе. В том общественном микромире, который с годами мы сумели создать вокруг себя и в себе на родине, царила ответственная окончательность нравственных законов: нельзя убить, нельзя солгать, нельзя слукавить. Это был восхитительный остров взаимопонимания, где каждый ощущал каждого с полуслова, с полувзгляда, с полунамека, а то и на расстоянии. Иногда мы просто молчали по телефону (о, эти отечественные телефоны!), и это молчание было для нас куда красноречивее самых пылких объяснений или речей.

Поэтому для человека моего склада и характера первым и, пожалуй, самым мучительным испытанием на Западе явилось полное смещение спектра этических, эстетических и политических критериев, принятых здесь в оценках людей, событий, ценностей. Оказывается, что в общем-то все можно и все дозволено. Можно черное назвать белым и — наоборот. Дозволено солгать и убить, если это касается „палачей” или „угнетателей”, или „агентов империализма” (кстати, под последнюю категорию легко подпадает и ваш покорный слуга со товарищи, так что еще, как говорится, не вечер), а кто из ближних считается таковым, в каждом случае определяет сам идеологический субъект.

Но не дай вам Бог, если вы попробуете, хотя бы робко, указать на некоторое несоответствие подобной диалектики с элементарными принципами демократии, вас тут же обвинят в обскурантизме и ско-

ренько зачислят в лагерь черной реакции, а это обойдется вам, прямо скажем, недешево: перед вами моментально захлопывается большинство дверей, вы незаметно для себя оказываетесь в профессиональной и политической изоляции. Тяжесть этого негласного террора испытали на себе почти все те, о ком в современной России говорят только с восхищением и благодарностью: Орвелл, Ионеско, Кестлер, Конквест, Марсель, Арон и многие-многие их единомышленники.

Скажу наперед: я не могу, не хочу и не намерен принять политический плюрализм, который включает в себя прошлых, нынешних или предстоящих заплечных дел мастеров, создателей собственных ГУЛагов, какими бы благородными целями они ни руководствовались. Для меня слово „коммунизм” было и остается синонимом слов: „реакция”, „мракобесие”, „фашизм”. И это с моей стороны не публицистическая фигура, а ответственное обвинение, ибо на протяжении последнего столетия с этим словом связаны только грязь и кровь, по сравнению с которыми все гитлеровские злодеяния кажутся теперь жалкими потугами истерических подражателей. Но если уж род человеческий до того духовно и политически вырос, что готов распространить свой плюрализм и на них, то почему же оно — это человечество — не нашло еще в себе мужества распространить этот плюрализм на Гесса, который по составу своего преступления им и в подметки не годится? Тем временем Гесс (и по заслугам!) находится в Шпандау, а они заседают в европейских парламентах или носятся по миру с идеей „социализма с человеческим лицом”.

В чем же все-таки тогда дело?

Ответ на этот вопрос малоутешителен. Ибо дело здесь не в очередном социальном заблуждении, а в поистине растительной приспособляемости известной части „диалектически мыслящих” интеллектуалов к политическим обстоятельствам. Новые мифы не только позволяют им безболезненно забыть свое прошлое, списав собственные преступления за счет издержек философского поиска, но и выгодно эксплуатировать эти мифы себе на материальную потребу.

К сожалению, не отстают от них и наш брат, разумеется, из тех, кто поплоше, но посмекалистее. Вчерашние религиозные неопиты, принципиальные противники однопартийной системы и организованной экономики, отчаянные сионисты вдруг оборачиваются здесь закоренелыми неомарксистами, сторонниками „третьего пути”, горячими поклонниками дела палестинского освобождения. Писатели без книг, философы без идей, политики без мировоззрения, они сделали моральную эластичность своей профессией, начисто выхолостив из памяти цели и пафос того самоотверженного движения, из которого вышли. Расценивая свои подлинные или мнимые заслуги перед оставленным отечеством не как вынужденную дань борьбе, а как чековую книжку на получателя, они используют в своих корыстных целях все трагические противоречия современного мира: национализм, антисемитизм, религии. Теперь не редкость, когда очередной эмигрантский вояжер последнего призыва прежде, чем дать кому-либо интервью о политзаключенных или правах человека, заложив ножку на ножку, деловито заявляет: „Деньги на бочку!”

И стыдно, и горько, и пакостно от всего этого на душе до невозможности. И поэтому вдвойне горше и обиднее, когда, в яростном кольце этого носорожьего фронта, оттуда, со стороны тех, кому привык верить и на кого надеяться, вместо слов поддержки только и слышишь: не то, не так, не туда! Неужели и впрямь оттуда, из-за стены глушений и пограничных рогаток, виднее, что здесь „то”, „так” и „туда”? Не естественнее ли было бы для нас с вами продолжать общаться, как бывало, на взаимном доверии и понимании с полуслова, с полувзгляда, с полунамека, а то и просто на расстоянии? Вы — там, мы — здесь. Ведь каждый из нас остался тем же, чем был на родине, со своими взлетами (если таковые были!) и падениями (если таковые имелись!), со всеми достоинствами и недостатками, только сделались намного печальнее и старше. Неправое дело, по недомыслию или злонамеренности, может совершить один, даже хорошо знакомый вам человек, в том числе и я, но рядом со мною стоят люди, которых, хочу надеяться, вы, как и прежде, любите: Иосиф Бродский, Володя Буковский, Толя Гладили, Наташа Горбаневская, Эмма Коржавин, Эрик Неизвестный, Вика Некрасов, каждый со своим кругом связей и привязанностей. До последнего дня сопутствовал всем нам и чистейшей души Саша Галич. Согласитесь, столько самых разнообразных людей не могут, сговорившись, делать одно неправое дело. Да, могут быть ошибки, срывы, невнятности, но в целом наше дело делается во имя тех же идеалов, какие объединяли нас с вами на родине. Ради этого мы живем, думаем, стараемся, в меру своих сил и разумения, работать, отбиваясь на четыре фронта от беспощадного носорожьего натиска. Насколько бы

легче нам было в этом отчаянном единоборстве, если бы мы ощущали спиной вашу поддержку, хотя бы молчаливую. Окружение, за кольцом которого нет „своих”, смертельно и для нас, и для вас. Если же вы есть, остались, ждете, то я уверен, мы в конце концов прорвемся друг к другу”.

6

Рог к рогу. Ноздря к ноздре. Слюна с пеной — веером. Ломятся, каре на каре, смыкаясь в кольцо. И пяточок свободной от их топота земли, где стоит одинокий человек в свитере, который чудится мне белой тогой с малиновым подбоем, становится все крохотнее и теснее. Они обтекают его со всех сторон, кося кровавым глазом на обреченного чудака, не желающего им уступить. Вот вам наша рука, Эжен, мы вместе падем под их копытами, но все-таки не уступим. Мы хотим погибнуть людьми. Идущие на смерть приветствуют тебя!

Дорогу носорогам! Дорогу!

САГА О САГЕ

1

Откровенно говоря, без литературного кокетства, я полагал, что тема моего очерка, фельетона, памфлета, назовите как хотите, исчерпывалась уже самой той формой, в которую была заключена, и той манерой, в какой она была написана. Но, к моему удивлению, тема эта получила неожиданное для меня развитие, возникшее из кружения читательских откликов, главным образом, в среде моих соотечественников.

Едва первые фрагменты появились в „Новом русском слове” и в „Русской мысли”, как белый конверт спланировал на мой рабочий стол. В нем оказался даже не отклик в прямом смысле этого слова, а скорее инструкция, предписание, руководство к действию. Не могу отказать себе в грустном удовольствии привести его, так сказать, в первоизданном виде:

„Владимир Емельянович! Боюсь, что недопустимым тоном своей „Саги о носорогах” Вы перебрали по очкам. Мне кажется, что пришла пора отступить. Осмелюсь рекомендовать следующий порядок действий: 1) Публично извиниться. 2) Остановить печатанье отрывков в „Русской мысли”. 3) Воздержаться от публикации этого сочинения в „Континенте” № 19.

М. Розанова

Р. С. Простите, но копию этой записки я отправляю в „Русскую мысль”.”

Как говорится, краткость — сестра таланта, но в сочетании с эдакой штабной лапидарностью она уже, на мой взгляд, становится внучатой племянницей гениальности. По горькой иронии судьбы, негнушащиеся, словно солдатский фрунт, строки эти принадлежали перу жены писателя, которого в свое время без малого семь лет гноили в лагерных бараках за литературу того же жанра и стилистики, и вокруг которого совсем еще недавно, уже здесь за рубежом устраивались печатные истерики после выхода в свет его очередной книги. Видно, по той же иронии, в те тяжкие для него дни, даже не будучи поклонником этой самой его книги, я оказался чуть ли не единственным в русском Зарубежье, кто защищал писателя от этих нападок. И хотя трудно в наши сугубо носорожьи времена напоминать кому-либо о благодарности, но об элементарном чувстве стыда стоило бы.

Второй отклик хоть и адресовался непосредственно в „Русскую мысль”, копию его я получил из того же источника, с перерывом в два-три дня. Кроме поразительной осведомленности, по каким адресам следует дублировать свою корреспонденцию, разгневанный автор из Прованса, некий Мартынов обладал известной лихостью стиля, работал в лучших традициях советских фельетонистов, но с применением мерок „наоборот”, то есть сваливая со своей больной головы на мою здоровую:

„Многоуважаемые господа Редакторы! Я с тяжелым недоумением прочел в „Русской мысли” „Сагу о носорогах”. За двадцать пять лет увлечения русским языком мне не раз приходилось удивлять-

ся грубости, падкости на клевету и доносительство, злопамятству и беспросветной безвкусице, которые душат советскую публицистику, да и часто отравляют общественную мысль по эту сторону рубежа. До сих пор, однако, ни в ленинских нападках на кадетов, ни в крокодиловских и литгазетных подвалах не удавалось прочесть ничего подобного. У меня нет ни малейшей симпатии к тупой самозащите левой интеллигенции нашей, но ее вряд ли переубедишь *такими* обличениями. Носороги! Доводами не пробьешь! С ними надо просто расправиться! Пока что — мысленно... Это опасный путь. Игры ущербного воображения могут вылиться во что угодно. Самосуд в мечте страшен еще хотя бы тем, что он жестко освещает душу камерных мстителей. Можно надеяться, что В. Максимов ограничится воображаемой охотой. На настоящих или мнимых носорогов. Печалит главным образом факт этих зоологических невеселых очерков. По сравнению с этой жидковатой сагой, российский мат — в котором коренятся талант и мировоззрение В. Максимова — выгодно отличается своей лаконичностью. Печально читать рядом с молитвой о русском народе болезненно осторожные соображения о чьей-то заднице. С глубоким почтением,

Мартынов”.

В верхнем правом углу страницы: „С приветом. Мартынов”. Это уже, надо понимать, для адресата, которому предназначалась копия.

Ах, господин Мартынов, господин Мартынов, я понимаю, как иногда хочется или необходимо, что называется, порадеть родному человечку, но ведь не до такой же степени, чтобы из-под каждой строки торчали чуткие уши заказчика!

Следующий отзыв был уже печатным и принадлежал долголетнему автору вышеуказанной газеты — госпоже Е. Каннак. При всем моем уважении к этой почтенной даме, я не мог не подивиться (в печальном, конечно, для нее смысле) необыкновенной живости ее реакции, начисто отмечающей азбучное правило журналистики: прежде, чем откликаться, дочитывать вещи до конца. Но, видно, желание осадить, поставить на место здешнего неопита одержало верх над соображениями профессиональной этики. Итак:

„Не без удивления прочли мы в „Саге о носорогах” следующие строки В. Максимова: „Из огня да в полымя — стоило ли уносить ноги от диктатуры государственной?.. В известном смысле здесь то же самое: цензура, деление на своих и чужих, издательский и критический бойкот, конформизм наизнанку, только под respectable демократическим соусом...” А немного выше — слезные жалобы на „душевную глухоту, идеологическую ограниченность, социальную стадность западной интеллектуальной элиты”. Как это понимать? Ведь — надо надеяться — и В. Максиму известно, что цензура во Франции отменена почти двести лет тому — в 1789 году — и что никто не может помешать французскому писателю посвятить свою книгу любой теме, а издателю — эту книгу напечатать. Но, конечно, из груды манускриптов издатель выбирает те, которые покажутся ему значительнее и талантливее других — и могут привлечь читателей. Это его право. При чем тут цензура?..”

Все правильно: в огороде растет бузина, в Киеве живет дядька, но при чем тут тема моих, как выражается, к примеру, господин Мартынов „зоологических невеселых очерков” и отмена цензуры во Франции я до сих пор, убей меня, в толк не возьму. Что поделаешь, видно, первое раздражение не совсем благотворно влияет на логику мысли. Недаром сказано: умеете властвовать собой! Ей Богу, по себе знаю!

У госпожи Шмидт из Западной Германии ко мне чисто личная претензия:

„Нас, жителей Федеративной Республики особенно взволновало то место из „Саги о носорогах” В. Е. Максимова, где знаменитый русский писатель, с присущим ему художественным мастерством, живописует портрет „перековавшегося в голубя мира” носорога-нобелианта. Об этом персонаже, в котором нетрудно узнать одного из лидеров правящей сейчас у нас социал-демократической партии, также сказано, что он слабоват по части женского пола и „попивает”. В связи с последним замечанием возникает тревожный вопрос: неужели этот, доселе уважаемый государственный деятель так пьет, что это шокировало даже господина Максимова?”

Не могу отказать автору письма в редакцию в язвительной пронизательности (и впрямь, грешен!), но, Боже мой, как же я, выходит, популярен в этом лучшем из миров, если рядовая „жительница Федеративной Республики”, обыкновенная госпожа Шмидт (по русским понятиям это все равно, что Иванова, Петрова или Сидорова) знает такие интимные подробности моего повседневного быта) А,

представьте себе, если ей придет в голову поднапрячь свою недюжинную интуицию, она и вовсе сумеет прозреть у меня в душе еще более пакостные наклонности, вроде тяги к азартной игре или растлению малолетних! К сожалению, как выяснилось, популярность моя здесь совсем ни при чем. „Госпожа Шмидт“, хотя и живет действительно в Федеративной Республике Германии, в подлинной своей жизни носит отменно русскую фамилию (но не Иванова, Петрова или Сидорова) и служит в русской организации, а скрылась под невинным немецким псевдонимом единственно с тем, чтобы замести следы, по которым пришло в редакцию ее подметное письмо. О времена, о нравы!

По мере появления в свет одного за другим фрагментов из „Саги“ события принялись разворачиваться с головокружительной быстротой.

2

Однажды поздно вечером раздался телефонный звонок:

– Слушай, старик, – узнал я голос знакомого эмигранта, – зря ты Х. задел, она все-таки много делает по защите Прав.

– Позволь, дорогой, при чем здесь Х.?

– Как так при чем? Не валяй дурачку, мы же свои люди, чего зря темнить, это же видно невооруженным глазом. Сам же пишешь: „полное единство формы и содержания: всем природа обделила, как Бог черепаху“.

– Почему ты думаешь, что это имеет отношение к Х.?

- Да ты посмотри на нее!
- К сожалению, таких на свете много.
- И потом эти антисемитские выпады!
- В чем же?
- Брось, старик, сам знаешь: „неопределенной национальности, то ли русская француженка, то ли офранцуженная русская”.
- У тебя, брат, богатое воображение.
- Опять же: „состоит то ли секретарем, то ли соглядатаем в комитете...”
- Комитетов во Франции не меньше, чем кафе или отелей, а при них столько же секретарей не лучшей внешности.
- Не принимай меня за идиота, старик, я же ее знаю, как облупленную, она – мой друг!..
- Я кладу трубку почти в безнадежной прострации: „Боже мой, если он такого мнения о своих друзьях, могу себе представить, что он думает обо мне!”

3

Упреки, советы, наставления посыпались на меня, словно конфетти в новогоднюю ночь.

Корреспондентка из Америки сетовала на то, что в лице старого генерала, умиленного патриотизмом советского атташе, я оболгал всю первую эмиграцию. Близкий друг, проживающий ныне в Бостоне, после горячих похвал походя журил меня за „наследника Станиславского”, в котором якобы легко узнается наш общий приятель-режиссер одного московского театра. А следом свежеиспеченный беженец оскорблялся образом поэтессы и заодно ука-

зывал автору этих строк на языковую неряшливость вещи в целом.

— Как он смеет, — возмущались одни, — так злоупотреблять гостеприимством Запада, ему предоставили право убежища, а он изображает великодушных хозяев в виде каких-то дремучих носорогов!

— Безобразие, — кипятились другие, — что за язык, что за тон, что за выражения, мы же интеллигентные люди!

Третьи горячо негодовали:

— Вот из-за таких вот нас и считают дикарями с тоталитарной психологией. Знаем мы этих страдальцев, настригут купонов со своего страдания и горланят на весь мир, слушать тошно...

Когда я вкратце суммировал реестр упреков и обвинений в мой адрес, итог оказался, хотя и противоречивым, но убийственным. Меня уличали в следующих непростительных грехах:

1. Русофобии (старый генерал).
2. Антисемитизме (дама из комитета).
3. Доносительстве (поэтесса).
4. Непечатном языке (доктор накануне пенсии с эмансипированной женой).
5. Хамстве (политический деятель — нобелевец).
6. Неблагодарности (от начала до конца).

Этого было слишком много даже для меня.

При всей своей малости я вдруг почувствовал себя в шкуре Мольера и мысленно возопил вместе с ним: господа публицисты, не пишите сатир!

Я намеренно привожу здесь только критические отзывы, причем, из наиболее резких, хотя среди многочисленной почты было немало и одобрительных писем. Одно такое письмо мне хотелось бы процитировать дословно:

„В своем выступлении на встрече трех эмиграций В. Максимов сказал, что „Сага о носорогах” критикуется в Париже многими или даже всеми (не помню точных слов). Я не могу согласиться с Максимовым. Он забывает о молчаливом большинстве — а оно его благодарит за честное, смелое, свободное выступление, каким является его „Сага”. А критикуют его именно носороги, которых, к счастью, очень мало — хотя они умеют делать много шума — в эмиграции. Что ж, можно их понять, — Максимов ведь сумел пробить их толстую кожу. Мне, представителю третьей волны, весьма понятна их злоба — она от беспомощности перед истиной.

В. Мельников”.

О, легендарное „молчаливое большинство”, сколько чернил истрачено, сколько перьев посломано, сколько бумаги выброшено, чтобы описать Твое незримое лицо и проникнуть в твою безымянную сущность! В свою очередь, пользуясь случаем, мне хотелось бы, наконец, объясниться с Тобю. Итак:

„Ваше Величество Молчаливое Большинство!

Во первых, как у нас говорят, строках своего письма я, прежде всего, хотел бы отдать должное

Твоему чутью, Твоей житейской прозорливости, трезвости Твоих оценок и суждений. Но где, в какой раковине, в каком подполье баррикадируешься Ты, когда оголтелое меньшинство беснуется среди бела дня, разрушая остатки фундамента, на котором еще держится хрупкое здание Свободы? Во власть этому безумному меньшинству уже отдано все: улица, студенческие аудитории и университетские кафедры, печать, радио и телевидение, массовые зрелища и теперь, накануне Олимпиады в Москве, даже спорт. Это меньшинство уже довело Твою политическую структуру до того, что она готова сейчас (если не вынуждена!) броситься в смертельные для себя объятия „исторического компромисса” с дьяволом. Это меньшинство не стесняется навязывать Тебе свои мерки правды и справедливости, по которым кровавая диктатура считается „народной демократией”, а полное закабаление — „царством свободы”. В наше время это меньшинство беззастенчиво диктует свою волю народам и многим правительствам.

Меня или, во всяком случае, таких, как я, часто упрекают в том, что мы, едва оказавшись на Западе, сразу же начинаем критиковать его слабости. По мнению наших оппонентов, это идет от нашей бестактности, недостатка культуры, тоталитарного типа мышления, хотя последний едва ли может расположить индивида к критическому анализу реальной жизни, скорее — наоборот.

Человек, выросший в условиях открытого общества, с рождения воспринимает окружающую его действительность как нечто естественное и само собой разумеющееся. Потому-то рядовой человек Запада склонен (что для него вполне органично) ви-

деть серьезные пороки своей системы — инфляцию, безработицу, социальное неравенство, но не замечать в ней еще более серьезных слабостей — духовного и политического оппортунизма, военной уязвимости, стремительного проникновения „раковой опухоли” грядущего тоталитаризма во все поры здешней демократии.

Нам же, людям оттуда, это сразу бросается в глаза. Мы резче других видим, как за дымовой завесой клишированной демагогии о социальной справедливости здесь осуществляется целеустремленная работа по дестабилизации существующей общественной и государственной структуры. И мы кричим (может быть, подчас чересчур громко), кричим оттого, что уже пережили Твой завтрашний день, что мы знаем этому цену и что нам больше некуда бежать.

Слишком дорогой ценой досталась нам эта, возможно, на здешний взгляд, и относительная свобода, чтобы мы могли равнодушно глядеть, как на наших глазах ложь и насилие, от которых мы бежали с таким трудом, постепенно получают в открытом обществе не только права гражданства, но и власти. Молчать в этих условиях — значит предать идеалы, за которые мы боролись у себя на родине, и людей, которые после нас пошли во имя этих идеалов в концлагеря.

Но сколько бы мы ни кричали, сколько бы ни пытались пробить головой стену, нам не под силу в одиночку изменить ход истории. Судьба будущих поколений находится сейчас в руках тех, кто еще молчит, то есть в Твоих руках. От Твоего желания, воли, слова зависит сегодня быть или не быть демократической цивилизации, завтрашний день человечества и Твоя собственная судьба. Найди же

в себе силы подняться, наконец, и заговорить, ибо молчать теперь значит тоже лгать.

Остаюсь с надеждой на Тебя, преданный автор — имярек”.

5

Если хотите, то в маленькой истории с моим очерком, фельетоном, памфлетом (назовите по выбору), как в капле воды, отразились борения и мутации нашего смутного времени. Кроме личных амбиций, мелкой злобы и жажды самоутверждения любой ценой, в ней столкнулись две противоположные концепции эмигрантского бытия, а, может быть, не только эмигрантского. „Мы не в изгнании, — сказала большая русская поэтесса, — мы в послании”. От того, как понимает каждый из нас это самое „послание” и выявляются позиции сторон.

Я лично склонен принять всякую, даже самую мирную форму сопротивления тоталитаризму. Каждый волен из множества форм выбирать наиболее соответствующую его пафосу и темпераменту (лишь бы не сотрудничество), как говорится, от каждого по способностям. Но оппоненты мои, судя по их письмам, жаждут навязать мне свою меру толерантности, причем, делают это (в чем, надеюсь, читатель успел убедиться) с самых агрессивных позиций.

Глядя на эту бурю в стакане воды, так и хочется порою воскликнуть следом за Достоевским: „Господи, что же вы над собою-то делаете!” А затем напомнить этим любителям подвести идеалистический базис под свои далеко не идеальные мотивы, что развлекаются они (впрочем, вместе с вашим покор-

ным слугой) на краю пропасти, в чем я абсолютно убежден. Так что не пора ли одуматься? А засим: до свидания!

МЫ И ОНИ

1

- Вы верите в Бога?
- Я буду веровать.
- ?!

Журналист сидел передо мной — красивый, скептический, уверенный в себе — в штучно скроенном костюме, брюки едва заметно расклешены, галстук в тон сорочке, и носок блистающего лаком ботинка мерно покачивался в такт каждому его слову. Задавая вопросы, он, этот современный язычник с пухлой чековой книжкой в кармане и уклоном в социализм, даже не скрывал снисходительной усмешки: уж кто-кто, а он-то доподлинно, прямо из первоисточника знал, что земля стоит на трех китах: науке, разуме, прогрессе, — и поэтому великодушно соблезновал простодушью собеседника. Ему, разумеется, как дважды два было ясно, с чего начался мир и чем этот мир кончится, всему на свете он давно определил цену и ничто уже не могло его удивить.

О самодовольная овца грядущих социальных экспериментов, уже готовая к стрижке и закланию! Сколько вас, гордых двигателей прогресса, встречалось мне на этапах и зонах — жалких, сломленных, вечных обитателей лагерных помоек и больничных бараков!

Как и какими словами мог бы я втолковать этому лощеному хмырю в твиде о тех неисповедимых путях, по которым, сквозь крым и рым и медные

трубы продирался я к тому огоньку, что озарил мою жизнь своим невечерним светом, сообщив ей Смысл и Надежду? Разве поймет этот балующийся свободомыслием хлыщ меру и тяжесть тех смертных мгновений, когда рука невольно складывалась в трехперстную щепоть, а душа взмывала и падала в страхе и трепете? Разве вместит, слабая душа, Истину, которая званым-то не всегда под силу?

„Но погоди, господин хороший, заморский глухарь, токующий о революции и прогрессе, — горько посмеивался про себя я, — клюнет и тебя твой жареный петух в задницу, и тогда ты запоешь другим голосом, и выхаркаешь свои блажные проекты со слезами и кровью в следственных подвалах собственных заморских „спецов”. Жаль только поздно будет, а хотел бы я на тебя посмотреть тогда”...

— Это не мои слова, говорю я, — это Шатов в „Бесах” Достоевского. О нашей русской Вере лучше не скажешь. Мы чуть не девять веков живем не Ею, а в Ее ожидании. Отсюда вся наша история, все ее взлеты и падения. Через великое сомнение идет наш народ к Истине. Но зато, когда придет и примет окончательно, уже не отступится. У вас на Западе все наоборот.

— Вы — русские, странный народ. — Зеркальный носок ботинка описал изящную дугу. — Готовы до бесконечности спорить о вещах, о вопросах, которые в цивилизованном мире давно решены и сняты, как у вас говорят, с повестки дня...

Чума на оба ваши дома! Откуда ты, человек в лаковых штиблетах, уже решивший все вопросы

бытия и снявший с повестки дня самого Господа Бога? Как же Он в самом деле милостив, если еще позволяет такому, как ты, хулить Его имя и при этом прощать тебя! Терпение у Него неиссякаемо, но хватит ли этого терпения у простых смертных? Хватит ли у них терпения смотреть и слушать, как безликие некто, движимые пресыщением и жаждой власти, лукаво соблазняют толпу новым дележом, в котором ей, в конце концов, так ничего и не достанется? Миллионы застреленных, сожженных, забитых насмерть, изведенных голодом ради „счастья всего человечества” от Праги до Колымы, свидетельствуйте об этом! Или это самое „счастье человечества” стоит того? Стоит, чтобы во имя его можно было попирать все Божеские и человеческие законы, лгать, шельмовать, оплевывать, заставлять людей пить на допросах собственную мочу? Да какие гунны, какая инквизиция могла бы додуматься до этого? Не было этого на земле нигде, никогда, ни в кои, даже в самые скорбные века!

Тихое отчаянье душило меня. Поди, расскажи этому залетному попугаю, какие сны душат меня годами, не давая вздохнуть или опомниться! Особенно один: ночь, глухой прогулочный двор Бутырок, беспорядочная стрельба и крики, а над всем этим истощная мольба восьмилетнего отпрыска начальника тюрьмы, участвующего в бойне: — „Папа, дай я!”

Вот она, плата человека за отпадение от самого себя, господин хороший, и это уже никому не простится:

— „Папа, дай я!”

Слова сгорали в гортани от слез и ярости. Я только беспомощно глотал воздух...

— Я вас не понимаю...

— Это у тебя впереди, — сложилось у меня само собой. — Да минет тебя чаша сия, будь ты проклят! Только не минет ведь!

Я обессиленно закрыл глаза. И сразу стало не до гостя. Память, словно воронка, властно затянула его в свои бездны*.

2

Они пригласили его на частную встречу, обставив ее с такой конспиративной ухищренностью, будто дело происходило во времена оккупации и подпольного Сопротивления. Они — это высшее руководство „авангарда еврокоммунизма“, „самой независимой от Москвы компартии Запада“, здешнее средоточие „веротерпимости и демократического плюрализма“, так сказать, без берегов. Он — один из ведущих лидеров „Пражской весны“, мучительно переживающий свой переход от безграничной веры в марксистские идеалы к искреннему осознанию краха недавних надежд и прежних иллюзий.

Они, разумеется, сочувствуют ему, хором сетуют на агрессивную амбициозность „русских товарищей“, наперебой клянутся в понимании и солидарности, умильно рисуя перед ним радужные картин-

* Фрагмент „Прощания из ниоткуда“.

ки их собственной, европейской формы социализма, который будет построен ими сразу же после прихода к власти.

Он слушает их восторженный лепет вполуха, с самого начала убедившись в том, что его пригласили сюда не для того, чтобы понять, а лишь затем, чтобы обеспечить себе душевный комфорт свободомыслия и сомнительное алиби перед своей собственной и не совсем чистой совестью. Да и о чем ему спорить с ними, с этими политическими младенцами пенсионного возраста, если у них в голове вместо воспринимающего устройства крутится заезженная пластинка со стереотипами расхожего пропагандистского толка. Им не понять его до тех пор, пока гусеницы советских танков не впечатают в их души свои неопровержимые письма. Но тогда уже будет поздно.

Лишь на прощание он не удерживается, говорит, снисходя к их непробивной самоуверенности:

— Неужели после всего, что было, вам трудно понять, что как только ваша партия придет к власти, вы должны будете сойти со сцены.

— Интересно, — с вызовом вскидывается один из них, — кто же придет тогда к руководству?

— А тот, кто придет, — всердцах отрезает гость, — он еще даже не в партии, он торгует сейчас сигаретами в Неаполе.

Нет, нет, никогда, убеждают гостя хозяева! Они не допустят этого, они абсолютно свободны в своих решениях, они принципиально самостоятельны, они предельно независимы и у них собственный, не имеющий ничего общего с восточным путь к социализму.

Конечно же самостоятельны, и конечно же принципиальны, но, правда, и того и другого у них хватает ровно настолько, чтобы конспиративно встретиться со своим чешским коллегой, весьма опасаясь, как бы слух об этом не дошел до чутких ушей их „старшего брата”, от которого они так независимы. И это — еще находясь в респектабельной оппозиции.

3

Съезд молодых социалистов в Лионе. И, разумеется, страстные речи о Свободе, Равенстве и Братстве, о борьбе с эксплуатацией, неокOLONиализмом, расовой дискриминацией. Боли и беды далеких Чили, Аргентины, Южной Африки воспринимаются здесь как свои. Горящие глаза, вдохновенные лица, уверенные голоса. Со стороны посмотреть, сердце возрадуется: есть еще взыскующие Правды души!

Но вот на трибуну выходит гость из России. Он так же молод, как и они, но у парня за спиной два полных тюремных срока, демонстрация на Красной площади против оккупации Чехословакии, вынужденная и очень тяжкая для него эмиграция.

Он говорит им о своей стране, о ее духовной и социальной трагедии, о миллионах замученных в прошлом и о тысячах заточенных сегодня, о борьбе и общественных исканиях русской молодежи. Он приводит проверенные свидетельства и установленные факты. Он взывает зал к поддержке и помощи.

Но зал реагирует весьма вяло, к концу выступления и вовсе замолкает. Гаснут глаза и лица, освободительный восторг улетучивается прямо-таки на

глазах. Такое впечатление, будто собрание прихватило внезапным заморозком.

Гость сходит с трибуны и после короткой паузы в спину ему тянется недружная, но отчетливая цепочка ругательств:

- Фашист!
- Лакей империализма!
- Социализм – да, Си-ай-эй – нет!
- Пропаганда!..

Парень, не оборачиваясь, выходит в ночь, заворачивая в ближайшее кафе, где за кружкой пива, в который уже раз в эмиграции пытается осмыслить эту непонятную ему глухоту окружающих.

Внезапно двери распахиваются и в кафе вваливается кампания его недавних слушателей. Глазами отыскав гостя, они с беззаботным дружелюбием рассаживаются вокруг него и каждый из них спешит к нему с рукопожатием.

– Ты понимаешь, – доверительно полуобнимает его за плечи один из них, – все, что ты говорил – правда, мы это знаем и верим тебе, но на собрании так нельзя, это могут использовать наши враги.

– Всегда и везде, – с горечью откликается гость, – это начиналось именно так.

– Что ты имеешь в виду? – недоумевает тот.

И, уже поднимаясь, гость коротко бросает:

– Фашизм.

4

Цитата из статьи одного ошалевшего от собственной прогрессивности испанского журналиста по поводу приезда Александра Солженицына в Испанию:

„Я убежден, что пока существуют такие люди, как Солженицын, придется сохранить исправительные колонии. Возможно, следует несколько улучшить их охрану с тем, чтобы лица, подобные Солженицыну, до тех пор, пока они не перевоспитаются, не могли бы оттуда выйти”.

Не знаю, что он за журналист — этот писака, но вот по части сыскной и тюремной чувствуется явный профессионализм.

Думаю, что Испания должна знать своих негодяев: его имя — Хуан Бенет.

5

У этого итальянского гида лицо Савонаролы и повадки комиссара времен гражданской войны. Презрительно кивая в сторону храма святого Петра, он отрывисто спрашивает:

— Что вы на это скажете?

— Прекрасно, — ничего не подозревая, отвечаю я, — поразительно гармонично!

— Гармония — это для буржуазных эстетов, — пренебрежительно пожимает плечами он, — для нас — людей прогресса это прежде всего памятник тиранической эксплуатации человека человеком.

— ?!..

Этот интеллигентный вандал, еще не придя к власти, уже готов нажать рычаги бульдозера, чтобы в любой момент снести с лица земли славу Италии и воздвигнуть на ее месте многоквартирный курят-

ник, который развалится в промежутке между двумя муниципальными выборами. Можно себе представить на какие социальные художества способен этот „реформатор”, окажись он вскоре у кормила правления!

6

Они слушают меня угрюмо, настороженно, как бы заранее не принимая моих доказательств. Потом один из них – с беспорядочно взбитой шевелюрой до плеч – задиристо выдвигается мне навстречу:

– Что вы нам все твердите: „свобода”, „свобода”! Свобода умирать с голода и быть безработным – это тоже свобода, но кому она выгодна?

Знакомые речи! У меня на родине меня пичкали ими более сорока лет, но там, к счастью, эта наивная демагогия давно уже не принимается всерьез ни пропагандистами, ни слушателями, а вот здесь в свободном мире, поди ж ты, она в самом ходу.

Мой друг – Наум Коржавин – в таких случаях отвечает со свойственной ему поэтической лаконичностью:

– Что такое свобода? А вы потеряйте ее, тогда узнаете.

К тому же, удивительное дело! – когда ретроспективно оглядываешь историю, то убеждаешься, что перед Человеком во все века вставала одна и та же дилемма: Свобода или Хлеб – с вытекающей из нее последовательной закономерностью: если человек выбирал Свободу, он обязательно имел Хлеб; если же он выбирал Хлеб, он тут же терял и то и другое.

К сожалению, человек, чаще всего выбирал и продолжает выбирать — Хлеб.

7

Как палит корсиканское солнце! И как приятно сидеть в это время дня под тентом случайного кафе, потягивая белое вино и запивая его минеральной водой со льдом. Народ на Корсике, хотя и горячий, но дружелюбный, улыбочивый, всегда расположенный к застолью и собеседованию.

К моему столику подсаживаются двое. Оба лет тридцати, поджарые, мускулистые, в рабочих, заляпанных раствором комбинезонах. Заказывают аперитив и тут же поворачиваются ко мне:

— Месье — иностранец? — радушно улыбаясь, спрашивает тот, что сидит напротив меня. — Я угадал?

— Совершенно верно.

— Наверное, немец?

— Нет русский.

— Вы здесь на вакансах?

— К сожалению, эмигрант.

Продолжая улыбаться, он сокрушенно покачивает головой:

— И кто только вас сюда звал, ехали бы лучше в Америку, там вас скорее поймут, они привыкли, у них там сброд со всего света. Если уж вам в Советском Союзе было плохо, то и здесь вас ничего хорошего не ждет. Вы скоро увидите, каково живетя простому человеку в капиталистическом раю.

— Увы, в социалистическом еще хуже.

— Это страшные сказки для маленьких детей.

— Надеюсь вы слышали про ГУЛаг, со временем у вас может случиться то же самое.

Его улыбка становится все шире и дружелюбнее и только уши мешают ей раздвинуться еще шире:

— И чем скорее, тем лучше, мы станем тогда надежными надзирателями для таких, как вы.

Вот и все.

8

Из газет: По сообщению „Вашингтон пост” „Сенатор Фулбрайт считает, что радиостанции „Свобода” и „Свободная Европа” являются сеятелями недоверия, вражды и ненависти и призывает американское правительство закрыть эти источники дезинформации времен холодной войны”.

От русского слушателя в „Вашингтон пост”: „Уважаемый господин редактор! Недавно, в еженедельнике „За рубежом” мы прочитали перепечатанную из Вашей газеты статью сенатора Фулбрайта. Выступления этого убеленного сединами государственного мужа ценятся у нас наряду с трудами таких маститых советских международников, как Юрий Жуков, Николай Грибачев и Валентин Зорин. Но, к сожалению, в его публикациях порою проскальзывают нотки оппортунизма, а то и прямого капитулянтства. Красноречивым тому свидетельством может служить и вышеозначенная статья.

Господин Фулбрайт, к примеру, пишет: „Известие о том, что Россия организовала радиостанцию „Освобождение Америки” с целью демонстрации наших недостатков и разжигания недовольства в нашей стране, едва ли было бы встречено в Соединенных Штатах с удовольствием”.

Эта, прямо скажем, безответственная гипотеза равносильна обвинению нас в классовом отступничестве и ревизионизме. Очень жаль, но мы должны поправить господина Фулбрайта: такая станция у нас существует и носит вполне недвусмысленное название „Мир и прогресс”. Ее многочасовое вещание на всех основных языках мира, в том числе и на английском, с отдельной американской редакцией, известно прогрессивной общественности во всем мире. Мы никогда не прекращали и не прекратим беспощадной идеологической борьбы с американским империализмом, судом Линча, угнетением и нищетой негритянского рабочего класса в Америке. Мы призывали и будем призывать трудовой народ США к свержению ненавистной ему власти империалистического капитала, ибо, как справедливо писала газета „Правда”: „Борьба между пролетариатом и буржуазией, между мировым социализмом и империализмом будет идти вплоть до полной и окончательной победы коммунизма в мировом масштабе”.

Прекращение такой борьбы, на наш взгляд, было бы изменой нашему интернациональному долгу, вечной правоте дела Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, освобождению человечества от гнета пресловутой буржуазной демократии. Так что напрасно господа рокфеллеры, маккормики и прочие хёрсты пытаются усыпить нашу классовую бдительность своими финансовыми посулами. Торговля торговлей, а идеология врозь. Мы начеку, мы на страже, мы во всеоружии!

Если бы не эти досадные и, смеем надеяться, случайные промахи в выступлениях господина

Фулбрайта (возраст, видимо, берет свое), то он со спокойной совестью мог бы представлять интересы нашей страны в Вашингтоне.

С уважением
Имярек”.

От себя: Прошу сообщить мне номер счета господина Фулбрайта с тем, чтобы я мог перечислить туда те, примерно, семь центов (пятак по официальному курсу), которые он, как налогоплательщик, ежегодно и с таким понятным мне отвращением отдает на содержание разного рода сомнительных радиостанций, клеветующих на его кремлевских друзей.

С уважением
В. Максимов

9

Она смотрит на меня, прищутив близорукие глаза и выговаривает, словно отсчитывает доллары в крупных купюрах:

— У нас на Западе так не пижут, это некорректно и грубо, у нас на Западе...

Она настолько русская, что даже приходится внучкой одному из наших классиков по прямой линии, но, родившись в эмиграции, изо всех сил старается вытравить из себя все, напоминающее ей о ее настоящей родине и норовит выглядеть передо мной, как говорится, святее Папы. „У нас на Западе” она произносит так, будто Запад — ее личный огород при их фамильной усадьбе.

Я слушаю ее и мне хочется кричать благим матом: ратуйте, добрые люди, караул!

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

1

Многоуважаемый Владимир Емельянович!

Недавно мы с Вами встретились в Риме и долго разговаривали, стараясь выяснить наши общие точки зрения и наши разногласия. Тогда Вы мне предложили опубликовать в „Континенте” даже самую острую критику, ибо такая критика могла бы принести пользу и повести к взаимному уяснению наших точек зрения и к углублению проблем, которые нас более всего интересуют.

Когда я прочитал во втором номере „Континента” ответ Александра Солженицына на критику Сахаровым известного „Письма вождям”, мне пришло в голову, что, возразив критически на этот ответ, мне, может быть, удалось бы выразить, по крайней мере частично, некоторые противоположные тезисы, касающиеся, как я думаю, не только одного этого документа, но и общей позиции определенного круга советских инакомыслящих, к которому, по правде говоря, я думаю, принадлежите и Вы, Владимир Емельянович.

Как я уже говорил Вам в Риме, меня — и не только меня — более всего беспокоит и огорчает трудность начать диалог между двумя крылами — так сказать, левым и правым — критиков советской модели социализма, диалог, который, я думаю, был бы очень полезен для обеих сторон. Вообще, сегодня обе стороны обвиняют друг друга в трудностях такого диалога.

Конечно, нельзя отрицать, что европейские левые вообще относились глухо к проблемам социалистических режимов и недостаточно понимали их, тем не менее самая характерная черта в ответе Солженицына Сахарову, по-моему, это очевидный отказ от диалога и желание только повторять свои собственные мнения, как окончательные и неизменные, при явной конфронтации с чужими мнениями.

Оставляя в стороне обвинение, которое Солженицын бросает в адрес „западной критики”, когда пишет, что она даже не прочитала его „Письмо”, обвинение, которое, на мой взгляд, содержит этот самый отказ от диалога, но которое трудно опровергнуть из-за его общего и крайнего характера, я буду сразу говорить лишь о том, что сам Солженицын считает главным пунктом расхождения между ним и Сахаровым, то есть: до какой степени важна „Идеология” в Советском Союзе?

В своем ответе Сахарову Солженицын долго уговаривает нас, что Идеология играет очень важную роль в СССР и, следовательно, Сахаров неоправданно считает ее — Идеологию — только выгодным фасадом для утверждения неограниченной власти вождей. По-моему, совершенно очевидно, что Солженицын не понимает — или не хочет понять, — что идеология, о которой он говорит, и идеология, о которой говорит Сахаров, не имеют ничего общего между собой. В основе разногласия между ними лежит тот факт, что Идеология советской модели социализма, по мнению Солженицына, совпадает с марксизмом, а по мнению Сахарова, она является только маскировкой и искажением истинного марксизма. Это, по-моему, и есть главный пункт, который нуж-

но глубоко изучить, чтобы найти общий язык для плодотворного взаимного обмена мыслей.

Кроме западных левых, уже и Рой Медведев обвинил Солженицына в недостаточном знании марксизма, заметив, что приписывать марксизму все вины и ужасы сталинизма, может быть, демагогически и действенно, но совершенно бесполезно для положительной разработки проблемы.

Плодотворная дискуссия должна поэтому начаться с вопроса о марксизме и, я думаю, это, наверное, понимает и сам Солженицын, который не может игнорировать тот факт, что у западной мысли есть солидные аргументы, чтобы считать марксизм конечным этапом интеллектуального развития, которое берет начало от самого христианства, проходит через просветительство, идеалистическую философию, классическую политическую экономию и все главные компоненты современной мысли и представляет синтез, который многим кажется самым богатым для сегодняшней мысли и вообще для сегодняшнего человека. Мне кажется совершенно ясным — и так должно бы казаться самому Солженицыну, — что до тех пор, пока отказываются считаться с истинной марксистской мыслью и остаются на поверхности, подменяя серьезный разговор демагогическими выпадами против марксизма любой диалог с самой живой частью социальной современной мысли становится автоматически невозможным.

Второй, и по-моему основной, пункт разногласия между Сахаровым и Солженицыным (о других не говорю, чтобы не слишком растягивать письмо) — это вопрос демократии, которая является для Сахарова необходимым условием настоящего развития советских народов, как и любого народа. Для

Солженицына же наоборот: ввести демократию в СССР — значит, идти на ненужный риск, которого следует избегать, потому что демократия несовместима с русской традицией и совсем не оправдала себя в 1917 году в России. Он даже считает, что демократия вообще является системой управления, не представляющей достаточных гарантий гармонического развития народов и находящейся на самой грани краха в Европе; причина этого — по Солженицыну — в том, что она — эта демократия — социально эквивалентна имманентной и безрелигиозной мысли, которая сегодня терпит поражение повсюду.

По этому поводу я бы хотел спросить Солженицына: понимает ли он, что таким образом он исключает все возможности начать диалог со всем живым в модерной и современной мысли и выступает не только против какой-то определенной формы демократического управления, а вообще против демократии, как права народа и человека управлять своей судьбой? Предпочитая демократии доброжелательный авторитаризм, он не понимает, что последний не в состоянии предоставить никакой гарантии „доброжелательности” и в любом случае приводит к угнетению, когда оказывается перед необходимостью поддерживать интересы каких-либо слоев населения в ущерб интересам других слоев.

Мне кажется, что Солженицын, отвергая диалог (возможно, из боязни, что его идеи не выдержат „боя” с идеями его „противников”), преграждает себе возможность — и это можно сказать тоже о его единомышленниках — внести положительный вклад в актуальную дискуссию о советской модели социа-

лизма, очевидно вреда таким образом самому делу, которое ему так по сердцу.

Я буду очень признателен, если Вы найдете возможным опубликовать это мое письмо в „Континенте”.

С искренним уважением
Ваш

Джанлоренцо Пачини

Дорогой господин Пачини!

Получил Ваше письмо, которое (вместе с моим ответом) мы непременно опубликуем в очередном номере „Континента”.

Заранее скажу, что в системе Ваших доказательств есть целый ряд слабых мест, которые легко опровергаются.

1. В своем интервью в мае 1973 года (выдержки из него Вы можете прочитать даже в „Литературной газете” в статье некоего Корнилова из ТАСС) Андрей Сахаров прямо и недвусмысленно отмежевался от социализма как доктрины вообще. Так что противопоставление Сахарова Солженицыну в этом смысле весьма несостоятельно и выглядит натяжкой.

2. Солженицын *нигде и никогда* не заявлял себя противником демократии как таковой. Он лишь считает, что в переходном к ней периоде народы нашей страны, напрочь отученные за шестьдесят лет от всяких навыков демократической жизни, должны будут пройти через промежуточную форму общественного существования. В данном случае —

форму (пользуясь Вашей терминологией) доброжелательной автократии. Но и эта программа для него не рецепт, а только гипотеза.

3. При нашей встрече я заявил Вам о *принципиальной* позиции „Континента”: вести диалог со всеми, кто хочет его с нами вести. Но согласитесь (Вы же ученый и убежденный позитивист!), что разговаривать с людьми, у которых, по Вашим собственным словам, „есть солидные аргументы, чтобы считать марксизм *конечным* этапом интеллектуального развития”, — это все равно, что дискутировать со знахарями, магами или параноиками с уклоном в манию величия. Здесь-то и таится главный порок не только Вашей позиции, но и марксизма вообще: считать себя истиной в последней инстанции. Отсюда все: непримиримость к инакомыслию, применение запрещенных средств в политической борьбе, а затем, после победы, как естественное следствие, — диктатура и концлагеря. Именно поэтому ни одна из форм социализма, будь то советская, китайская, кубинская или португальская (как известно, генерал Карвальо, начальник госбезопасности новой с о ц и а л и с т и ч е с к о й Португалии, во всеуслышание заявил, что революции надо начинать не с цветов, а с расстрелов инакомыслящих на стадионах), еще не показала нам ни одного примера политической терпимости или духовного плюрализма. Люди, считающие, что нашли окончательную истину, приходя к власти, неизбежно становятся палачами. И до чего же, дорогой господин Пачини, должен не уважать себя и других человек, считающий, будто историю земли можно увенчать какой-либо политической или экономической доктриной! Уверовать в такую нелепицу — означает повернуть се,

эту историю, вспять — к каменному веку, к растительному существованию, к обезьяне. И неважно, чем в конце концов будет вооружена эта обезьяна — палкой или самой утонченной кибернетической техникой.

Могу проиллюстрировать свои доводы опытом из наших с Вами взаимоотношений. Во время встречи в Риме Вы упрекали меня в том, что я дал интервью газете „Темпо”. Генрих Белль, в свою очередь, сетовал на меня за то, что я (кстати сказать, будучи убежденным христианином и демократом) встречаюсь с членами фракции ХДС-ХСС и представителями их печати. Но никогда, нигде (а мне пришлось изъездить чуть ли не половину света) ни один так называемый консервативный деятель или журналист даже намеком не поставил мне в вину мои интервью левой прессе и мои встречи с левыми, а зачастую крайне левыми кругами.

Исходя из этого, дорогой господин Пачини, я хотел бы спросить у Вас: так какая же из этих двух противоборствующих сторон стоит сегодня за политический и духовный плюрализм?

Теперь немного о терминологии. Люди типа Солженицына, Синявского, Некрасова, Галича и Сахарова по праву считались и продолжают считаться в России лидерами л е в о й оппозиции, потому что боролись и борются за духовную свободу и представительную демократию. Причем борьба эта, в отличие от борьбы левых на Западе, происходит не в уютных кафе и не с помощью абсолютно свободных и комфортабельно обставленных манифестаций, а в условиях жесточайшего террора и репрессий. Стоит только напомнить, что за

свою деятельность большинство современных русских интеллектуалов платились и платятся смертью, каторгой, изгнанием. Если бы Вы знали, дорогой господин Пачини, с какой брезгливостью, с каким презрением произносит сегодня русский интеллектуал имена Шолохова, Кочетова, Грибачева, Софронова, а ведь все это писатели, ф а н а т и ч е с к и преданные делу социализма, коммунизма, марксизма. И подобная реакция не имеет никакого отношения к сталинизму. Современные интеллектуалы России давно изжили в себе детскую болезнь борьбы с „культом личности”. Реакция эта вызвана полным неприятием доктрины вообще. И мне, честно говоря, грустно, что архаическая теория, над которой у нас в стране смеются даже школьники, считается в среде образованного Запада „конечным этапом интеллектуального развития”.

У Вас же здесь все наоборот: те, кто за демократию и свободу, — реакционеры и фашисты, а те, кто за диктатуру одного класса, за уничтожение личности в пользу коллектива, за террор против инакомыслящих (вспомните, например, недавние выборы в Миланском университете), величают себя авангардом прогресса и цветом современной мысли.

По этой причине и происходит то непонимание между изгнанниками из СССР и западными интеллектуалами, о котором Вы с такой горечью говорили во время нашей беседы. Но за ними, этими интеллектуалами, — только теоретические построения, а за нами — горький опыт миллионов и миллионов людей России и Восточной Европы, а опыт, как известно, убедительнее теории.

В ближайшем будущем (есть веские основания для того, чтобы это утверждать) народы России и

Восточной Европы сбросят с себя кровавое иго никем не избранных диктаторов и тогда все станет на места. Слова обретут свое истинное значение. И белое назовут белым, а черное — черным. И я уверен, что на Суде Народов именно таких, как Александр Солженицын и Андрей Сахаров, назовут знаменосцами демократии и революционерами, а сторонники бессмысленной и суеверной догмы о мессианстве одного класса предстанут перед всем миром как мракобесы, реакционеры, душителы свободы даже того самого класса, о котором они, на первый взгляд, так сильно теперь пекутся.

Простите, дорогой господин Пачини, но я плачу Вам откровенностью за откровенность!

Веря в Человека и его Божественное назначение, я и мои единомышленники из России категорически отказываемся согласиться с доктриной, провозглашающей себя „конечным этапом интеллектуального развития”, откуда бы она, эта доктрина, ни исходила.

Если же это действительно так и чья-то очередная философская блажь восторжествует над свободным разумом, то человеческая история должна совершенно естественно завершиться всеобщим рабством орвелловского толка.

Но я и мои друзья-единомышленники твердо убеждены, что этого не случится, и свободный от духовных и политических суеверий Человек в конце концов победит мертвую рутину всех и всяческих политических догм.

С искренним уважением
Ваш

Владимир Максимов

Многоуважаемый Владимир Емельянович!

Посылаю на Ваш суд свою работу о России и ее судьбе. Заранее предупреждаю, что я чисто русский по происхождению, и поэтому меня трудно заподозрить в предвзятом русофобстве. Но, внимательно изучая отечественную историю, я все более убеждаюсь, что наши сегодняшние беды вытекают из нашей же национальной сущности. Трудно отыскать в мировой истории народ, который бы с таким пренебрежением относился к Праву, Законности, Человеколюбию. Одни его национальные герои, чего стоят! Все сплошь воры и разбойники: Пугачев, Болотников, Разин! Распространяться заканчиваю, остальное – в рукописи.

Ваш Д.

Многоуважаемый господин Д.!

Рукопись Вашу я прочитал с большим интересом. Не буду говорить Вам комплиментов, ибо, судя по препроводительному письму, Вас не надо убеждать в Вашей талантливости. Что же, каждый волен думать о себе все, что ему угодно.

Признаюсь, что после первых страниц я склонен был немедленно отправить рукопись в набор. К сожалению, только после первого десятка страниц, вслед за которыми начинаются Ваши пространные рассуждения о русском народе и его истории. Рассуждения, прямо скажем, далеко не новые и по-

просту банальные. И если Вы не были бы действительно талантливым человеком, мне не пришло бы в голову даже отвечать Вам: слишком уж много развелось сейчас в третьей эмиграции посредственностей с претензиями, сублимирующих свою творческую незадачливость черносотенным русофобством!

Мне только непонятно, почему одаренные люди поддаются этому патологическому поветрию. На мой взгляд, все народы и все нации, от папуасов до чукчей, абсолютно одинаковы в своих взлетах и падениях. Освежите в памяти, к примеру, историю Английской или Французской революции и Вы увидите те же ужасы, те же зверства, то же палаческое отношение к ближнему, то же возвеличивание мощенников и тиранов. (Ваш пример со Степаном Разиным малоубедителен. Легенды и сказки о „добрых” разбойниках — общее место в летописях и фольклоре любого народа.)

Маленькая иллюстрация: жениха Шарлотты Корде *цивилизованные* французы среди бела дня разорвали в клочья, а одна „гражданка”, в припадке революционного патриотизма, на глазах у всех съела его сердце. Согласитесь, такого не только в „варварской” России, но даже в Золотой Орде не бывало. Поэтому, нам — интеллигентам (если мы себя таковыми считаем) — следовало бы не путать историческое понятие *народ* с внеисторическим понятием — *толпа*.

Теперь о революции и государстве. Насколько я знаю новейшую отечественную историю (смею надеяться, что я ее знаю не хуже Вас), Октябрь делали не только русские люди. Не одни только русские люди работали в ЧК, формировали продотряды, рас-

кулачивали, устраивали процессы 36-38 гг. Уверен также, что не одни только национальные меньшинства составляли многомиллионную армию Архипелага. Скорее наоборот. Да и доктрина, которая питала эту вакханалию, совсем не восточного, а цивилизованного западного происхождения.

Разве русские, а не дивизия Киквидзе, почти полностью состоявшая из аборигентов, ворвавшись в Закавказье, истребила чуть ли не четвертую часть грузинского народа, в большинстве, интеллигенцию и дворянство? Разве русские, а не местные опричники узбека Икрамова и калмыка Городовикова, вырезали целые аулы в Туркестанском крае? Разве русские, а не латышские стрелки спасали Ленина 6-го июля 1918 года от неминуемого краха? Таких вопросов я мог бы задать Вам десятки, и они касались бы многих национальностей современной России.

Но, на мой взгляд, хватит сводить счеты. Нам всем, недавним выходцам из России и Восточной Европы, взять бы да и сообща повиниться в содеянном злодеянии, — тем более, что подавляющее большинство из нас или непосредственно участвовало в нем или дети тех, кто его содеял, — а не искать себе мальчика для битья, в данном случае русский народ, физическая величина которого была использована для совершения этого злодеяния.

Я никогда не страдал ни шовинизмом, ни национализмом, но все же горжусь, что и сейчас в самые, может быть, трагические (в духовном смысле) времена для моей родины (и может быть, для всего человечества) лидерами в смертельной борьбе с тоталитарным адом стали два великих *русских* человека — Александр Солженицын и Андрей Сахаров.

Самоутверждаться за счет другого народа — наиболее легкий, но весьма сомнительный способ для замещения комплекса неполноценности. Оставьте это легиону злобствующих неудачников, бросившихся за рубеж в поисках положения (которого им здесь никто не приготовил) и жажде славы (которой им здесь никто не припас).

Давайте начистоту. Представьте себе, что Вы бы написали то же самое о немецком, турецком, французском, еврейском или греческом народе и послали бы это в немецкий, турецкий, французский, еврейский или греческий журнал; уверен, что любой такой журнал обвинил бы Вас в расизме или фашизме. Так почему же каждый интеллектуальный нуль, оказавшийся за рубежом, не стесняется писать такое о русских и посылать свои писания в русский журнал? Ведь рано или поздно за это охотничье хозяйство наизнанку тоже придется отвечать.

Закрываю. Если из Вашей рукописи будут исключены все места о „врожденных пороках” русского народа (что, впрочем, относится и к любой другой нации), то она — эта рукопись — может найти свое место на страницах нашего журнала. Ибо неизменный принцип „Континента”: все народы и нации друг перед другом равны.

С уважением

В. Максимов

С НАТУРЫ

Генсек французской соцпартии, крайне обиженный своим недавним партнером по левой коалиции генсеком французской компартии Жоржем Марше, жалуется журналистам:

— Уверен, что если бы Марше пришел к власти, он поступил бы со мной так же, как поступили Советы с Сахаровым, он сослал бы меня в Горький...

К сожалению, лидер французских социалистов слишком хорошо думает о своем бывшем союзнике: если тот придет к власти, господина Миттерана ждет куда более печальная участь.

У этого германского профбосса самоуверенности хватило бы на трех кавалеристских вахмистров. Он смотрит на меня белыми глазами лагерного надзирателя и отчеканивает фразу за фразой, словно вытягивая их прямо с телетайпной ленты:

— Да, мы пригласили господина Шелепина в ФРГ. Да, мы ходатайствовали перед Министерством юстиции о прекращении против него дела по обвинению в соучастии в двух убийствах. Да, мы прекрасно отдаем себе отчет в его прошлом. Но сегодня, хотите вы или нет, для немецких трудящихся господин Шелепин прежде всего представитель советского рабочего класса.

Интересно, что подумали бы эти самые „немецкие трудящиеся” о „советских рабочих”, если бы (разумеется, в свое время) последние приняли у себя в Москве в качестве их „представителей” Гимmlера или Кальтенбруннера?

Мой собеседник полон гостеприимства и радушия. В почтенном роду моего собеседника до седьмого колена промышленник на промышленнике и, как говорится, промышленником погоняет. Прадед его обслуживал Бисмарка, дед — кайзера, отец — Гитлера, а вот он, достойный потомок великой династии — Брежнева. Что поделаешь, времена меняются, тем более, что „Остполитик” приносит большие дивиденды, правда, кредитные, то есть за счет западногерманских налогоплательщиков.

— Гуманизм, мораль, принципы, — снисходительно улыбаясь, разъясняет он мне, — это, конечно, замечательно, но что будут есть мои рабочие, если я в один прекрасный день прекращу производство труб для Советского Союза?

Отвечаю вопросом на вопрос:

— А что будут есть ваши рабочие, если в один прекрасный день советская сторона аннулирует заказ и откажется платить по счетам?

Он абсолютно невозмутим:

— По условиям соглашения западногерманское правительство гарантирует мне полную компенсацию возможных убытков.

Великий циник всех времен и народов господин Ленин в свое время открыто высказался по этому поводу: „Капиталисты продадут нам ту самую веревку, которой мы их удавим!”

Современный прогресс опередил предвидение „кремлевского мечтателя”: в наше время капиталисты уже не продают большевикам эту пресловутую веревку, а дают ее им в кредит.

В пестроте первомайской манифестации их элегантные рясы подобны темным заплатам на цветастой ленте дешевого ситца. Они назойливо мельтешат в общем круговороте, кокетливо выставляя напоказ телекамер и фотообъективов свою, едва скрытую бодрыми улыбочками дурную совесть: они с народом, они с массами, они во главе прогресса!

Глядя на этих завтрашних висельников, так и хочется заорать благим матом:

— Снимите свои рясы, отцы, и наденьте-ка лучше коричневые рубашки, они вам больше к лицу!

Этого у нас в России знают давно. Начиная с дедушки Ленина он лобызался поочередно со всеми его наследниками и продолжателями. Лобызался в самых разных ипостасях — журналиста, посла, полудорогого гостя, „голубя мира” и т. д., и т. п.

— Я сам был поджигателем войны, — кликушествует он по американскому телевидению ноющим тоном кающегося грешника, — у русских комплекс самозащиты, они не столько агрессивны, сколько напуганы китайской опасностью, отдайте им Афганистан и они успокоятся, верьте слову бывшего „ястреба”!

Поистине, если Господь хочет наказать человека, он лишает его разума!

У этого лорда, заправляющего сегодня любительским спортом, лицо римского сенатора времен упадка и повадки опытного царедворца, в котором светскость мирно уживается с лакейской сущностью.

— Спорт чистое дело и политика не должна подрывать светлых идеалов Олимпийской Хартии.

— И тут же, с услужливой поспешностью добавляет.
— Игры состоятся в Москве или нигде.

Спорт, разумеется, чистое дело, что, впрочем, не помешало озабоченному этой чистотой лорду не допустить к зимним играм в Лейк-Плэсиде спортсменов Тайваня. Или вернее, спорт остался бы „чистым делом“, если бы его перестали касаться не совсем свежие руки господ, подобных этому лорду.

Мы стоим с ним на смотровой площадке у Берлинской стены. Внизу под нами заминированная полоса земли, перепоясанная к тому же противотанковыми надлобами, автоматическими самострелами, колючей проволокой.

— Там, — горделиво кивает он острым подбородком куда-то в сторону сторожевой вышки, за которой высится нежилое строение, — родина трудового народа, страна трудящихся, форпост социализма в Европе.

У меня нет оснований сомневаться в искренности этого немецкого парня с пшеничной шевелюрой до плеч. Меня удивляет лишь сочетание этой искренности со стертой шелухой его речи. Осторожно пробую вызвать в нем чувство логики:

— А это зачем? — указываю я впереди себя, — разве рай нужно охранять?

— А как же, — с готовностью принимает он мой вызов, — такую жизнь надо заслужить, и потом у них много врагов.

Я гляжу на его одухотворенное молодое лицо, мысленно представляя его там, за пределами этой полосы внизу и невольно вздрагиваю: не дай тебе Бог, парень, побывать в раю, который надо охранять с помощью овчарок и автоматических самострелов!

ТРОГАТЕЛЬНОЕ ЕДИНОМЫСЛИЕ

Честно говоря, живя в России, я не предполагал, даже помыслить не мог, что у советской власти такое множество единомышленников на свободном Западе, готовых и за страх и за совесть топтать любого, кто, как говорится, может сметь свое о ней суждение иметь. В самом деле, за сорок три года жизни (и довольно крутой!) в Советском Союзе я, к примеру, не выслушал в свой адрес столько инсинуаций и ругани, сколько мне приходится выслушивать здесь всего за неделю. Причем все клишированные эпитеты и определения, которыми награждала и продолжает награждать меня советская и восточноевропейская печать почти дословно повторяются „самыми свободными в мире средствами массовой информации”, не говоря уже об устном фольклоре.

Приведу для наглядности лишь заголовки и характеристики некоторых статей и заметок, посвященных моей скромной персоне или редактируемому мною журналу:

1. На службе реакции („За рубежом”, СССР).
2. Диссиденты не представляют России (орган зарубежных монархистов „Знамя России”).
3. Рыбак, ловящий рыбку в антисоветском болоте („Огонек”, СССР).
4. На службе у Шпрингера („Борба”, Югославия).
5. В упряжке дьявола („Форвертс” – орган социал-демократической партии, ФРГ).
6. Архиреакционный журнал („Правда”, СССР).

7. Пресловутый „Континент” (эмигрантская „Русская жизнь”, США).

8. Кто такой Максимов? („Литгазета”, СССР).

И так далее, и в том же духе.

По адресу Александра Солженицына советская, а также „самая свободная печать” и вовсе не стесняется:

1. Литературный власовец („Литгазета”, СССР).

2. Солженицын предает русскую землю (монархическая „Знамя России”).

3. Солженицын разоблачил и дискредитировал лишь самого себя („Советская Россия”, Москва).

4. Король-то совсем голый! (шовинистическая „Свободное русское слово”).

5. Солженицын хочет аятоллу (либеральный „Цайт”, ФРГ).

6. Дьявол меняет облик (журнал третьей эмиграции „Синтаксис”).

И список этих „комплиментов” можно продолжать и продолжать до бесконечности.

Порою невольно хочется воскликнуть: чума на оба ваши дома!

СМОТРЮ ХРОНИКУ XXV СЪЕЗДА ИХ ПАРТИИ

Мертвые слова. Мертвые, ничего не говорящие и никем не проверенные цифры. Механическое и единоедушное, словно на кладбище голосование. Мертвое однообразие мертвого ритуала. Господи, казалось бы, нормальному человеку даже не нужно читать „Архипелага”, чтобы понять всю тотальную ложь и смертельную фальшь того кровавого действия, которое называется коммунизмом! Но, как это ни странно, в современном мире есть люди (и в огромном числе!) глухие (глухие ли?) и слепые (слепые ли?), готовые не только верить в эту кладбищенскую фантазмагорию, не только исповедовать ее бесчеловечные догматы, не только служить ей верой и правдой, но также, что еще преступнее, взаимоотношаться с ней, как с равной, как с „высокой договаривающейся стороной”, как с естественным партнером свободного мира.

Недавно, в английском журнале „Сервей” польский философ Лешек Колаковский нарисовал утопическую картину послевоенного мира, где победу одержал гитлеровский нацизм. После короткого периода „холодной войны”, а иными словами принципиального сопротивления фашизму, спасшиеся от разгрома западные державы объявляют, наконец, эпоху разрядки напряженности. В нацистской Германии, тем временем, в свою очередь происходят „коренные” изменения: умирает Адольф Гитлер и его политические наследники в лице Гиммлера и Геббельса принимаются за „либерализацию” расистского режима. Концлагеря переименовываются в „трудовые колонии”, крематории

заменяются благоустроенными психбольницами, а территориальные захваты провозглашаются „интернациональной помощью”.

От себя мог бы дофантазировать: либеральная и откровенно розовая интеллигенция Запада, млея от идеологического восторга, во всю мощь „прогрессивных” средств массовой информации трубит о благотворной либерализации национал-социализма „с человеческим лицом”, завязывает дружеские контакты с творческими союзами Третьего рейха, а господин Сартр, проживающий в Виши, приветствует замену Генриху Беллю смертной казни высылкой из Германии как акт гуманности и смягчения нравов в послегитлеровской верхушке.

Горькая правда этой пародии состоит в том, что она поразительно схожа с текущей действительностью. И напрасно апологеты детанта пытаются убедить народы в том, что *неизменяемая* природа тоталитаризма изменилась и что профессиональный агрессор, с течением времени и под их дипломатическим влиянием становится все миролюбивее. На этот счет в России рассказывают весьма забавный, но горький анекдот.

„В зоопарке, в одной клетке с волком мирно уживается ягненок. Удивленный посетитель обращается к сторожу:

— Поразительно, как вам удалось этого добиться?

— Очень просто, — невозмутимо отвечает тот, — правда, ягнят приходится часто менять”.

Хватит ли у вас ягнят, господа хорошие!

„Я уже побывал в брюхе дракона, — написал однажды Александр Солженицын, — в красном брюхе дракона. Он меня не переварил и отрыгнул. И я пришел к вам свидетелем того, как там в брюхе”.

К сожалению, мало до кого здесь доходит это свидетельство, большинство явно непрочь повторить рискованный эксперимент. Только боюсь, что дракон больше никого не выплюнет.

У дракона хороший желудок.

БОГИ ОЛИМПА ЖАЖДУТ

1

Цитаты с комментариями:

1936 год. Геббельс перед Олимпиадой в Берлине: „Каждый должен быть хозяином. Будущее Рейха зависит и от того, с каким чувством покинут его наши гости”.

1936 год. Газета „Нью-Йорк таймс” после Олимпиады: „Гости Олимпиады уносят благоприятное впечатление о Рейхе”.

Во что обошлось это „благоприятное впечатление” через несколько лет самой Америке общеизвестно: почти один миллион жизней, не считая прочего.

1975 год. Заведующий отделом пропаганды Спорткомитета СССР, в преддверии Олимпиады в Москве: „Каждый москвич должен чувствовать себя хозяином. От нас всех вместе и от каждого в отдельности зависит, вынесут ли лучшие впечатления о Москве, о нашей социалистической родине гости Олимпиады”.

1977 год. Та же „Нью-Йорк таймс”: „Более чем за три года до церемонии открытия двадцать вторых Олимпийских игр Советский Союз и Эй-Би-Си установили первый рекорд Московской Олимпиады — восемьдесят пять миллионов долларов”. (Речь идет о сделке между Спорткомитетом СССР и этой телевизионной компанией. — Прим. авт.)

Если учесть бешеную и никем не контролируруемую гонку вооружений в Советском Союзе, то

нетрудно представить, во что на этот раз обойдется Америке ее олимпийский бизнес! Боюсь только, подсчитывать будет некому.

1936 год. Тот же Геббельс в обращении к спортсменам: „Германия – ваш друг! Германия стремится только к миру, и только Германия имеет возможность обеспечить мир!”

1962 год. Брежнев на открытии пятьдесят девятой сессии Международного Олимпийского комитета: „Прочный мир, полное равноправие, взаимопонимание и доверие между всеми государствами, невзирая на различия в их общественном строе, – таков генеральный курс нашей внешней политики”.

Не правда ли, трогательно?!

2

1979 год. Свидетельство на Сахаровских слушаниях бывшего советского заключенного Николая Шарыгина: „На двенадцати лагпунктах Владимирской области изготавливаются значки и сувениры к Олимпийским играм в Москве”.

Сообщения газет: „По сведениям, поступившим из достоверных источников, советские власти намереваются очистить столицу от примерно миллиона „лишних” людей, в основном молодежи с целью оградить ее от „глетворного” влияния западных туристов – гостей Московской Олимпиады”.

Информационный бюллетень № 20 за 1979 год: „22-23 октября в Ленинградском городском суде слушалось дело члена Совета представителей СМОТ” (Свободное Межпрофессиональное Объединение Трудящихся. – Прим. авт.). И далее: „ В ночь с 7 на

8 октября в Ленинграде арестованы Владимир Михайлов и Алексей Стасевич”, „Вечером 23 октября на улице Киева арестован Никола Горбаль, участник украинского правозащитного движения”, „10 сентября арестован рабочий Анатолий Позняков, один из членов Свободного профсоюза трудящихся”.

Телеграмма Франс-Пресс: „1 ноября в Советском Союзе арестованы трое активных участников правозащитного движения: священник о. Глеб Якунин, математик Татьяна Великанова и литовский католик Антанас Терляцкис”.

Владимир Буковский в обращении „Еще три жертвы Олимпиады”: „Вы, кто собираетесь занять номера в московских гостиницах летом 1980 года, по крайней мере вспомните о тех, кто занимает совсем другие казенные „номера”.

Бывший министр культуры Франции по французскому телевидению: „Нельзя допустить, чтобы спортсмены фашистской Аргентины были представлены на Олимпийских играх в Москве”.

Учитесь советские пропагандисты: вот как надо ставить проблему с ног на голову!

3

Дорогой друг! Странные вещи происходят в современном мире, очень странные, мягко говоря, странные. И события, связанные с предстоящими Олимпийскими играми в Москве, красноречивое тому свидетельство. Впервые в истории этих внушительных соревнований страна-хозяйка диктует участникам свои условия, и, что самое удивительное, последние безропотно соглашаются с по-

добной практикой. Возникает вопрос: что, какая сила, какие интересы заставляют МОК и его бессменного главу господина Килланина соглашаться с сугубо политическими требованиями Москвы, попирая тем самым не только вековые традиции и правила Олимпийских игр, но и спорта, как такового вообще?

Судите сами, советская сторона единолично решает:

1. Кому из зарубежных гостей будет разрешено посмотреть всю программу игр целиком (практически никому, кроме лиц, имеющих непосредственное отношение к соревнованиям).

2. Какие органы средств массовой информации будут допущены к освещению соревнований (уже сейчас на этот счет имеется „черный список”, в который внесены, например, радиостанции „Свобода” и „Свободная Европа”).

3. Каким странам будет вообще запрещено участие в играх.

Дополнительно согласился и на целый ряд других, беспрецедентных в истории спорта ограничений. Чего стоит только его угроза лишать медалей спортсменам, совершившим политические проступки, причем, право квалифицировать такие поступки оставлено за тою же советской стороной.

Обращает на себя внимание и тот факт, что, в связи с бытовыми и продовольственными трудностями, сложившимися в СССР, многие западные команды приняли решение обосноваться в эти дни в Финляндии или ФРГ, что создает для них дополнительные физические и психологические нагрузки.

Если же говорить о фоне, на котором будут протекать соревнования, то он немногим отличается

от фона Олимпийских игр в Берлине тысяча девятьсот тридцать шестого года: незаконные судебные процессы, превентивные аресты, высылка из столицы нежелательных и лишних граждан, бешеная гонка вооружений на всех уровнях.

Ничего, кроме горькой иронии не могут вызвать громогласные, исполненные пафоса и принципиальности выступления западных общественных и политических деятелей, когда речь заходит об участии в мировом чемпионате по футболу в Аргентине или о допуске команды регбистов Южной Африки в какую-либо европейскую страну, ибо куда девается у них этот самый пафос и эта самая принципиальность перед лицом наглой агрессивности советского и восточноевропейского тоталитаризма?

Если у Свободы хватает мужества открыто заявлять себя только по отношению к слабому противнику, то эта Свобода находится в смертельной опасности, если вообще уже не обречена.

Что ж, пусть мертвые хоронят своих мертвецов, у нас с тобой один выход: сопротивляться.

ДВОЙНОЙ СЧЕТ

ПРОЛЕТАРИ ВЕЛХ СУРАЙ СОВЕТНИКЪЛЪР!
ПРОЛЕТАРИ ВЕЛХ АРАЙ, ЕДНАЙТИЛАР!
ПРАДЕТАРЫ УСЕХ АРАЙ, МЕНАЙТИЛАР!
БУТУН ДУНЕ ПРОЛЕТАРЛАРИ БИРЛЭШНИН!
БАРЛЫК ЕЛДЕРДИН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРЛЭШ!
ЗАМУСОВАЗАМЪЛЪР, ЭССЕЛЪЛЪР, ЭЗЭРАМЪЛЪР!
БУТУН ДУНЯДАРИН ПРОЛЕТАРЛАРЫ БИРЛЭШИН!

УСУЛ САЛГУ ПРОЛЕТАРАЛ СИГУНКИТЕС!
ПРОЛЕТАР ДИН ТОАТЕ ШРИДЕ, ЭМИЦИВЭ!
УСУЛ ЭИ МЪУ ПРОЛЕТАРИСИ, САВИНОЖИТИЕС!
БАРЛЫК ОЛТОВОРДУН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРЛИККИЛЕ!
ПРОЛЕТАРХОН ХАМАН МАМЛАКАТХО, БИ ШАВЕ!
ЧОГЛУСОВУЛ ПЛЕВ, БУРАБЛАК, ИРЭВЭ!
ЭЗЭН КИРГЛАРИН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРЛЭШ!
КОМУ? ЧАНДЕ ПРОЛЕТАРИСИДО, ЧИНКЕЛ!

ВЕДОМОСТИ

ВЕРХОВНОГО СОВЕТА

С о ю з а С о в е т с к и х С о ц и а л и с т и ч е с к и х Р е с п у б л и к

ГОД ИЗДАНИЯ 38-й

№ 44 (1806)

29 октября 1975 г.

ИЗДАНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

М О С К В А

№ 44 (1806)

— 735 —

Ст. 713

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

713 О лишении гражданства СССР Максимова В. Е.

Учитывая, что Максимов В. Е. систематически совершает действия, наносящие ущерб престижу Союза ССР и не совместимые с принадлежностью к советскому гражданству, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

На основании статьи 7 Закона СССР от 19 августа 1938 года «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик» за

действия, порочащие звание гражданина СССР, лишитъ гражданства СССР **Максимова** Владимира Емельяновича, 1932 года рождения, уроженца гор. Ленинграда.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР **Н. ПОДГОРНЫЙ**.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР **М. ГЕОРГАДЗЕ**.

Москва, Кремль. 30 января 1975 г.

№ 947—IX.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

КОММЮНИКЕ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства Президент Французской Республики **В. Жискара д'Эстэн** с супругой с 14 по 18 октября 1975 года находился с официальным визитом в СССР.

Президент Франции возложил венки к Мавзолею **В. И. Ленина** и на могилу Неизвестного солдата в Москве.

В. Жискара д'Эстэн возложил также венок у мемориальной доски, установленной в Москве в память об авиационном полке «Нормандия — Неман», который сражался совместно с Советской Армией в годы второй мировой войны.

Во время пребывания в Советском Союзе Президент Франции и сопровождавшие его лица совершили поездку в Киев. Высоким представителям дружественной Франции был оказан радушный прием, отражающий чувства уважения, которые питают друг к другу СССР и Франция.

В ходе визита состоялись переговоры **Л. И. Брежнева**, **Н. В. Подгорного**, **А. Н. Косыгина** и **Л. А. Громыко** с **В. Жискара д'Эстэном**.

17 октября имела место беседа Генерального секретаря ЦК КПСС **Л. И. Брежнева** с Президентом Франции **В. Жискара д'Эстэном**. В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, Министр иностранных дел СССР **А. А. Громыко** и Министр иностранных дел Франции **Ж. Сованьярг**.

Сообщение немецкого телеграфного агентства:

„Сегодня в Федеративную республику Германии прибыл представитель советских рабочих, председатель ВЦСПС Александр Шелепин”.

Александр Шелепин! Кто не знает у нас его „этапы большого пути”: вождь сталинъюганда, член политбюро партии, председатель Комитета государственной безопасности. В конце пятидесятых составлял проскрипционные списки на русскую интеллигенцию, вдохновлял в начале шестидесятых культурный погром в Манеже, не брезговал и мокрыми делами. (Министерству юстиции ФРГ пришлось временно снять с него преследование за прямое соучастие в убийстве Ребета и Бандеры для того, чтобы „высокий гость” мог въехать на территорию Германии.) Хорош представитель советского пролетариата, ничего не скажешь!

И я мысленно рисую перед собой ситуацию наоборот: в Германии царит фашизм, а в Советском Союзе процветает парламентская демократия. И вот в этих условиях Свободные советские профсоюзы принимают у себя в качестве представителя немецких рабочих Гиммлера или Кальтенбруннера, а? Как бы отнесся к этому германский пролетариат?

Но если серьезно, то почему нынче на политическом рынке солидарность трудящихся всех стран?

Передо мной тоненькая, непрезентабельная на вид книжечка. Это не „Иван Денисович“, и, тем более, не „ГУЛаг“, где речь идет о событиях отдаленных от Италии временем и расстоянием. В этой книжке, безо всяких комментариев опубликован список итальянцев (в основном коммунистов), перемолотых железными челюстями Лубянки.

Казалось бы, одного этого документа достаточно, чтобы отбить у слишком ретивых энтузиастов к социальным экспериментам одного класса над всеми другими и, прежде всего над самим собой, но не тут-то было: чуть не на каждой стене здесь красуются серп и молот или красная звезда.

Впрочем, что стоят доказательства во времена всеобщего помешательства!

Мы сидим с ним у телевизора и смотрим репортаж о беженцах из Камбоджи. Я познакомился с ним недавно и мы, к удивлению окружающих, быстро сошлись, приходя с разных политических концов к одним и тем же выводам. К удивлению, ибо он — герой майских событий шестьдесят восьмого года, недавний троцкист, маоист, экзистенциалист и еще Бог знает что, а я — исчадие консервативного ада, поклонник давно изжившей себя представительной демократии, да к тому же, что уже совсем непростительно на просвещенном Западе, верующий человек. Согласитесь, симбиоз довольно странный, если не противоестественный.

Я вижу, как искренне, как мучительно переживает он трагедию, которая разворачивается перед нами на экране: бредущие по дорогам толпы человеческих теней, вымершие деревни, агонии крохотных, со вздувшимися животами скелетов, едва обтянутых сохшейся кожей.

— Какой ужас, — в глазах у него неподдельное страдание, — разве этого мы ждали от них!

— Вот что значит разный опыт, дорогой друг, — срываюсь я, — мы от них, например, ничего другого не ждали. Так было, так есть, так будет. И заметь, господин Пол Пот учился не в университете имени Лумумбы, а у вас в Сорбонне. И учителями его были вы — французские маоисты.

— Они просто не поняли нас, они извратили наши идеи.

— Значит, Сталин это не только восточная монополия?

— Собственно Сталин — да, такая личность могла сформироваться лишь в условиях азиатской ментальности, но мотивы сталинизма в той или иной степени свойственны любому обществу, в том числе и нашему.

— Значит, ты думаешь, что у вас этого не может быть?

— Во всяком случае, в том виде, в каком это происходило у вас.

— А если ты ошибаешься?

— Я уверен в этом...

А в цветном провале телевизора, прямо у нас на глазах, умирают ни в чем не повинные люди.

НЕМНОГО О СТАЛИНЕ И СТАЛИНЩИНЕ ВООБЩЕ

Помнится, это было в пятьдесят девятом году, в Краснодаре. Я приехал тогда в этот город для сбора материала к первой своей прозаической книге. По такому случаю местные журналисты и литераторы, мои бывшие газетные сослуживцы устроили в складчину небольшой сабантуй в городской чебуречной, что на улице Красной. В самый разгар застолья перед нами неожиданно выявился небольшого роста лысоватый человек в летней, китайского производства паре и в той же марки сандалиях на босу ногу. Цепкими глазами обегая присутствующих, человек заискивающе, даже с подобострастием улыбался:

– Здравствуйте товарищи, – его заметный акцент был явно западного происхождения, – разрешите?

Пишущая братия раздвинулась, освобождая новому гостю место, нестройно загудела:

– Просим, просим...

Подвыпившие журналисты, каждый по-своему, спешили обрадовать нового собутыльника:

– Ваша корреспонденция с камвольно-суконного комбината сегодня пошла в эфир...

– У нас тоже завтра в номере ваш материал о ленинских субботниках...

– Шеф уже дал „добро” на три ваших информации...

Ко мне доверительно наклонился тогда еще только начинавший, а теперь уже довольно известный в России прозаик:

— Ты знаешь, кто это?

Я пожал плечами.

— Матиас Ракоши...

Меня бросило в дрожь. Пожалуй, именно в тот день, за случайным столом провинциальной забегаловки я впервые всерьез задумался о подлинной природе и сущности диктаторской психологии. Глядя на этого лысоватого заискивающего человека с цепкими, холодной пустоты глазами, я впервые тогда задался вопросом: как, какая сила превращает таких вот, безобидных, на первый взгляд, обывателей, типичных „пикейных жилетов” из полугородских „образованцев” в палачей целых народов, безнаказанно попирающих все Божеские и человеческие законы?

Мне уже тогда доподлинно было известно, что сидящий сбоку от меня и доживающий дни в заштатном городе „страны победившего социализма” пенсионер, пробавляющийся на досуге рабковской деятельностью, не только отправил на тот свет десятки тысяч ни в чем не повинных людей, но и зачастую не брезговал лично участвовать в неподдающихся описанию „допросах с пристрастием”. (Поговаривали даже, что этот монстр в китайской паре не постеснялся присутствовать при кастрации одного из ближайших своих соратников.)

Отчего, по какой причине, в силу каких обстоятельств все эти „дети разных народов”, являясь продуктом разных культур и даже рас, прошедшие различную, порою даже взаимоисключающую школу воспитания так похожи в своей поистине звериной ненависти к ближнему, в своем патологическом стремлении к власти, как таковой, в своей безумной жажде разрушения и распада? Что род-

нило и до сих пор роднит их — этих, ставших вырожденками рода человеческого людей: разночинца Ленина и потомственного шляхтича Дзержинского, выходца из земельных буржуа Троцкого и люмпена Ежова, аптекарского ученика Ягоду и безродного мингрела Берию, рафинированного интеллигента Менжинского и профессионального бандита с большой дороги Багирова, и взятых их всех вместе с несостоявшимся грузинским священником, оберпалачом государств и народов Сталиным, а также их сегодняшними последователями от Мао Цзэдуна и Пол Пота до Амин Дады и Матиаса включительно?

Представьте себе мальчика из полунущей грузинской семьи, сочиняющего восторженные, но, к сожалению, дрянные стишки о родине и ее природе, к тому же готовящегося стать священником, и того же, постаревшего на десятки лет мальчика, санкционирующего гибель миллионов людей, не только у себя дома, но и во всех частях света, и при этом кокетливо резонерствующего: „Смерть одного человека — трагедия, смерть миллиона людей — статистика”.

Вот уже много лет историки, политологи, писатели, психологи и психиатры всего мира пытаются доискаться до корней этого необычайного феномена. Приводятся десятки, сотни самых, на первый взгляд, неопровержимых доводов и объяснений, но проходит время и живая действительность в терминах конкретных событий вновь и вновь опровергает все эти, сугубо позитивистские построения.

Мне кажется, да простят меня заядлые атеисты, что достаточно убедительное объяснение явлениям подобного рода можно найти только рассматривая проблему с метафизических позиций. В самом де-

ле, давайте задумаемся, почему подавляющее большинство этих, судя по результатам их деятельности и объему их власти, победителей, в плане сугубо индивидуальном и личностном оказывается в конечном счете побежденными собственной судьбой?

Первый из них, пожавший, как говорится, плоды трудов своих уже при жизни, умирает беспомощный и почти неподвижный, практически под домашним арестом, и перед смертью, согласно свидетельствам очевидцев, ночами по-волчьи воет на луну от губительной тоски и невысказанной безысходности. Второй, обложенный со всех сторон собственным страхом, его верный последователь Сталин, обделавшись с ног до головы в заставшем его параличе, кончается за бронированными дверями своего кунцевского кабинета, не в силах дотянуться до сигнального звонка, а прижитые им дети оказываются один несчастнее другого: Яков гибнет на проволоке гитлеровского концлагеря, Василий под забором в Казани, а Светлана вынуждена бежать в Америку. Нынешний же их двойник, выведенный временем по законам убывающего плодородия рабфаковец, никогда не читавший бессмертных трудов собственных учителей, обречен стать послушной куклой в руках своих „верных соратников”, а точнее, всей, пришедшей сейчас к власти партийно-государственной олигархии. Наблюдая сегодня, как этот, абсолютно недееспособный старик вынужден участвовать в бессмысленных для него сборищах и церемониях, явно не понимая, где он находится и с кем разговаривает, его становится по-человечески жаль. Ведь даже с точки зрения самой системы он давно заслужил спокойной старости и отдыха. Но в том-то и дело, что никто из них никогда не являлся и не

является действительным хозяином положения, вождем, диктатором в традиционном понимании этого слова. Каждый из них лишь номинальное, так сказать, персонифицированное обозначение системы, — системы глубоко мистического происхождения, где нет победителей, где все только жертвы и побежденные, несмотря на свое социальное или правовое положение в общей структуре.

Единственным из них, кому Провидение или Судьба, назовите, как хотите, явила милость, оказался Никита Хрущев, которому были дарованы несколько лет, чтобы в стороне от властительной суеты подумать, что называется, о времени и о себе. Многие, говорят, пересмотрел на вынужденном досуге бывший диктатор и не без пользы для долго грешившей, но и не чуждой добрым порывам души: за многое осудил себя, помирился с бывшими врагами (и те простили его!), стал задумываться о Боге. Но может быть и дано это было ему свыше именно за то, что нашел он в себе мужество вернуть свободу тысячам и тысячам оставшимся в живых от долголетнего террора узникам.

Некоторые, в особенности из недавних коммунистов, долгие годы молчаливо разделявшие со своей „родной партией” все ее гнусности и преступления, спешат свалить теперь все на голову одного человека, торопливо забывая свое личное соучастие в его кощунствах, а оказавшись на Западе, задним числом сочиняют для розовых газетенок легенды о своем героическом сопротивлении сталинскому режиму и при этом поучают окружающих „терпимости” и „плюрализму”.

Иные же, наиболее бойкие и сообразительные из „борцов”, доходят до того, что громогласно опове-

щают человечество о наступлении эпохи либерализации, эре „голубей”, периоде демократизации в Советском Союзе. По неизжитой партийной глупости это делается или по трезвому расчету, покажет будущее, но нельзя не согласиться с выдающимся скульптором современности Эрнстом Неизвестным, написавшим по этому поводу в двадцать первом номере „Континента”:

„... олигархия функционеров — конечно, не движение к демократии, как многим хотелось бы. Ведь сталинизм — это не просто прихоть или ошибка Сталина. Это исторически сложившаяся ситуация, при которой функция управления такова, что кардинальные изменения изнутри аппарата невозможны. Конечно, сейчас один функционер не может схватить и бросить в застенок другого, но все вместе они могут это сделать с кем угодно; и если не всегда посадить, то заставить эмигрировать или умереть. Терроризм продолжается, просто личный терроризм Сталина заменен терроризмом машины, где, по существу, нет личностей и даже нет мозгового центра в том смысле, как принято об этом думать. Таким способом согласуются единство и безопасность, мечта современного аппарата власти. Поэтому так стабильна, так неизменяема эта система. Амеба, у которой жизненные центры — везде и нигде”.

Сталин, сталинщина, сталинизм не есть результат деятельности одного, даже такого предельно падшего человека, как Иосиф Джугашвили. Это, как я уже говорил выше, лишь персонификация всей системы в целом, в преступлениях которой каждый из нас прямо или косвенно, но соучаствовал.

И это относится не только к нам, людям, выросшим в условиях тоталитаризма. В никак не меньшей степени долю ответственности за прошлое, а порою и настоящее несут и многие западные представители. Разве Джон Рид, рассказывая американскому обывателю „объективные” байки о большевистском перевороте, не соучаствовал в преступлении? Разве Анри Барбюс или Ромен Роллан, умиляясь „железной воле” советского генсека, не виновны в крови тысяч и тысяч погибавших тогда, как говорится, „ни за что ни про что” в подвалах ГПУ и на лагерных лесосеках? И разве только один Налбандян писал портреты „великого вождя всех времен и народов”? А Пикассо? Или только лишь „Правда” пишет сегодня о „выдающихся успехах” социалистической системы? Полистайте-ка вполне респектабельную „Монд”, „Цайт”, „Штерн”, а еще лучше „Коррьере делла сера”.

Нет. Без искреннего осмысления этой горькой очевидности, без осознания собственной вины за все происходившее и происходящее как в нашей стране, так во всем тоталитарном мире, мы никогда не поймем и не изживем из нашего бытия той смертельной для человечества болезни, имя которой — Сталин и связанное с ним — этим понятием — вековечное Зло.

2

На большом собрании в Лондоне выступает член парламента — лейборист, только что вернувшийся из Польши. По его словам в этой стране царит мир и благоденствие.

— Признаться, — набожно умиляется он, — я поражен той дисциплиной и порядком, которые наблюдаются в Варшаве, нам надо многому у них учиться.

Реплика из зала:

— А вы сами хотели бы там жить?

— Я — нет, — не моргнув глазом парирует этот поклонник общественной гармонии, — но для поляков это хорошо.

Вот так, дорогие братья-славяне!

МАРТИРОЛОГ ИЗГНАНИЯ

1

Покончила собой Лена Титова. Трагическое событие это прошло почти незамеченным в мутном кипении эмигрантских страстей вокруг собственного пупа и дележа весьма сомнительных литературных лавров.

А я вспоминаю московскую квартиру Титовых на Васильевской, где, начиная со второй половины дня, заваривалась шумная круговерть диссидентского братства. Трудно назвать сейчас человека из этой среды, который бы не побывал в этом гостеприимном доме, где для всякого гостя находилась рюмка водки и душевное слово. Не раз заглядывал сюда и далеко не падкий на новые знакомства Александр Солженицын.

Меня привел к ним Володя Буковский чуть не перед самым своим арестом, и с тех пор я стал здесь частым гостем. Дом Титовых по праву считался штаб-квартирой демократического движения, где всегда можно было узнать самые свежие политические новости, получить достоверную информацию об арестах и внесудебных преследованиях, установить контакты с иностранными корреспондентами. И хотя все здесь давным давно прослушивалось и проглядывалось со всех сторон, никто в словах и жестах не стеснялся: эйфория близкой победы брала в нас верх над осторожностью и чувством самосохранения. И чего, казалось, нам было скрывать, в самом деле, мы шли „на вы” с открытым, как говорится, забралом!

Их вытаскивали из страны открыто, нагло, не стесняясь в методах и средствах. Буквально вымогали у них заявление, обещая пренебречь любыми формальностями и без задержек выдать визу.

Только оказавшись на Западе, я понял причину их неожиданной широты: в отличие от нас они-то доподлинно знали, какой прием ожидает на Западе людей с позицией и мировоззрением Титовых. И не ошиблись в своем чисто профессиональном расчете: от новичков отмахнулись, как отмахивались от всех им подобных на протяжении последних шестидесяти лет, а услужливые носороги доделали дело, оттеснив непрошенных гостей на обочину общественного внимания, где они и прозябали последние годы в безвестности и забвении.

И как результат: одной — петля, другому лабиринты дурдома.

2

Следом — Анатолий Якобсон. Та же судьба, та же тоска, та же петля. Блестящий критик и эссеист, он покинул раздавленную Россию, чтобы обрести новую родину на Земле обетованной, но сердце его продолжало болеть русской бедой и русскими болями.

„Когда государство расправляется с людьми — это политика, — писал он. — Когда человек хочет препятствовать этой расправе — это не политика”.

К сожалению, это не так для тех, кто расправляется или собирается расправиться: всякое сопротивление своим палаческим инстинктам они расценивают именно, как политику, притом общест-

венно и уголовно наказуемую. И вскоре по прибытии на Запад он убедился в этом на собственном горьком опыте.

И сделал из этого опыта единственный для себя вывод, который стоил ему жизни.

3

Сначала я позволю себе процитировать самого себя и приведу выдержку из своего романа „Прощание из ниоткуда” о памятной для меня встрече весной пятьдесят первого года. Тогда, освободившись из лагеря, я бродил по Москве в поисках работы и хлеба.

„Вот тогда-то, на углу улицы Горького и Моховой, у парадного подъезда гостиницы „Националь”, среди пестрого, но жалкого в своих претензиях многолюдья Влад и отметит памятью идущего мимо него человека с щегольской тростью под мышкой. Высокий, в роскошных усах красавец, в светлом пальто, с ухоженным нимбом вьющихся волос, он двигался сквозь толпу, словно гость из мечты, посланник Шехерезады, видение иного, нездешнего мира, и благоухание его холеной чистоты тянулось за ним наподобие тончайшего шлейфа. О, как он был красив!

Вы еще встретитесь, Саша, вы еще встретитесь, Саша Галич, но только почти через двадцать лет, в другой обстановке и при других обстоятельствах, и, надо надеяться, оба пожалеете, что этого не случилось раньше!”

Встретившись и подружившись почти через четверть века, мы действительно пожалели об этом. Во всяком случае, я. В Галиче поистине сочетался

чеховский идеал человеческой красоты: „и душа, и лицо, и одежда”. Его глубоко укорененный и поразительно естественный артистизм сказывался во всем: в быту, в творчестве, в отношении к людям. Всякая дисгармония, касалось ли это этики или эстетики, вызывала в нем мучительное страдание. Мне кажется, что именно это качество его души и характера в конце концов привело этого чистого артиста, поэта, певца в ряды нашего демократического движения. Чуткое к несчастьям „униженных и оскорбленных” сердце Александра Галича не могло спокойно выносить того надругательства над Совестью Человека, которое безраздельно властвует в его стране. Долгим и непростым был путь этого художника от невинных комедий и остроумных скетчей до песен и поэм протеста, исполненных пафоса гнева и боли, от респектабельного положения в официальном Союзе писателей до жизненно опасного членства в Комитете Прав Человека, возглавленного в те поры Андреем Сахаровым, с которым Галича до конца жизни связывала самая сердечная дружба. Но тем значительнее и выше прозревается нам сейчас его высокая судьба.

Затравленный на родине, он верил, что здесь в мире свободы и творческого поиска его оценят, поймут, примут. Но после одного из первых же его выступлений на Западе некая розовая бельгийская газетенка поспешила написать:

„Противно смотреть, как этот, страдающий одышкой от ожирения буржуа взбирается на сцену, чтобы проговорить хриплым голосом под гитару свои пропагандистские побасенки”.

В конце концов у него нашлись благодарные слушатели и много: в Италии, во Франции, в Америке. Но было уже поздно, нелепая гибель стояла у него на пороге.

Мне трудно еще представить, что я уже никогда не увижу его, не перемолвлюсь с ним обязательным ежедневным словом, не зайду ненароком к нему в гости: так нелепа, так внезапна, так непостижима для меня его смерть.

К счастью, поэт не умирает вместе со своей плотью, эхо его души продолжает жить в нас, и чем отзывчивее, чем ранимее была его душа, тем продолжительнее и объемней звучит в нас это эхо.

Сегодня утром моя дочь, крестница поэта, которой еще нет и трех лет, улавливая с присущим детям вещам чутьем что-то недоброе, грустно лепетала из его цикла о Януше Корчаке: „Тум-балалайка, тублалалайка...”. И я вдруг подумал, что моя встреча с ним продолжается, и я снова не говорю ему „прощай”, я говорю ему „до свидания”.

— До свидания, Саша!

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ?

1

Мне рассказывает моя парижская знакомая кинематографистка польского происхождения:

— Задумала предложить одной американской телекомпании фильм о диссидентах. Добилась приема у ее вице-президента. Захожу, а у него на столе вместо фотографии любимой женщины или детей бюст Ленина красуется. Ну, точь в точь, как у секретаря Львовского обкома партии, перед которым когда-то, еще будучи западноукраинской комсомолкой, я отчитывалась за свои антипартийные ошибки. Какие уж тут, думаю, диссиденты, повернулась и ушла.

Вот что значит — мирное сосуществование!

2

Она же:

— За два дня до выборов во Францию встречаю одну бывшую коммунистку, недавно переменившую свой красный колер на розовый. „Рада видеть, — все в ней ликует от переполняющего ее злорадства, но должна вас огорчить: через три дня мы вас начнем, — она согнула указательный палец, как бы нажимая спусковой крючек, — та-та-та-та!“

Попробовал бы сказать это кому-нибудь какой-нибудь так называемый правый!

Итальянский кинопродюсер коллеге из Советского Союза:

— Солженицын? Упаси, Боже. Даром не нужен. Я не самоубийца и не собираюсь терять советский рынок. В свое время я совместно с ними сделал ленту „Семечки”. Панорамные съемки, огромные массовки и все это мне ничего не стоило, а прокат с лихвой покрыл мои издержки и принес фантастическую прибыль. А что мне даст постановка этого Солженицына? Одни неприятности и саботаж в прокате. Нет уж, увольте!

Долго ли ему еще придется подсчитывать барыши от делового флирта с Москвой, над этим он, видно, старается не задумываться.

Как сообщает мне мой американский друг, мне оказана большая честь, меня приглашают на редакционное совещание весьма влиятельного в США еженедельника.

В просторном зале за обеденным столом собрался цвет американской публицистики по проблемам России и Восточной Европы. Стараясь быть сдержаннее и точнее, рассказываю им о преследованиях, арестах, цензуре в Советском Союзе. Слушают внимательно, кивают головами, сочувственно перешептываются. Но вот начинаются вопросы:

— Как вы относитесь к подслушиванию телефонных разговоров в Америке со стороны це-эр-у?

— Что вы можете сказать о вмешательстве американской разведки во внутренние дела Чили?

— Каково ваше отношение к проблеме цветного населения в нашей стране?

— Знаете ли вы о зверствах американской военщины во Вьетнаме?..

За тысячи миль от советских застенков, гебистских надсмотрщиков и цензуры, в самом открытом обществе мира я снова слышу все тот же птичий язык лозунгов и пропагандистских клише, будто это происходит на партсобрании в Московском отделении Союза писателей СССР.

5

Французский издатель молодому русскому автору:

— У нас, конечно, свобода, месье, но все-таки вы того... без излишних резкостей или обобщений... Представьте себе, что они завтра будут здесь.

Этот уже готов.

6

Вернувшаяся из Москвы французская журналистка рассказывает в русской компании о том, как ее обыскивали на таможене аэродрома Шереметьево:

— Вы представляете, они раздели меня до белья и перещупали всю одежду до нитки!

Старая советская зэчка, оттянувшая на сибирских лесоповалах чуть не пятнадцать лет, спрашивает ее со спокойным вызовом:

— А на гинекологическое кресло вас при этом сажали?

Та пренебрежительно пожимает плечами:

— Ну, это не для белых людей, это — для вас.

Мадам слывет во Франции большой демократкой. Борется в газетах с расизмом и дискриминацией.

7

В один из пермских лагерей, по недосмотру администрации прошел номер журнала ЮНЕСКО „Курьер” с опубликованной в нем Декларацией прав человека. Когда на очередном политзанятии какой-то дотошный заключенный, попытался сослаться на этот документ, офицер-воспитатель, не задумываясь, ответил:

— Это не для вас написано, а для негров.

Как видите у французской интеллектуалки и советского вертухая одинаковая психология, что называется, родство душ. Прямо плакать хочется от умиления.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ТЕАТРАЛЬНОГО ПОДЪЕЗДА

Окончание

1

И вот, с год спустя, я снова на премьере его пьесы. На этот раз шел спектакль „Урок французского языка для американских студентов”. Одна за другой чередуются не связанные, на первый взгляд, сценки и только где-то к концу первой половины действия зритель начинает улавливать знакомые уже по прежним ионесковским пьесам мотивы: „Носорогов”, „Лысой певицы”, „Лекции”, „Кресла”, „Человека с чемоданом”.

И мы постепенно осознаем, что это снова о том же: о гибели всего человеческого в человеке, о распаде его корней и связей с окружающим миром, об отрыве его от своего Творца, и, если уж договаривать до точки, о его близком конце вообще.

Для зрителя здесь знание языка более, чем необходимо, ибо все в пьесе построено на виртуозной вязи диалога со смысловыми и семантическими подтекстами, где каждое слово, междометие, пауза имеют огромное, подчас решающее в понимании происходящего на сцене значение.

И все же к концу спектакля, несмотря на языковой барьер, еле-еле преодолеваемый мной с любезной помощью французской спутницы, я вместе со всеми проникаюсь очищающей беспощадностью автора, без обиняков бросающего нам в лицо правду о нас самих.

Выходя из театра, я, словно рыба выброшенная на песок, жадно глотаю ртом ночной воздух парижской осени: мир вокруг кажется пустым и бездомным, как после очередного потопа, хотя я чувст-

вую, это катарсис, за которым, пусть едва еще только различимое, но что-то открывается.

Сам Эжен Ионеско говорит об этом так:

„Я думаю, что сейчас уже не достаточно сарказма, тяжелого сарказма, от которого смех часто холодеет на губах. И я обязан становиться все более и более патетическим. Мне повезло — или не повезло — и я никогда не был на каторге, поэтому то, что я могу о ней сказать, будет менее глубоко, менее исторично, чем у свидетелей каторги. Но это не значит, что я не могу говорить о несчастьи других — наша история все больше и больше становится ожиданием жалости и милосердия”.

В своем творчестве, как, впрочем, и в жизни, Эжен Ионеско хирургически жесток и нелицеприятен, но это его врачующий метод для того, чтобы призвать нас к Мужеству и Сопrotивлению.

И в этом его величие.

2

Профессор по совместительству или, так сказать, пушкинист-смежник. Похож на резиновую копию самого себя. Резиновость эта как бы проступает в нем изнутри: резиновая походка, резиновый взгляд, резиновые, всегда по обстоятельствам, слова:

— Я диссидент по несчастью, меня не поняли, у меня нет претензий к советской власти, мое сердце с угнетенными всех стран, моя лояльность социализму общеизвестна...

Правда, свою лояльность социализму он подтверждает не деятельностью на благо „угнетенных”, а инсинуациями в эмигрантской среде и печатными доносами на инакомыслящих. Видно, все еще надеется, что бывшие хозяева наконец-таки поймут и оценят его верноподданническое сердце.

Наблюдая за его стараниями, невольно вспоминаешь зализанного этим профессором Пушкина: „В журнал совсем не европейский, над коим чахнет старый журналист, с своею прозою лакейской взошел болван семинарист”.

Письмо в редакцию „Континента”:

„Я не хочу больше подписываться на ваш журнал. Я старый политический эмигрант и антикоммунист, но для меня дорога Россия и мне стыдно читать, как вы ругаете наших ребят, которые погибают сейчас в Афганистане...”.

Видимо, у нас с автором письма разные понятия о стыде. Мне почему-то стыдно сейчас, как за него, так и за „наших ребят”, которые безропотно умирают в эти дни на афганских дорогах.

О нем я уже поминал. Нобелевец. Голубь мира (да, да, нобелевец, вы не ошиблись господин по совместительству профессор!). Любитель выпить без закуски и женщин без особых претензий (да, да, тот самый, вы помните, госпожа „рядовая гражданка” ФРГ Шмидт!). Возвращаюсь к нему еще раз, вопреки вашим предостережениям и советам. Что поделаешь, упрям и несговорчив злобствующий шовинист Максимов!

Горят от советского напалма живые факелы в Афганистане...

— Это незначительный эпизод, — не моргнув хмельным глазом, вещает он журналистам, — от таких мелочей не должен страдать детант.

Бьют сапогами по глазам жену великого Сахарова, а заодно и самого академика, чтоб неповадно было...

Не моргнув тем же глазом, отщивает диссидентских заступников русского мученика:

— В настоящее время я не могу выступить в защиту вашего друга Андрея Сахарова...

Причем, не уточняет, когда же все-таки сможет.

Глядя на него, так и хочется процитировать частушку времен гражданской войны: „Ты скажи-ка, га...” Но, впрочем, нет, не процитирую, а то ведь и впрямь разорвут меня на мелкие части наши собственные „профессора” из литературных прихожих.

Интервью министра, ведающего вопросами спорта, по французскому телевидению:

— Мы не в праве бойкотировать Олимпийские игры, ибо спорт и политика несовместимы.

Вопрос журналиста:

— Тогда почему же вы совсем недавно не разрешили команде регбистов Южной Африки въехать на территорию Франции?

Министр абсолютно невозмутим:

— Но ведь в этой стране процветает расизм!

Видимо, напалмовый ливень на дорогах Афганистана этот политический переросток считает профилактическим душем во имя расового и классового сближения!

Она полна пафоса и протеста. В ее гневных глазах неподдельные слезы:

— Вы понимаете они убивали их у всех на глазах, прямо на футбольном поле стадиона, этому нет оправдания! Грязная клика Пиночета должна быть сметена с лица земли, это наш долг — долг современных интеллектуалов!

Я готов немедленно разделить ее пафос и ее протест: никому не дано убивать людей без суда и следствия. Я спешу заверить собеседницу, что в любое время дня и ночи я и мои друзья готовы к совмест-

ной борьбе против чилийских преступников. Но я пришел к ней не только как к известной французской интеллектуалке, а как к товарищу по несчастью изгнания: моя собеседница литовского происхождения, в сороковом году ее отец, будучи тогда одним из министров национального правительства, едва унес ноги из родной страны, оккупированной „доблестной Красной армией.“

— Вы правы — надо бороться против всякого насилия, где бы оно ни поднимало голову. Вы же знаете, что в Советском Союзе...

Она даже не дает мне договорить. От прежних слез не остается и следа. Голос ее сух и размерен, словно скрип камерной двери:

— Это совсем другое дело, в Советском Союзе насилие совершалось, — здесь она делает заметное ударение на прошедшем числе, — во имя общечеловеческих идеалов...

И поди, докажи этой мученице прогресса, что не чилийская солдатня топчет землю ее родины, что не чилийская хунта забивала насмерть, расстреливала без суда и следствия, гноила и гноит на сибирских лесоповалах лучшую, чистейшую часть ее родного народа, что не генерал Пиночет грозит сегодня и, если вспомнить Анголу, Эфиопию или Афганистан, уже осуществляет угрозу навязать с помощью напалма эти свои идеалы всему миру. Она все равно не услышит, ибо она собирается провести свой очередной отпуск именно в Литве. Там ее хорошо принимают. Интересно, за какие заслуги?

А эта только что вернулась оттуда, где была в первый раз в жизни. От ее вчерашнего энтузиазма

Остался только горький дым воспоминаний. На вопрос о ее впечатлениях от поездки отвечает растерянно и коротко:

— У нас нужно мужество, чтобы бороться, у вас нужно мужество, чтобы жить.

Цитата из западногерманской профсоюзной газеты „Металл” от 3-6 февраля 1980 года:

„Каждый день мы читаем в реакционных газетах о гибели тысяч „героических борцов за свободу Афганистана” и видим по телевидению так называемых афганских беженцев. Все это рассчитано на то, чтобы создать в мире атмосферу военной истерии. Только верность политике детанта, проводимой блоком социал-демократической и либеральной партии Федеративной Республики Германии может быть единственной альтернативой „холодной войне”.

Вот что значит свобода: пиши, чего хочешь — в психушку не посадят и в ГУЛаг не пошлют.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

1

Как вас теперь называть, господин Симес?

Прежде всего, цитирую:

„Американские средства массовой информации придерживаются мнения, что группа была создана для наблюдения за соблюдением Советским Союзом условий Заключительного акта, принятого в Хельсинки, и ее члены подверглись несправедливому преследованию за законную деятельность. Факты, однако, несколько иные. Во-первых, члены группы почти целиком вышли из рядов диссидентов. Во-вторых, группа не проявила решительно никакого интереса к наблюдению за соблюдением положений первой и второй „корзин”, касающихся безопасности и экономических вопросов, в чем особенно заинтересовано Советское правительство. Как и подобает диссидентам, ее члены занялись только третьей „корзиной”. В-третьих, ряд заявлений группы показывает — ее цель отнюдь не только в том, чтобы содействовать выполнению Заключительного акта, а в том, чтобы дискредитировать за рубежом советский режим. Больше того, тон заявлений, документов группы был в ряде случаев полемическим и враждебным к власти...

Отнюдь не бесполезно спросить, как бы реагировало большинство американцев, если бы в США объявилась группа диссидентов, притворяющихся, что заняты-де наблюдением за соблюдением Заключительного акта, а ограничили свою деятельность

только нарушениями прав человека в США, взяв на вооружение в качестве основного метода работы обращение к иностранным правительствам, включая недружественные... Члены такой группы встретились бы с крайней враждебностью в США. Некоторые из них стали бы объектом тщательного расследования со стороны ФБР и столкнулись бы с трудностями, если бы попытались поступить в государственные учреждения...

Итак, в действительности группу наблюдения за соблюдением хельсинкских соглашений в СССР привлекли к ответственности отнюдь не за эту деятельность. Учитывая состав группы и характер ее заявлений, следует указать — ее цели были много шире. На деле группа стремилась подорвать позиции СССР на международной арене... Диссиденты бросили вызов коренным устоям советского строя”.

Откуда это? Из „Правды”? „Литературной газеты”? „Коммуниста”? Нет, дорогой читатель, это из сборника „Советская угроза: миф или реальность”, выпущенного Американской академией политических наук. Автор — новый эмигрант из России Д. Симес, директор отдела исследований СССР центра по изучению стратегических и международных вопросов Джорджтаунского университета. Во всяком случае, так его рекомендует известный погромщик Н. Яковлев (неоднократно шельмовавший в советской печати Сахарова и Солженицына) в своей книге „ЦРУ против СССР”, опубликованной в минувшем году издательством „Молодая Гвардия”. „Товарищ Яковлев” делает вид, будто ему неизвестно, что упомянутый Симес

по железным советским стандартам является „отщепенцем”, „сионистом”, „предателем родины”, покинувшим страну по израильской визе. „Товарищ Яковлев” цитирует „господина Симеса”, как солидного американского ученого, объективно рассматривающего обсуждаемую проблему. Благо, фамилия редкая, как говорится, импортного происхождения.

Тем не менее, в приведенной цитате что ни слово, то — ложь. Автор прекрасно знает, что в условиях тоталитарной страны у общественности нет никакой возможности проверять выполнение решений, „касающихся безопасности и экономических вопросов”. Автор намеренно в лучших традициях советской пропаганды, подменяет понятие „объективная информация” компрометирующим словечком „дискредитация”. Автор также отлично осведомлен, что в США вот уже несколько лет существует группа по наблюдению за выполнением Хельсинкских соглашений и занимается эта группа исключительно „третьей корзиной”, не встречая при этом никакого противодействия со стороны ФБР или препятствий при поступлении на государственную службу.

(Лучший пример тому — сам господин Симес, который, занимаясь на территории США систематической просоветской пропагандой, успел подвизаться здесь и на государственной службе.)

Меня не удивляет наличие подобного рода „советологов” в среде нашей эмиграции (выглядело бы странным, если бы их не было), меня удивляет только, почему в „самой свободной прессе мира” так велик спрос именно на эту публику, откровенно представляющую за рубежом интересы „товарищей Яковлевых” и их более высокопоставленных хозяев?

Что ж, в демократическом мире печать свободна от всего, даже от ответственности и имеет право на все, даже на непробиваемую глупость, но эмиграция, в силу своего горького опыта, уже не имеет права ни на то, ни на другое. Эмиграция, наконец, может позволить себе мужество назвать вещи подлинными именами, ибо, как говорят у нас на родине:

— Страна должна знать своих... „героев”.

Итак: Дмитрий Симес!

2

Не успели еще отзвучать бесславные фанфары в честь закрытия летних Олимпийских игр в Москве, еще раз „подтвердивших неуязвимость превосходство социалистической системы над капиталистической”, как гданьские рабочие, пренебрегая „величайшими благами этой системы”, потребовали от „народного правительства” соблюдения своих элементарных прав, записанных в собственной конституции, чем несколько омрачили почти идиллическую концовку пропагандистского спектакля в столице „родины трудящихся”.

Но, как и следовало ожидать, вместо того, чтобы поддержать тех, кто не хочет больше прозябать в социалистическом раю, то есть самих польских рабочих, западные лидеры мгновенно поспешили на помощь обанкротившемуся правительству с миллионными кредитами наперевес. И кого вы только не найдете в этой постыдной гонке. Как говорится, дети разных народов и политических убеждений: от чадолюбивого баптиста Картера до одного из вождей международного рабочего

(рабочего!) движения Гельмута Шмидта. Спешат в самых лучших олимпийских традициях, стараясь не уступить друг другу на финише!

— Мы хотим помочь польскому народу, — вопят они в лакейском экстазе, — преодолеть экономические трудности!

Полно, господа, дураков нет, нормальные люди давно научились отличать „экономическую помощь” от соучастия в экономическом удушении народов. В том числе и польского...

3

Жизнь на земле становится, как в лесу: чем дальше, тем страшнее. И ничего — привыкаешь. Уже никого не удивляет, что Совещание по безопасности в Европе созывается в самой „независимой” европейской стране — Финляндии, Конференция неприсоединившихся государств в самой „нейтральной” — на Кубе, а Олимпийские игры, провозглашенные во имя мира и взаимопонимания между народами в самой „пацифистской” — в СССР. Остается еще созвать всемирный симпозиум по Правам Человека в естественной среде питомника для крокодилов и на современной цивилизации можно будет поставить точку.

Разговор двух беженцев:

— Куда собрался?

— В Австралию.

— А зачем?

— Посмотрю, как там и — дальше.

К сожалению, дорогие современники, дальше некуда.

ПРОЩАНИЕ ИЗ НИОТКУДА

Большая часть изгнанных или вынужденно покинувших родину современных русских писателей живет на Западе не более пяти-шести лет, но и за это короткое время многие из нас убедились в тщетности наших, в недавнем прошлом радужных, надежд на своих здешних собратьев и коллег по призванию и профессии. Правды ради надо сказать, что мы встретили здесь мастеров культуры, солидарных с нами в нашем повседневном сопротивлении тоталитаризму, людей, силой своего интеллекта и таланта прозревающих всю беспрецедентную в истории человечества опасность, нависшую над миром, и с огромным мужеством отстаивающих свои убеждения.

Но будем смотреть горькой правде в глаза, их — этих людей — среди западной интеллигенции, к сожалению, меньшинство. Большинство же, ослепленное социальной нетерпимостью, с мышлением, заклишированным сомнительными постулатами рутинной доктрины девятнадцатого века, а то и просто демагогически спекулирующее на модных политических веяньях, встречает в штыки каждое наше слово или начинание.

Вот уже почти шестьдесят лет продолжается зверское избиение русской интеллигенции. Почти шестьдесят лет нас расстреливают, гноят в лагерях и тюрьмах, заживо хоронят в психиатрических застенках, или, в лучшем случае, изгоняют из страны. У меня не хватило бы никакого места, чтобы привести здесь весь мартиролог великих жертв этой кровавой вакханалии, от Бабеля и Ахматовой до Пастернака и Галанскова.

Но определенная и, прямо скажем, с большим общественным весом часть западной культурной элиты неизменно бубнит, что колбасы на Востоке становится все больше и расцветка ситца все разнообразнее. И за примерами недалеко ходить, стоит только познакомиться с многоименным набором высказываний о Советском Союзе — от Бернарда Шоу до Жан-Поля Сартра.

Нас часто упрекают в том, что мы-де не стараемся понять злободневных проблем Запада: несправедливости распределения материальных благ, инфляции, безработицы, неокOLONиализма. Смею вас заверить, что все мы очень близко принимаем к сердцу каждую из этих проблем. Но я позволю себе здесь одно житейское сравнение. Ваши проблемы — это проблемы человека, страдающего от морской качки.

Есть такие проблемы? Несомненно есть, причем очень тяжелые, и они требуют своего разрешения. Но наши проблемы — это проблемы утопающих в открытом море, безо всякой надежды на спасение. Судите сами, какие из этих проблем тяжелее и неотложнее, тем более, что если события будут развиваться в том же, как и сейчас, направлении, то наши сегодняшние проблемы станут вашими завтрашними проблемами. И тогда уж действительно никто и никому не сможет помочь.

Но если худшее все же случится и демократии суждено погибнуть, мне хотелось бы уже сейчас обратиться к тем своим коллегам по профессии, которые сегодня, разжигая национальную и расовую ненависть и подменяя серьезный общественный разговор крикливой социальной демагогией, подрывает самые основы свободного мира: когда придет

ваш черед, не кричите перед расстрелом или отправкой на этап, что вас обманули. Нет, вы жаждали быть обманутыми, хотя мы вас предупреждали. И наша совесть перед вами чиста!

ЭПИЛОГ

Итак, я заканчиваю. Мне остается только последовать ценному указанию моей корреспондентки М. Розановой, письмо которой приводилось мною выше, то есть:

1. Публично извиниться.
2. Остановить эту публикацию.
3. Не пытаться печатать рукопись в „Континенте“.

Отвечаю по пунктам:

1. С извинениями подожду.
2. Непременно опубликую.
3. В том числе и в „Континенте“.

В конце концов, я — оптимист.
А засим: адью!

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Родился пятьдесят лет назад в Москве, в семье рабочего салицилового завода, в Сокольниках. Мать — Федосья Савельевна Самсонова — была служащей коммунхоза: секретарем, делопроизводителем, экономистом.

До ухода из дома успел закончить четыре класса 393-й московской общеобразовательной школы. Бродячая юность несколько раз прерывалась краткосрочными „остановками” в детприемниках (Славянск, Батуми, Кутаиси, Тбилиси, Ашхабад, Ташкент) и колониях (Кутаиси, Ашхабад, Ташкент, Шексна), откуда, как правило благополучно (кроме Шексны), бежал. Из горького опыта пребывания в детских исправительных учреждениях, унифицированных по системе Макаренко, вынес твердое убеждение, что всякая, даже самая заманчивая система, оказываясь в руках фанатичных апологетов, становится орудием преступления. Ничего более жуткого ни до, ни после мне уже переживать не приходилось, хотя и впоследствии жизнь не баловала меня райскими кущами. Шестнадцати лет от роду получил семь лет и после недолгого ожидания в Таганской тюрьме, отправлен по этапу в Шекснинскую детскую трудовую колонию, из которой вскоре пытался бежать, но был схвачен, а затем, в бессознательном уже состоянии, передан на экспертизу в Вологодскую областную психиатрическую больницу, признан здесь невменяемым и сактирован, как говорится, вчистую.

Если не считать учебы урывками во время пребывания в исправительных заведениях, получил в основном образование книжное, откуда и вынес

свою нравственную программу, обогащенную затем жизненным опытом. Вместе со справкой об освобождении получил свой первый, правда с режимным ограничением, паспорт и справил восемнадцатилетие. Сразу же завербовался на Крайний Север, где работал в проектной экспедиции знаменитой „Мертвой дороги” рабочим-изыскателем на Таймыре, заведующим клубом речников в Игарке. Затем, имея за плечами некоторый строительный опыт, был каменщиком и штукатуром в Туле, Красноярске, Кемерове. С пятидесят второго года — на Кубани: подсобник на кирпичном заводе, прицепщик в колхозе, культработник, газетчик. В качестве последнего изъездил практически всю страну.

Отец мой — крестьянин деревни Сычевка, Тульской области, откуда в призывном возрасте, в 1920 году, был взят в Красную армию, где вступил в партию. После демобилизации домой не вернулся, подавшись вместе с молодой женой в Москву. Здесь активно включился в политическую жизнь, примкнув к рабочей оппозиции. После выдворения Льва Троцкого из СССР несколько раз арестовывался, но окончательно осужден на заключение лишь в тридцать третьем году. В тридцать девятом оказался одним из „счастливчиков”, освобожденных в связи с падением Ежова. До самого начала войны работал грузчиком на шахте в родных местах. Двадцать второго июня 1941 года записался добровольцем на фронт, где вскоре и погиб.

Крайняя семейная нищета, обусловленная ежедневной борьбой за существование, не располагала нас к сердечной доверительности и наверное поэтому сколько-нибудь прочной душевной близости с матерью у меня так и не возникло. Тому способ-

ствовало и наше с нею природное упрямство. Наибольшее влияние на мое формирование оказал дед по материнской линии, потомственный железнодорожник Савелий Ануфриевич Михеев, с которым я провел значительную часть детства.

Первое стихотворение написал в восьмилетнем возрасте и впоследствии занимался сочинительством почти непрерывно. Из того, что попадалось под руку, увлекался Горьким и Леоновым. С духовной зрелостью пришла и заполнила меня целиком любовь к Достоевскому и преклонение перед ним. Мне близки его неистребимая „милость к падшим”, его нравственная последовательность, его неприязнь к делению общества на правых и виноватых. Поднятая им проблематика может служить неисчерпаемым кладезем для любого писателя нашего времени. В литературной среде своего поколения я с самого начала оказался изгоем, пасынком. Меня мало волновали вопросы, занимавшие в те времена моих товарищей по перу: извращения в сельском хозяйстве, драма доморощенных битников, культ личности. Отсюда — полное непонимание в окружающих, а зачастую (особенно в отношении к моему религиозному поиску) — и откровенная насмешка. Мне хотелось сразу же „во всем дойти до самой сути”, нащупать истоки процесса, раздирающего общество, выявить для себя историческую концепцию. Удалось ли мне это, судить читателю.

Версия о покровительстве глубоко чтимого мною Константина Паустовского несколько преувеличена. Его роль в моей судьбе ограничилась привлечением меня к участию в сборнике „Гарусские страницы”. Впоследствии же я с ним более не встречался. Вокруг него в основном группировались его бывшие

слушатели по семинару в Литературном институте: Борис Балтер, Лев Кривенко, Бенедикт Сарнов и другие.

Вскоре после выхода романа „Семь дней творения” на Западе я был исключен из Союза писателей СССР, о чем никак не сожалел. К этому времени у меня уже печатался за границей роман „Карантин” и заканчивалась работа над „Прощанием из ниоткуда”. По традиции считаю, что всю литературную жизнь пишу одну книгу, только инстинктивно расчлененную на отдельные периоды, связанные с тем или иным душевным и духовным поворотом.

Выехав на Запад, долго не мог прийти в себя, ошеломленный здешней политической и социальной суетой, в которой и сам принял посильное участие. Сначала весь ушел в организацию журнала, ездил, выступал, собирал вокруг нового дела людей и средства. Но постепенно внутреннее равновесие восстановилось, возвращались языковая память, профессиональный навык, тяга к собственной работе. В конце концов, шаг за шагом, медленно и со срывами родилась тема „Ковчега для незваных”, вылившаяся затем в мою первую зарубежную книгу.

К настоящему времени выпустил в свет шеститомное собрание сочинений, которое, впрочем, не вызвало в нашем подлунном мире ни особого интереса, ни волнений, зато сочиненная между делом „Сага о носорогах” — более или менее сносный памфлет на двадцать страниц — подняла целую бурю не только в пахучей заводи третьей эмиграции, но и в определенных западных кругах, в связи с чем я буду продолжать этот увлекательный, хотя и весьма опасный эксперимент.

Владимир Максимов

После немоты

В КАЧЕСТВЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЯ

Мне впервые в жизни приходится прибегать к подобного рода обращению, и я делаю это, вынужденный обстоятельствами. Предыстория его такова: в конце 1971 года на Западе, на русском языке, был опубликован мой роман „Семь дней творения”, который вскоре перевели (и еще переводят) на ряд иностранных языков. Издание книги вызвало болезненную реакцию со стороны наших соответствующих организаций. Последовал целый набор оргвыводов: вызовы на собеседования с требованием немедленной повинной, запрет публикаций, занесение в „черный список” цензуры и, как результат, лишение средств к существованию.

Не желая обострять ситуацию и нагнетать вокруг своего имени атмосферу ажиотажа, я сделал все от себя зависящее, чтобы событие это прошло как можно более скромно. Но, видимо, это не очень устраивало неких „иксов”, жаждущих сделать из своей сверхбдительности источник политических и материальных доходов. Не дождавшись от меня покаяния, они вознамерились покончить со мной в судебном порядке. На недавно прошедшем партактиве Московской писательской организации работник КГБ Абрамов открыто потребовал организационной расправы надо мной, которая облегчила бы карательным органам применение ко мне процессуальных санкций.

Джин, которого эти стражи идейной чистоты так жаждут выпустить из бутылки разлива тридцать седьмого года, прежде всего погребет их самих. Им следовало бы извлекать уроки хотя бы из трагического опыта их погибших предшественников.

Я не настолько наивен, чтобы полагать, будто обладаю хоть какой-то неприкосновенностью. Но если со мною все же что-то случится, то это, по моему глубокому убеждению, не принесет лавров тем, кто будет преследовать в судебном порядке очередного русского литератора за осуществление им его прямой профессиональной обязанности — писать книги согласно своим убеждениям и своей совести.

Москва, 7 марта 1973 г.

СЕКРЕТАРИАТУ МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СП РСФСР

от Максимова В. Е.

Как мне стало известно, секретариат МОСП РСФСР совместно с бюро секции прозы готовит обсуждение моего романа „Семь дней творения” со всеми вытекающими отсюда оргвыводами. Я и пишу это письмо заранее, ибо заранее знаю степень ваших обвинений и качество ваших доводов. Мне не в чем оправдываться перед вами и не о чем сожалеть. Я, сын и внук потомственных пролетариев, сам вышедший из рабочей среды, написал книгу о драматическом финале дела, за которое отдали жизнь мой отец, мой дед и большая часть двух восходящих ко мне фамилий. Эта книга для меня — результат многолетних раздумий над удручающими и уже необратимыми явлениями современности и горчайшего личного опыта. Если вы, оставшись наедине с собой, непредубежденно и мужественно взглянете в лицо действительности, у вас, я уверен, возникнет множество тех же самых „почему”, какие одолевали меня в процессе работы над романом.

Почему в стране победившего социализма пьянство становится общенародной трагедией? Почему за порогом полувекового существования страны ее начинает раздирать патологический национализм? Почему равнодушие, коррупция и воровство грозят сделаться повседневной нормой нашей жизни? Где

истоки всего этого, в чем первопричина такого положения вещей? Вот, примерно, те вопросы, которыми я задавался, садясь за работу над книгой. Не знаю, удалось ли мне с достаточной убедительностью ответить хотя бы на один из них, но у вас нет оснований сомневаться в искренности моих намерений. Этим же стремлением помочь своей стране и своему народу разобраться в отрицательных явлениях современности, с тем чтобы, освободившись от ошибок прошлого, безбоязненно двигаться дальше, руководствовались и все мои старшие предшественники от Дудинцева до Солженицына включительно, разумеется, каждый в меру своих сил и дарования. К сожалению, те, от кого зависело взять эти книги на вооружение, не только остались глухи к взыскующим правды голосам, но и встретили их в штыки. Мне трудно судить, кто и почему заинтересован в том, чтобы загнать болезнь глубоко вовнутрь, но в плачевном исходе такого рода лечения я не сомневаюсь: последствия не поддаются учету, бедствия — исчислению. Если наше общество не осознает этого сегодня, завтра уже будет поздно.

Сейчас мне не до бравлады, я покину организацию, в которой состоял без малого десять лет, с чувством горечи и потери. В ней — в этой организации — числились и числятся люди, у которых я учился жить и работать. Но рано или поздно каждому из них все-таки придется сделать этот тяжкий выбор. Союз писателей, а в особенности его Московское отделение, постепенно становится безраздельной вотчиной мелких политических мародеров, разъездных литературных торгашей, всех этих медниковых, пиляров, евтушенок — мелких бесов духовного паразитизма.

Я прекрасно осознаю, что меня ждет после исключения из Союза. Но в конце пути меня согревает уверенность, что на необъятных просторах страны, у новейших электросветильников, керосиновых ламп и коптилок сидят мальчики, идущие следом за нами. Сидят и, наморща сократовские лбы, пишут. Пишут! Может быть, им еще не дано будет изменить скорбный лик действительности (да литература и не задается подобной целью), но единственное, в чем я не сомневаюсь, — они не позволят похоронить свое Государство втихомолку, сколько бы ни старались преуспеть в этом духовные гробовщики всех мастей и оттенков.

Со всей ответственностью —

В. Максимов

15 мая 1973 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГЕНРИХУ БЕЛЛЮ

Глубокоуважаемый коллега!

Признаюсь, Ваше предыдущее заявление об изменениях в Нобелевской речи во имя сохранения неких „контактов” подействовало на меня (да и не только на меня), честно говоря, удручающе. Мир на своем горьком опыте успел убедиться, во что обходятся человечеству односторонние уступки злу и насилию ради их сомнительного умиротворения. Мир слишком хорошо помнит, как под шумок дипломатической эйфории в самом центре Европы дымили первые крематории концлагерей. С тех пор нравственная обстановка вокруг нас изменилась к худшему. Если когда-то безответственная болтовня Чемберлена, Даладье и Компании вызывала у честных людей хотя бы чувство брезгливости, то сегодня убогим апологетам нового Мюнхена, возмнившим себя великими политиками, вручают уже Нобелевские премии мира. Только Всевышний знает, в какую кровавую копеечку влетят нам бесовские игры современных недоумков от дипломатии, но место на скамье подсудимых Второго Нюрнберга, не сомневаюсь, им обеспечено.

Поэтому Ваш голос, снова поднятый Вами в защиту попранной справедливости, вселил во всех нас надежду и уверенность, и уже одно это, само по себе, может служить Вам доказательством его действительности. Но, к сожалению, и в этом, таком чистом и мужественном Вашем выступлении прозвуч-

чала настораживающая нота скептицизма и усталости. Утверждение бессилия слова перед материальным могуществом являет собою недопустимую слабость со стороны писателя-христианина. На Суде Времен нам простится все, кроме греха уныния и безнадежности. Слово сильнее поставок и контрактов, тем более, если это слово принадлежит верующему. Лишь бы оно звучало не время от времени, а постоянно, ежедневно, ежечасно, ежеминутно. Писатель, в силу своего назначения на земле, говорит, руководствуясь в таких случаях не спекулятивной злободневностью, а только потому, что не может молчать. Там, где царствует совесть, нет места закону целесообразности.

В практическом же плане, мировая общественность должна обращаться к разуму и логике власть имущих не по следам прискорбных событий, когда престижные амбиции адресата мешают ему внять призывам со стороны, а перед таковыми. Пример Солженицына и Амальрика прекрасное тому доказательство.

В этом смысле образцом нравственной бдительности может служить академик Сахаров — честь и совесть современной России, выступления которого по острейшим вопросам сегодняшнего мира обходятся ему куда дороже, чем любому из его западных коллег. Сахаров не выжидает „пиковых” моментов текущего дня, когда сказанное им слово принесет ему максимум политических дивидендов. Сахарова не заботит „инфляция” его выступлений. Сахаров совершает поступки и говорит движимый одной единственной указкой — указкой своего большого сердца. И слово его не становится от этого менее весомым и действенным. Именно поэтому

тучи над ним в последнее время заметно сгущаются. Спасти Андрея Сахарова от грозящих ему бед — наша общая с вами задача. Когда непоправимое случится, будет уже поздно махать, как у нас говорят, кулаками. В этом Вы смогли убедиться на совсем недавних примерах.

В таком же, но менее заметном положении находятся и многие из нас. Я мог бы привести здесь целый мартиролог имен, которые после „общественного“ остракизма поставлены перед новыми, еще большими испытаниями, но список этот занял бы здесь слишком много места, да к тому же имена эти общеизвестны. Поэтому назову лишь близких мне людей, которые, я надеюсь, не останутся на меня в обиде за непрошенное заступничество: Виктор Некрасов, Александр Галич, Лев Копелев, Георгий Владимов, Владимир Войнович, Булат Окуджава, Борис Балтер.

В заключение мне хотелось бы еще раз заверить Вас, что голос Ваш, если и не дошел до слуха тех, к кому Вы обращались, то духовный результат с лихвой восполнил их молчание. Слова, сказанные Вами укрепили во многих и многих, от Афин до Шанхая, веру в конечное торжество правды и справедливости, а это, на мой взгляд, самое главное.

„Царствие Небесное усилием берется“! Так постараемся же совершить это усилие на любом поприще, по которому направил нас Господь, чтобы в конце пути оказаться достойными бесценного дара Свободы, каким наделил Он каждого из нас в день Святого Крещения.

С глубочайшим уважением

В. Максимов

Москва, 4 июля 1973 г.

ОТВЕТЫ КОРРЕСПОНДЕНТУ „ФРАНС-ПРЕСС”

1. Из знакомства с Вашими произведениями вытекает, что Вы являетесь верующим человеком. Можете ли Вы сформулировать, в чем Ваша вера и какое место занимает религия в Вашем творчестве?

— Слово „вера” говорит само за себя и мне к этому нечего добавить. Если же говорить догматически, то исповедую православное христианство. Эта Вера и вооружает меня критерием истины и красоты, безусловно обозначая мне цели, задачи и средства творчества. Должен заметить, что в наш смутный век утвердилась лукавая тенденция путать Веру с амбициозным политическим фанатизмом. Это целенаправленное смещение понятий разрушительно вообще, а для писателя в особенности. Писатель, сотворивший себе кумира из очередного общественного движения или политической доктрины, неминуемо скатывается к творческому краху. Взлетая иногда на самый гребень вызванных ими событий, он, затем, вместе с их спадом уходит в литературное небытие. От Горького до Гамсуна таких примеров в культурной истории нашего века множество. Истинная Вера — всегда результат взыскующей совести, а потому и служит человеку безошибочным путеводителем на долгих дорогах жизни.

2. Является ли ваша вера результатом изначально-ного религиозного воспитания, обретена ли она вами после какого-то перерыва или вы пришли к ней через тяжелый жизненный опыт?

— Скорее всего здесь имеет место последнее. Родители мои — наивные атеисты двадцатых годов, соблазненные происходящим на их глазах политическим своеволием, которое они восприняли как свободу, не могли, разумеется, воспитать во мне религиозное чувство. Но Соблазн гордыни бессилен перед Великим Искуплением. Как зеленый побег сквозь асфальт, пробивается Благая Весть в человеке через гнетущие наслоения времени. Пробилась она и во мне, озарив окружающее не вечерним светом Ожидания и Надежды.

3. В „Семи днях творения” вы показываете галерею молодых людей различной социальной формации, приходящих к вере. Чем вы объясняете, что в столь агрессивно атеистической стране начинают возникать такие феномены?

— Не раз в нашем трагическом столетии раздавались голоса о богооставленности мира. Слишком многое, на первый взгляд, подтверждало этот пессимизм: гражданские катаклизмы начала века, дальше — газовые камеры в самом сердце Европы и миллионы одетых в серые бушлаты невольников от Беломорканала до Колымы, запустение церквей и святых мест. Это кажущееся угасание Света на какое-то время затмило перспективу маловерам и ввело в искушение слабодушных. Но зоркие сердцем знали, что это лишь испытание, через которое надо

было пройти, чтобы уже более никогда не соблазняться мнимо легкими путями эгоизма и безверия. Знали и безропотно несли этот крест сквозь поругание и расстрелы, сквозь тюрьмы и лагеря, сквозь предательство и хулу. Свет наших мучеников Веры не угаснет, навеки запечатлев в потомстве имена патриарха Тихона, отца Павла Флоренского, архиепископа Луки и множества, великого множества других, безымянных. Божественный прорыв не заставил себя ждать. В последнее время мы стали благодарными свидетелями возрождения религиозного чувства в нашем народе. Особенно среди молодежи. Отрадно сознавать, что гребень этой волны движется с востока европейского континента. Это отметил в одном из своих предсмертных высказываний и великий французский писатель Франсуа Мориак. На огромных просторах от Тихого океана до Вислы образ Божий, омытый слезами и кровью сотен тысяч мучеников вновь прозревается над истерзанной землей. Возрожденная Вера нового поколения людей, прошедших сквозь такой трагический опыт, спасет мир от скверны злобы и корысти. Духовное обновление уже стоит у нашего порога. Мы живем накануне. НАКАНУНЕ!

4. Видите ли Вы в религии форму протеста против существующего режима? Почему Церковь привлекает к себе людей, в то время как ее официальные лидеры так конформистски проявляют себя по отношению к советским властям?

— На первый вопрос Евангелие дает ответ краткий и недвусмысленный: „Кесареву — кесарево, Богу — Богово”. Религия никогда не ставила своей

задачей противоборство с государством. Но конкретные поступки конкретных людей, осуществляющих власть, несомненно подлежат нравственному суждению, и если они, эти поступки, противоречат Божиим Законам, то Церковь не только может, но и *обязана* высказать к ним свое отношение. Отсюда вытекает и смысл второго вопроса. При всем своем конформизме наша церковная иерархия, состоящая из обычных грешных людей, не в состоянии заслонить своей духовной несостоятельностью Горний Свет для обретающего Веру. Что же это за Вера, если греховная суета иерархов может отвратить от нее обратившегося? Христианство безусловно персоналистично, что предопределяет личную ответственность каждого. Пусть соблазненные кесарем сами ответят перед Богом за свои прегрешения. Нам остается только молиться о них. К тому же современная русская Церковь прославилась и целым рядом самоотверженных священнослужителей-подвижников, один из которых, ныне здравствующий епископ Гермоген, проживающий сейчас на принудительном покое в Жировицком монастыре в Белоруссии, стяжал себе всенародное уважение. Никакая земная тьма не в состоянии остановить Божественный прорыв.

5. Возможно ли измерить степень религиозного возрождения в СССР, какой религии это касается в большей мере и почему в этом Вы полагаете залог будущего вашего народа?

— Мне кажется, о качестве и степени такого возрождения прежде всего можно судить по беспрецедентному усилению в последнее время антирели-

гиозной пропаганды и прямому преследованию верующих. Чтобы не утомлять Вас перечислением фактов (они заняли бы здесь слишком много места), я предлагаю Вам ознакомиться с прекрасно аргументированной и оснащенной фактологическим материалом книгой члена-корреспондента Академии наук СССР, лауреата Ленинской премии Игоря Шафаревича, вышедшей недавно в Париже в издательстве „Имка-Пресс”. Мне трудно судить о других вероисповеданиях народов нашей страны, но что касается непосредственно христианства, то гонения на него медленно, но верно приближаются к печальной памяти уровню двадцатых годов. Последняя часть вопроса для меня, как для православного христианина, может иметь определенно однозначный ответ: другого пути нет!

6. Разрешается или преследуется религия властями? Где проходит линия раздела между религией узаконенной и религией, которая может повлечь за собой преследование?

— Отправление религиозных обрядов и религиозной пропаганды по существующему закону допускается лишь в пределах церковной ограды, в храмах, зарегистрированных комитетами по делам культов, но в то же время имена людей, совершающих различные требы (крестины, венчание, отпевание) в обязательном порядке регистрируются, со всеми вытекающими отсюда общественными последствиями. Что же касается так называемой „катакомбной церкви”, не признающей власти Московской Патриархии и отправляющей свои службы в условиях подполья, то о ее жертвах и мучениках с достаточ-

ной полнотой и определенностью рассказано в изданных на Западе книгах Андрея Синявского, Анатолия Марченко, Эдуарда Кузнецова, Анатолия Краснова-Левитина. Поэтому молчаливая позиция, занятая по отношению ко всему этому Всемирным Советом Церквей в лучшем случае необъяснима, в худшем — преступна.

7. Ваше личное отношение к Богу?

— В своей повседневной жизни я исповедую бессмертный завет святого Сирина: „Не взывай к справедливости Господа. Если бы Он был справедлив, ты был бы уже наказан”. И Паскаль: „Спасибо тебе, Боже, даже за болезнь, которую Ты мне ниспослал!”
Аминь.

Москва, 19 сентября 1973 г.

ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ МУЗАФАРОВУ

Письмо татарскому другу

Ваше письмо от 22.10.73, адресованное деятелям науки, искусства и литературы, произвело на меня огромное впечатление. Пожалуй, впервые я представил себе подлинные размеры трагедии крымско-татарского народа. Именно поэтому я не могу рассматривать Вашу судьбу в отрыве от судьбы всей национальности в целом, ибо гонения, которым Вы подвергаетесь, являются следствием ее общей дискриминации. Надеюсь, что Вы согласитесь со мной, что было бы непростительным донкихотством распылаться сейчас на бессмысленную перепалку с бюрократической шушерой из различных кадровых отделов вместо того, чтобы сосредоточить внимание общественности вокруг принципиального и окончательного самоопределения Вашего народа.

В связи с этим, мне хотелось бы сказать несколько слов о позиции, занятой по этому вопросу частью западной интеллигенции, в особенности так называемой „левой”. Диву даешься, как мгновенно и болезненно реагирует она на любое нарушение прав человека в Мозамбике, Южно-Американском Союзе, Чили, Северной Родезии, но как глухо и двусмысленно звучат ее голоса, когда речь заходит о беззакониях восточнее Эльбы или южнее Амура. Слушая порою широковещательные заявления некоторых деятелей, нормальному человеку бывает трудно понять, почему военная диктатура в Ираке — это хорошо, а военная диктатура в Греции — это плохо, почему расистский режим Яна Смита — это гадко,

а расистский режим генерала Амина в Уганде, с его откровенными прогитлеровскими симпатиями, — это справедливо, почему, наконец, апартеид коренного населения, проводимый Форстером, — это преступление, а многолетняя депортация крымских татар — лишь досадная издержка прогресса, о которой не принято говорить вслух. Нелегко даже определить, чего здесь больше — глупости или злонамеренного лукавства.

На различного рода „конференциях” и „конгрессах”, хорошо оплаченные „гуманисты” всех цветов кожи мечут бутафорские громы и молнии по адресу империализма и неокOLONиализма, льют ни к чему не обязывающие слезы над жертвами вьетнамской войны, громогласно сочувствуют борцам за свободу Ольстера, благо это приносит в наше смутное время политические и материальные дивиденды, но не считают нужным даже помянуть о судьбе полумиллионного народа, который хочет лишь одного — жить и трудиться на земле своих отцов.

Безусловно принимая справедливый пафос Вашего письма, мне хотелось бы только, чтобы ядовитый национализм не подменил в Вашем народе его *национального самосознания*, чтобы историческая перспектива и духовное здоровье сопутствовали ему в борьбе за возвращение на родину и самоопределение. В трудную для себя пору испытаний, крымские татары должны знать, что лучшая часть русского народа с ними, целиком и полностью разделяя все их сокровенные чаянья и надежды.

С искренним уважением

Москва, 3 ноября 1973 г.

В. Максимов

К БРАТЬЯМ МЕДВЕДЕВЫМ

Проследивая вашу общественную судьбу, можно только диву даваться, как это вы ухитрялись с такой последовательностью заниматься только собой. Даже когда один из вас покинул страну, все ваши усилия как извне, так и внутри работали синхронно в том же направлении. Один из вас, спекулируя именем великого писателя, наживал себе состояние за рубежом, тогда как другой, занимаясь историческими изысканиями по принципу „применительно к подлости“, стяжал свой политический капитал среди интеллигентов средней руки, причем известного пошиба. Все это можно было бы оставить на вашей совести, в наше смутное время для такого рода людей открылись самые вольготные возможности. Но, видимо, ваш весьма сомнительный успех вскружил вам голову и вы в последнее время перешли всякую грань дозволенного. Вы не постыдились поднять руку на беззаветно мужественных людей нашего времени, нравственную гордость России — академика Сахарова и Александра Солженицына. Причем, именно в те дни, когда опасность для их жизни стала повседневной реальностью. Опомнитесь, господа, не слишком ли! И еще: на кого вы работаете!

Публицистическая работа Александра Солженицына „Мир и насилие” — один из самых замечательных документов эпохи, и только расчетливым политическим лукавством можно объяснить ее непонимание вами.

Что же касается обращения Андрея Дмитриевича Сахарова к конгрессу США, то оно, это обращение, уже помогло множеству людей обрести родину и воссоединиться со своими близкими. Сколько страдалцев, прошедших через все мытарства бесплодного ожидания, благословляют сейчас его имя. Чтобы судить Сахарова, нужно иметь, как минимум, моральное на это право. У вас же его нет и, кстати сказать, никогда не было, сколько бы вы ни старались изображать из себя таких современных мучеников и борцов за правду. Слишком уж комфортабельно ваше „мученичество” и слишком уж бутафорна сама „борьба”. В заключение хотелось бы также напомнить вам о чувстве благодарности, свойственном всякому в действительности интеллигентному человеку. Когда один из вас попал в психиатрическую больницу, именно эти два замечательных человека современности, взгляды которых вы оба сейчас стараетесь, хотя и с экивоками, опорочить, сыграли главную роль в его освобождении. Побойтесь Бога, уважаемые!

Так кто же вы, наконец, братья Медведевы?

Вот, пожалуй, и все.

В. Максимов

Москва, 12 декабря 1973 г.

ИНТЕРВЬЮ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ

Ваше знакомство с Солженицыным?

Во избежание недоразумений должен заранее оговориться, что с Александром Солженицыным меня связывает скорее гражданская позиция и мировоззрение, нежели сколько-нибудь постоянные личные контакты. Слишком уж много людей по обе стороны границы, с активностью, достойной лучшего применения, рекламируют сейчас свою тесную дружбу с ним. Мне не хотелось бы впадать в этот дурной тон.

Что Вы можете сказать об „Архипелаге ГУЛаг“?

Мое положение затруднено тем, что я знаю „Архипелаг ГУЛаг“ лишь по фрагментам и популярным комментариям к ним. Поэтому я не могу судить о художественных достоинствах этой книги, хотя высокий талант автора не оставляет сомнений в ее качествах, но даже частное знакомство с нею дает мне основание говорить о ее, во всех отношениях, принципиальном для нас значении. Начиная с двадцатых годов за рубежом, да и в нашей стране, вышли целые монбланы литературы, посвященные той же теме, но количество ее оказалось до удивления непропорциональным ее поистине мизерному влиянию на умы и текущий исторический процесс. Слишком велики для многих были магия и соблазн беспримерного социального эксперимента, чтобы

человечество могло услышать эти маломощные голоса и поверить в их предостерегающие свидетельства, считая террор хоть и досадной, но неизбежной издержкой прогресса. Впервые за всю нашу историю обо всем этом заговорил человек, наделенный не только горчайшим личным опытом и первоклассным талантом, но также непреклонным моральным авторитетом в современном мире. И мир, по-моему, тоже впервые за всю нашу историю, наконец-то, единодушно отозвался на взыскующий зов правды. И это тоже трудно переоценить.

Как Вы относитесь к кампании против Солженицына?

Я вообще не понимаю, как можно обвинять автора „Архипелага ГУЛаг” в клевете и дезинформации, если в книге изложены лишь художественно осмысленные факты истории, которые, кстати сказать, официально признаны и осуждены решениями XX съезда партии. Я уже не говорю о многочисленной документалистике жертв и свидетелей этих трагических событий, опубликованной, как у нас в стране, так и за рубежом.

Мне кажется, что ярость сегодняшних оппонентов Солженицына вызвана не столько фактографическим содержанием его книги, сколько его бескомпромиссной позицией по отношению к непосредственным виновникам допущенного произвола. На воре, что называется, шапка горит.

Но, как справедливо писала одна германская газета, называя „Архипелаг” „кодексом ужасов”, книга эта, если ее правильно прочесть, может сделать и „кодексом нравственного возрождения”

для великого множества наших современников. Осознание чувства вины — одно из самых благотворных человеческих качеств. История немецкого народа в последний период — прекрасное тому свидетельство. Тем более, что Солженицын, как мне известно, и не призывает к „сведению счетов” или судебным преследованиям, — а только к покаянию. И это, на наш взгляд, полностью соответствует его христианскому мировоззрению и гражданской позиции.

Ваше мнение о последствиях публикации его новой книги?

Разумеется, самые темные силы, выжидавшие момента для выступления, были рады воспользоваться выходом в свет новой книги Солженицына, чтобы развязать кампанию идеологической истерии и охоты за ведьмами с целью занять более устойчивые, а может быть даже и решающие, политические позиции. Пропагандистская травля против него подозрительно совпала с рядом инспирированных идеологических сборищ, на которых всерьез обсуждаются, причем с критическим уклоном, правительственные меры, как отмена глушения иностранных радиостанций, культурный обмен и даже торговые договоры. То есть, явочным порядком, открыта полная свобода для любой критики справа. Уже в самые последние дни из Союза писателей исключена одна из самых замечательных представительниц современной русской литературы — Лидия Чуковская. Готовится исключение и расправа над прекрасным прозаиком Владимиром Войновичем. Окончательно затравлен Александр Галич. Началась кампания против Льва Копелева.

Но любителям идеологических погромов не следует забывать, чем кончались подобные игры с огнем для их, присной памяти, предшественников на этом неблагодарном поприще. Все они, подчеркиваю, все прошли затем *все* девять кругов ада следом за своими жертвами. Тому же господину Жукову, так спешащему сейчас заявить себя правовернее папы римского, не вредно освежить в памяти судьбу своего коллеги по должности и чрезмерному политическому рвению — Михаила Кольцова. Патроны в обойме у исполнителя приговора имеют одинаковый вес, нары в лагерных бараках одной длины, и нормы на лесоповале для всех равны. Пробный камень, брошенный снизу любым политическим авантюристом, неминуемо завершится всеобщим обвалом, который похоронит под собою и его, а заодно и государство в целом.

Сейчас, в эти дни, книгой Солженицына проверяется духовное и политическое здоровье нашего общества, его государственная и правовая жизнеспособность, его действительные цели и намерения.

Влияние выхода книги Солженицына на авторское право в Вашей стране?

Трудно также и переоценить значение этой публикации для судьбы авторского права в нашей стране. Исход единоборства Солженицына со вновь созданным у нас агентством по охране этих прав будет иметь решающее влияние на всю последующую практику в этой области. Можно себе представить, какие цели преследует новая организация, если деятельность ее руководителя Бориса Панкина начинается с недвусмысленных угроз по адресу тех самых

авторов, права которых он, будто бы, призван защищать. Агентство открыто присваивает себе функции, явно противоречащие его наименованию, полностью подменяя собой prerogatives соответствующего отдела Комитета государственной безопасности. Повторяю, публикация „Архипелага” окончательно прояснит ситуацию и в этом вопросе.

Москва, 15 января 1974 г.

ЕЩЕ РАЗ О СВОБОДЕ ВЫБОРА

Выступление в Берлине, 1974 г.

Прежде всего мне хотелось бы поблагодарить вас за ту высокую честь, какую вы оказали мне, пригласив меня выступить здесь, в этом зале, в городе, где сегодня пересеклись судьбоносные пути современности, в городе, который по праву можно назвать сейчас форпостом свободы среди удручающей тьмы тоталитаризма, в городе, с чьим именем связаны теперь надежды и чаянья миллионов людей свободного мира.

Здесь, в этом городе не надо быть большим политиком или провидцем, чтобы определить, кто есть кто и воочию убедиться, откуда исходит угроза всеобщему миру и безопасности. Взгляните в окно и вы увидите: с одной стороны, спокойные, полные трудового достоинства кварталы, где человек в военной форме лишь редкое исключение, с другой — кирпичная стена, колючая проволока, минные поля, сторожевые вышки и солдаты, солдаты, солдаты. Те самые солдаты, от руки которых уже погибли сотни и сотни ваших соотечественников не пожелавших смириться с тоталитаризмом.

Казалось бы, какие еще доказательства нужны современным западным псевдомиротворцам, чтобы протрезветь и одуматься? Требуются ли еще доводы, чтобы убедить их в тщетности их благих намерений? Не достаточно ли им этого визуального опыта,

чтобы избавиться, наконец, от своих дипломатических иллюзий и политических заблуждений? Мне кажется, вполне достаточно, тем более, что тому имеется множество других свидетельств — от чехословацкой трагедии до потрясающих своей достоверностью книг Александра Солженицына включительно.

Поэтому, мы — современные русские интеллигенты, исходя из кровавого опыта своей многострадальной родины, больше не верим в эти „иллюзии” и „заблуждения”. Мы считаем себя вправе говорить здесь о пособничестве тоталитарной агрессии. На этом мы стоим и будем стоять. Во всяком случае, многие из нас.

Именно поэтому, по нашему адресу, в особенности из левого лагеря, раздаются упреки, что мы, де, выступаем против прогресса и что нас поддерживает, так называемая, реакция.

От своего имени и от имени своих единомышленников на родине считаю необходимым раз и навсегда внести ясность в наше понимание „прогресса” и „реакции”.

Если прогресс — это власть никем не избранного правительства над поработанным народом, то мы против такого „прогресса”.

Если прогресс — это колючая проволока на границах и внутри страны, то мы отвергаем этот „прогресс”.

Если прогресс — это право обстреливать из минометов мирные города Вьетнама и Камбоджи и закапывать живьем оппозицию в Гуэ, то мы не можем смотреть на такой „прогресс” без отвращения и гнева.

Если прогресс — это коллаборантство с диктаторскими и подвластными им режимами, то мы

будем постоянно и повседневно разоблачать лживую сущность такого „прогресса”.

Если, наконец, прогресс — это свобода безнаказанно помогать тоталитарным мафиям Азии силой чужого оружия поработать свои народы, смертельно боясь при этом вручить большому писателю России Нобелевскую премию в собственном экстерриториальном помещении, то этот лакейский прогресс вызывает у нас — современных русских интеллигентов — презрение.

То же самое и с понятием „реакция”.

Если под реакцией подразумеваются антитоталитаристские силы всего мира, то мы считаем их поддержку большой для себя честью, ибо мы отвергаем тоталитаризм, какую бы окраску он ни носил: коричневую или красную.

В связи с этим мне хотелось бы напомнить людям, упрекающим меня и моих друзей в смертном грехе оппортунизма, горестное восклицание их старшего единомышленника Августа Бебеля: „Август, Август, что-то ты сделал не так, тебя хвалят враги!” Напомнить и в свою очередь спросить у них:

— За что вас хвалят правящие круги государств, где социал-демократия или изгнана, или поголовно *физически* истреблена, а социал-демократическая деятельность преследуется, как *уголовное* преступление?

— За что, за какие заслуги вам аплодируют в странах, где левое движение приравнивается к сумасшествию или гражданской проказе?

— За что, из каких соображений вас сердечно благодарят за помощь политические самозванцы всех континентов, объявляющие себя то „народными”, то „временными”, то „революционными”

правительствами и уже потопившими в крови всякую оппозицию на пиратски захваченных ими территориях?

— За что, во имя чего вас громогласно приветствуют в закрытых обществах, где понятие „интеллектуал” является синонимом гражданской неполноценности и где их развозят по улицам в шутовских колпаках на потеху черни, а затем публично расстреливают на стадионах?

Если наши оппоненты прямо и непредубежденно ответят себе на все эти вопросы, то, я уверен, убедятся, что в безответственных играх с дьяволом их завело так далеко, что о возврате им остается только мечтать.

К сожалению, в отличие от недавних форм современный тоталитаризм опасен своим лицемерием. Он нагло рядится в гуманистические одежды, он широкощепательно оперирует понятиями „свободы”, „равенства”, „братства”. Собственные органические пороки и преступления он беззастенчиво приписывает противникам, обвиняя классическую демократию в фашизме, представительное правосудие в терроре, объективную печать в продажности. Но при сколько-нибудь внимательном рассмотрении любой непредубежденный человек сразу же разглядит под розово-красным глянцем поверхности махрово-черную сущность его содержания.

Но еще прискорбнее в наше смутное время, в трудную годину испытания души и сердца человеческих, циничное отступничество целого сонма христианских пастырей. Лукаво подменив евангельские заветы бесовскими соблазнами легкого хлеба, доступной властью над ближними и отказом от сво-

бодного выбора, иные служители, а то и высокие иерархи западных церквей, в угоду низменным инстинктам слабой паствы пускаются в уличную демагогию, разнузданные политические спекуляции, социальный экстремизм.

Почти шестьдесят лет назад русский народ, не устояв перед этими соблазнами, погубил в гражданской междоусобице миллионы лучших своих соотечественников, а в результате хлеба у него стало еще меньше, власти никакой, а о духовной свободе ему теперь даже страшно подумать. То же самое случилось и с теми, кто впоследствии, своей или чужой волей пошел по этому пути.

Подобное состояние современного общества явилось следствием разрыва его природы с религиозной сущностью своего происхождения. Еще столетие назад, в „Легенде о Великом инквизиторе” гениальный Достоевский предупреждал, что грядет время, когда „человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть нет и греха, а есть лишь только голодные. „Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!” — вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против Тебя и которым разрушится храм Твой”.

Выломившийся из своей естественной религиозной гармонии и предоставленный собственной слабости человек на наших глазах начинает тяготиться Божественным даром Свободы и инстинктивно тянется к материальной силе в поисках покровительства и защиты. Ему одиноко и страшно наедине с собой, он ищет общественного слияния с себе подобными, чтобы в этом иллюзорном монолите хоть как-то самоутвердиться и почувствовать себя в безопасности. Так зарождается психология всеоб-

шего рабства, радиоактивно проникающая во все поры общественного организма. Рабство становится модой. У рабства появляются свои мыслители и пророки, апологеты и проводники, герои и мученики. Рабством любят, с рабством заигрывают, перед рабством преклоняются интеллектуальные мазохисты всех цветов и оттенков. Мало того, рабство получает, наконец, идейное оформление и, уже не стыдясь своего скотоподобного облика, кичливо провозглашает: „Лучше быть красным, чем мертвым”. До какого же жуткого животного падения должен дойти человек, чтобы заявить о своем рабстве с такой гордостью. Рабы древности хотя бы тяготились своего позора.

Думается, настало время, когда каждый христианин обязан сделать выбор между греховной „теплотой” обреченности и „жаром” активного действия. Недаром сказано: „Царствие Небесное силою берется”. Долг современного христианина защитить сложившийся Всевышней волей правопорядок от рабской тьмы и духовного распада. Наши молчание и пассивность только потворствуют злу. Рабство отступит, если мы противопоставим ему не только силу нашего духа, но и мощь нашего действия.

Если же роковая черта перейдена, если нам уже нет возврата к Божественному источнику Свободы, то я беру на себя великий грех сказать, что Бог оставил эту скорбную землю и человек больше не достоин жить!

Но к великому нашему счастью и во славу Господа свободный человек не умер. На всех континентах планеты свободный человек властно заявляет. грядущему рабству свое непреклонное: нет! Актом свободной воли он рабству предпочитает смерть.

Умирая в концетрационных лагерях Потьмы и Хуанхэ, у Берлинской стены и в водах Гонконга, в застенках Гаити и Праги он передает нам всем, как сокровенный завет, как благую весть, как молитву драгоценный дар Свободы, завещанный нам Создателем. И пока жив хоть один из таких людей, можно со спокойной совестью утверждать: мы достойны Твоего великого дара, Господи, и мы сбережем этот дар для потомков! Мы выбрали!

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ К РОМАНУ „КАРАНТИН”

О чем эта книга? Разумеется, ее сюжетный ход более или менее ясен, но идейная подоплека событий требует известных разъяснений. Духовная концепция романа целиком вытекает из пророческой гипотезы славянофилов об особой, провиденциальной роли России в мировой истории.

Поставленная волею судеб между Европой и Азией, Русская Земля вобрала в себя, как все лучшее, так и все худшее от обеих этих цивилизаций. Восприимчивый и эмоциональный, как, впрочем, и всякая молодая нация, русский народ на протяжении своей истории с двух сторон подвергался множеству религиозных и социальных соблазнов, последствия которых сказываются на его судьбе до сих пор. Идеалист по природе, русский человек в стремлении к общественному совершенству и справедливости жаждет мгновенного, немедленного и окончательного разрешения самых коренных проблем человеческого бытия. Отсюда — его постоянные кровавые междоусобицы вначале, крайняя религиозная нетерпимость впоследствии, воинствующий атеизм и анархия в конце.

Но, по мнению русских славянофилов, в том-то и состояло великое назначение России, чтобы, испытав на себе все крайности азиатской тирании и духовно опустошающие последствия западного рационализма, своим опытом предостеречь другие народы от повторения столь роковых путей.

К сожалению, эти ожидания не оправдали себя. Мир ничего не забыл, но ничему так и не научился. Социальная „бесовщина” снова захлестывает человечество. С каждым днем людская жизнь становится все дешевле, а духовная нищета все беспросветнее. Во имя материального дележа поднимаются народы и государства. Человек восстает на самого себя, на свою сущность, на свой Божественный лик. История, кажется, стремительно двинулась к своему эсхатологическому концу.

Но, как говорится, нет худа без добра. В страстных борениях с веком и с самим собой, в современной России, словно птица-Феникс из пепла, заново рождается Свободный и Верующий человек. С молитвой на устах он сбрасывает с себя тяжкий и кровавый груз темных сомнений и ошибок, чтобы вновь ступить на путь духовной гармонии и служения Богу.

Герой романа — Борис Храмов — и олицетворяет этого человека. Пройдя вместе с персонифицированным двойником русской истории — Иваном Ивановичем Ивановым — весь путь ее взлетов и падений, он к концу книги как бы очищается от скверны прошлых заблуждений и делает первый шаг к Возрождению и Свету.

И на него — этого Нового Человека — наши сегодняшние Надежды и Упования.

Вот что мне хотелось бы предпослать теперь в качестве идейного путеводителя к роману.

Париж, 19 декабря 1974 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПЕРЕД ГРУППОЙ СЕНАТОРОВ И КОНГРЕССМЕНОВ В ВАШИНГТОНЕ

После многих лет отчаянного единоборства с бездуховностью и насилием у себя на родине, мы, оказавшись за рубежом, лицом к лицу столкнулись с не менее сложной и к тому же весьма противоречивой действительностью, характерные черты которой — размытость нравственных, политических и социальных критериев, прагматический цинизм, интеллектуальная шигалевщина — заставили нас задуматься о средствах духовного самосохранения и борьбы за те идеалы, которые мы отстаивали дома.

В таких обстоятельствах естественно возникла мысль о создании принципиальной платформы для объединения всей существующей, как на Востоке, так и на Западе, интеллектуальной силы истинной демократии и антитоталитаризма. Так родился журнал „Континент”, объединивший вокруг себя все компоненты этой силы в современном мире: лучших представителей духовной жизни внутри тоталитарных стран (Сахаров, Джилас), гуманистов, живущих и работающих за рубежом (Некрасов, Синявский), выдающихся деятелей старой и новой эмиграции (Шмеман, Шаховская, Галич), изгнанников из Восточной Европы (Пахман, Чапский, Герлинг-Грудзинский, Гедройц), а также интеллектуалов Запада (Беллоу, Силоне, Кестлер, Конквест, Ионеско, Арон).

Журнал еще только начал жить, но у него уже появились, как непримиримые противники, так и искренние друзья, а это — лучшее доказательство его потенциальной жизнеспособности.

Чего же мы хотим и каковы наши цели?

Мы не можем позволить себе роскоши так называемой „лояльной оппозиции”. Ибо это означает принципиальное признание абсолютно аморальной, противоестественной и никем не избранной системы и предполагает тактические разногласия с ее повседневной практикой. Опыт показывает, что такого рода „лояльная оппозиция” (а их в истории общественных движений было великое множество) в конце концов становится оппозицией хорошо управляемой и надежно контролируемой.

Но мы не можем позволить себе и роскоши политического экстремизма. Ибо опять-таки горчайший исторический опыт показывает, к каким необратимо трагическим последствиям приводит такой экстремизм народы и государства. В условиях же тоталитаризма катаклические изменения общества могут оказаться еще более кровавыми и даже эсхатологическими.

Поэтому в своей программе мы подчеркиваем прежде всего бескомпромиссное *духовное* сопротивление воинствующему насилию, в какие бы идеологические одежды оно ни рядилось и откуда, с какой стороны — черной, красной или коричневой — ни исходило. Может быть, в атмосфере скепсиса и прагматизма, разъедающего современный мир, подобная позиция покажется смешным пережитком моральной романтики давно минувших эпох, но другого пути у нас нет. И мы пойдем по этому пути до конца.

Разумеется, мы не строим себе иллюзий. С первых же шагов ощущая буквально тотальное противодействие окружающей нас общественной среды, мы отдаем себе отчет в том, что наша борьба будет проходить в условиях жесточайшей интеллектуальной диктатуры и может закончиться весьма и весьма драматически. Судьбы предшествовавших нашему аналогичных изданий — красноречивое тому свидетельство. Но мы стоим сейчас у стены Тьмы и отступить нам некуда. Отступить — означает для нас предать тех, кто уже погиб, тех, кто погибает сегодня, и еще более тех, кому придется погибнуть завтра. Смею вас заверить, что даже если мы не выстоим, совесть наша будет перед ними чиста.

А это для нас главное!

28 марта 1975 г.

КРУШЕНИЕ ЭПОХИ МИФОВ

Недавно мне пришлось быть участником литературного симпозиума „Биеннале” в Венеции, на котором обсуждалось творчество, так называемых, диссидентских писателей. Симпозиум открыл итальянский новеллист Альберто Моравиа – автор достаточно известный далеко за пределами своей страны и, в частности, в Советском Союзе.

В течение примерно пятнадцати минут выступления маститый мэтр коснулся самого широкого круга тем и вопросов: от советских изданий Кафки и Джойса до особенностей классовых культур. За эти считанные минуты он ухитрился определить свое отношение к революции вообще и к ее благотворному влиянию на историю, в частности, развенчал буржуазию и ее мнимые достижения, поведал слушателям о своей последней поездке в Москву, прошелся по еврокоммунизму и так далее, и тому подобное. В приливе благодарности к знаменитому писателю, который не побоялся появиться на столь одиозном с точки зрения среднего западного интеллектуала собрании, никто не заметил, что гость ни словом не обмолвился по поводу основной темы дня, то есть самой диссидентской литературы.

Я привожу этот частный, но весьма характерный пример в качестве иллюстрации к тому способу терминологических коммуникаций, который с некоторых пор прочно укоренился на Западе в средствах

массовой информации, в научных дискуссиях и политической полемике. „Правые”, „левые”, „империализм”, „неоколониализм”, „эксплуатация”, „демократия”, „диктатура”, „реакция”, „прогресс” — вот, примерно, тот нехитрый набор клишированных отмычек, с помощью которых интеллектуальные бизнесмены взламывают хрупкие тайники современной психологии.

Этот птичий язык тотемных знаков, ритуальных символов, клановых паролей подменяет здесь сегодня всякий сколько-нибудь серьезный человеческий разговор, диалог, дискуссию, обеспечивая душевный комфорт огромному числу обывателей, не желающих самостоятельно мыслить и за что-либо нести ответственность.

Эта языковая тарабарщина освобождает желающих от всех духовных и гражданских обязательств, предлагая взамен этого мир удобных стереотипов, где человек может объяснить себе все, что угодно, не затрудняя свою совесть или мыслительный аппарат жизненными решениями конкретного свойства.

Таким образом, в обществе постепенно возникает система обязательных и грозных табу, нарушение которых влечет за собой различные формы гражданского и политического ostracism. В атмосфере возникающего затем психологического террора, во всех областях общественной жизни начинают прорастать горькие семена будущего Аушвица и ГУЛага. Восточноевропейская история второй половины девятнадцатого и начала двадцатого веков самое красочное тому свидетельство.

Наверное поэтому, именно оттуда, с Востока, прозвучало в наши дни слово, возвестившее миру приближение эпохи духовного и общественного

возрождения. Восток и, в частности, Россия, пройдя сквозь все девять адских кругов тоталитарного соблазна, усилиями лучших своих сыновей взрывают твердыни идеологических мифов, развенчивают вчерашних идолов, сметают с лица земли остатки политических алтарей, возвращая словам, понятиям, фактам их подлинный смысл и значение.

„Мы не из левого лагеря, мы не из правого лагеря, мы — из концлагеря” — говорит Владимир Буковский. И о лапидарную обнаженность этой позиции разбиваются самые ухищренные построения интеллектуального истеблишмента на Западе.

Нас часто упрекают в том, что мы, де, не стараемся понять злободневных проблем Запада: несправедливости распределения материальных благ, инфляции, безработицы, неокOLONиализма. Смею заверить, что все мы очень близко принимаем к сердцу каждую из этих проблем. Но я позволю себе одно житейское сравнение. Проблемы Запада — это проблемы человека, страдающего от морской качки. Есть такие проблемы? Несомненно есть, причем, очень тяжелые, и они требуют своего разрешения. Но наши проблемы — это проблемы утопающих в открытом море, без всякой надежды на спасение. Судите сами, какие из этих проблем тяжелее и неотложнее, тем более, что если события будут развиваться в том же, как и сейчас, направлении, наши сегодняшние проблемы станут вашими завтрашними проблемами. И тогда уже действительно никто и никому не сможет помочь.

Трудно назвать теперь область человеческой деятельности, в которой так или иначе не отражался бы этот, начатый на Востоке мучительный процесс переоценки еще вчера незыблемых ценностей, вос-

становления исторической памяти, поворота к подлинно гуманистическим идеалам: Правде, Милосердию и Справедливости.

Процесс этот прежде всего свидетельствует о всеобщем предчувствии близких и, я уверен, коренных перемен в современном мире вообще. Мы стоим на пороге полного преобразования политического, духовного и даже географического облика земли. И только от нашего мужества, от степени нашей солидарности, от нашей личной ответственности, наконец, зависит в каком направлении — позитивном или негативном — будут разворачиваться предстоящие события.

Разумеется, крайне трудно, если вообще мыслимо, предсказать развитие этих событий, но ясно одно, — и это можно утверждать с абсолютной уверенностью, — что мы переживаем сейчас период крушения идеологических мифов, что возврата к их возрождению нет и что Новая Земля и Новое Небо уже впереди.

НЕМНОГО О ТЕРМИНОЛОГИИ

*(Из речи, произнесенной во Флорисхейме, ФРГ,
15 ноября 1975 года)*

В той идейной и политической терминологии, которая имеет хождение в современном мире и в прямопротивоположном толковании этой терминологии, с одной стороны, на Западе, а с другой — на Востоке, таится, на мой взгляд, ведущий, если не основной парадокс нашего века.

В самом деле, такие люди, как Александр Солженицын, Андрей Синявский, Наум Коржавин, Анатолий Радыгин, Анатолий Краснов-Левитин и целый ряд других, стоявшие в авангарде левого движения сегодняшней России и заплатившие за это сначала тюрьмой, а затем прямым или узаконенным изгнанием, оказавшись за рубежом, вдруг с удивлением узнали, что они — типичные выразители самых реакционных и консервативных тенденций. С еще большим удивлением узнали они, что архаическая и человеконенавистническая теория девятнадцатого века, над которой у них в стране смеются даже школьники, оказывается, (цитирую слова одного итальянского профессора-слависта марксистского толка) „конечным итогом интеллектуального развития”, что кровавая диктатура бюрократического меньшинства над их народом есть залог мирового прогресса и что представительная демократия, во имя которой им приходилось заживо гнить в лагерных бараках у себя на родине, грозит миру термоядерной войной и фашизмом.

Честно говоря, поначалу несколько теряешься от этой поставленной с ног на голову логики.

Но снова оговорюсь, что это лишь поначалу. Ибо нам — людям, которые десятки лет с кровью и смертельными потерями продирались сквозь массивованно тотальную пропаганду лжи и самообмана, было нетрудно разобраться в примитивном, при всей его словесной изощренности, механизме этой демагогии.

И сколько бы ни изощрялись прямые или невольные помощники наших сегодняшних палачей в терминологической эквилибристике, для нас — представителей новой России — черное останется черным, а белое белым. Никто и никогда не заставит нас считать убийц, насильников и тиранов революционерами только потому, что они величают себя освободителями рода человеческого. Никто и никогда не заставит нас признать моральное право на существование какой-либо бюрократической или военной олигархии только потому, что она камуфлируется социалистической фразеологией. Никто и никогда не заставит нас отступить перед насилием заклятых врагов представительной демократии, только потому, что они присваивают себе регалии социальных реформаторов. Для нас все они — реакционеры, мракобесы и фашисты, поставившие себе целью повернуть историю вспять, к политическому средневековью и духовному вырождению.

Яснее и ответственнее всех эту позицию выразил в своем выступлении в Вашингтоне Александр Солженицын. Многие американские газеты после этого ставили писателю в вину его неискренность в тонкостях международной политики, начисто игнорируя тот факт, что он говорил не о качестве этой

политики, а лишь о ее результатах. А результаты, как известно, не в пользу свободного мира. Что называется, перетончили, господа!

В последнее десятилетие на международной арене постепенно утверждается новый тип государственного деятеля Запада, которому, видно, не дают покоя лавры Квислинга и Тиссо, печально почивших апологетов протектората. Дело доходит до того, что некоторые из них — этих западных деятелей — не стесняются получить от создателей лагерного Архипелага, инициаторов геноцида целых народов, творцов тюрем и психиатрических больниц для инакомыслящих высшие партийные ордена. Если события будут развиваться в том же направлении, то нас не удивит, когда ряд таких деятелей вскоре пополнит собою список иностранных Героев Советского Союза.

Но это было бы еще полбеды. Хуже то, что теперь и в самых широких католических кругах всерьез обсуждается вопрос о коллаборации с дьяволом. С глубокомысленным видом высокие прелаты толкуют по поводу диалога между христианством и марксизмом. У этих малOVERов короткая память. Они забыли (а может быть, и не помнили никогда!), что почти две тысячи лет тому назад, в пустыне под Иерусалимом, такой диалог уже состоялся. Три предложения было сделано и три ответа было получено. Истинному христианину нечего добавить к исчерпывающим словам своего Спасителя.

В свете же современности португальские события показали, что марксизм, со своей стороны, всегда готов вести диалог с Церковью, но только одним-единственным способом: кляп в рот и пистолет в затылок.

Положение в мире (с вашего позволения, я снова цитирую Солженицына) не просто серьезное, положение катастрофическое. Насилие и ложь захлестывают человечество. Воинствующий тоталитаризм, обрядившийся в гуманистические одежды, уже положил алчные руки на горло цивилизации. Но зло не всесильно. Мы можем и должны противопоставить ему — этому злу — свет беспощадной правды. Всякая Тьма боится этого Света. Недаром адепты и апологеты тоталитарной тирании так злобствуют на тех, кто осмеливается свидетельствовать против ее злодейств и преступлений. Тяжесть этой злобы уже испытывают на себе здесь такие убежденные демократы и гуманисты, как Александр Солженицын и Людек Пахман, Александр Галич и Иосиф Слипый, Наум Коржавин и Ота Филип.

Только зря стараются господа экзистенциальные мазохисты и поклонники „третьего пути” из бывших гитлеровцев! Если мы выстояли там, пройдя сквозь тюрьмы и сумасшедшие дома, то здесь, будьте уверены, выстоим обязательно. Их доктрина, утверждающая себя с помощью насилия и клеветы, лишь свидетельствует перед всем миром о своем полном духовном бессилии. Наше единство, всех сил политического плюрализма и представительной демократии — гарантия ее неминуемого банкротства.

События самого последнего времени вновь наглядно показали, что коммунизм есть наиболее отвратительная и лицемерная форма фашизма в современном мире, и только осознав эту очевидную истину, мы можем взять верный тон и занять твердую позицию в судьбоносной борьбе нашего века — борьбе за Свободу и Демократию.

ОСТОРОЖНО – „ЕВТУШЕНКО”!

До последнего времени провокаторство, как явление, было свойственно в России лишь политическим движениям, но после пятьдесят шестого года, в эпоху так называемой либерализации, оно прочно обосновалось и в отечественной литературе.

Люди весьма скромных дарований, шумно эксплуатируя пробудившуюся общественную совесть, лихорадочно принялись наживать себе материальный и политический капитал убогими виршами на „животрепещущую” тему, в которых строго дозированная „смелость” сопровождалась охранительными уверениями в любви и преданности к партии, родине, Ленину.

Пробавляясь таким образом, мастера остреньких поэтических пассажей во всеуслышание плакали на свою судьбу, а втихомолку, с помощью тех же „гонителей” приобретали ордена, дачи, машины. И – странное дело – нашей пресловутой либеральной интеллигенции и в голову не приходило, каким это манером в стране, где один Нобелевский лауреат затравлен до смерти, а второй поставлен вне закона и выслан из страны, эти ловкачи-умельцы ухитряются не только жить припеваючи, беспрепятственно осуществляя заграничные вояжи, но и слыть при этом „борцами” и „мучениками”?

Причем не только у нас! Услужливые репортеры некоторых зарубежных газет, с оперативностью, достойной куда лучшего применения, оповещают благодарное человечество о всяком чихе подна-

торевших в расхожей демагогии мессий из Переделкино. Поистине ничего не забыли и ничему не научились!

Одну из наиболее характерных фигур этого доходного поприща являет собою Евтушенко. Если бы речь шла о нем лично, то чувство элементарной человеческой брезгливости остановило бы меня. Как говорится, много чести! Но, к несчастью, Евтушенко — типичный продукт целого явления в современной русской словесности.

Едва ли рыцарь простодушного доноса Фаддей Булгарин в XIX веке догадывался, что при известной гибкости мог бы, оставаясь агентом третьего отделения, выглядеть в представлении современников и потомков мучеником Сенатской площади.

Другое дело Евтушенко. Он, к примеру, пишет и печатает стихотворение „Бабий Яр”, а затем в качестве члена редколлегии журнала „Юность” поддерживает резолюцию об израильской „агрессии”. Он посылает в адрес правительства широковещательную телеграмму против оккупации Чехословакии, но вслед за этим делает приватное заявление в партбюро Московского отделения Союза писателей с осуждением своей первоначальной позиции.

Он громогласно защищает Солженицына и тут же бежит в верхи извиняться и каяться, и пишет урапатриотическую поэму о стройке коммунизма — Камском автомобильном заводе, — где прозрачно намекает на того же Солженицына: „Поэта вне народа нет!”

И, представьте себе, это не мешает ему оставаться в глазах наших, да и не только наших, „интеллектуалов” представителем культурной оппозиции.

Полноте, господа! Оппозиции у нас дают не ордена и дачи, а сроки и „волчьи билеты”. Оппозиция ездит не на личных лимузинах, а в „столыпинах”. Оппозицию здесь ссылают не в Переделкино, а, мягко говоря, немного дальше. Даже оппозиция молчаливая, пассивная преследуется морально и материально.

В самое последнее время из Союза писателей исключены такие замечательные представители нашей литературы, как Лидия Чуковская и Владимир Войнович. Окончательно затравлены и вынуждены выехать за рубеж Иосиф Бродский, Александр Галич, Виктор Некрасов, Наум Коржавин.

Задумайтесь, наконец, за что, за какие заслуги власть осыпает компанию евтушенок щедротами со своего плеча? Какого рода векселями оплачивают они свое комфортабельное мученичество?

Сколько номенклатурных сребреников получает каждый из них за всякое очередное предательство?

Почему жена великого ученого, выдающаяся общественная деятельница страны Елена Боннэр-Сахарова в течение года, при самой широкой поддержке мировой общественности, добивалась краткосрочной поездки за рубеж на лечение болезни, возникшей в результате фронтовых ранений, а этот поэтический фигляр разъезжает по всему миру, когда ему вздумается и как ему вздумается?

Меня не удивляет позиция иных международных полумарксистов, которые услужливо рукоплещут ему, усиленно помогая нашим соответствующим органам наводить либеральный лоск на свои судебные и внесудебные мистерии. Недоумение вызывает лишь поза благодушной снисходительности к литературному провокаторству, укоренившаяся в изве-

стной части как нашей, так и западной писательской среды. Это, на мой взгляд, или следствие прискорбной нравственной глухоты, или, что еще хуже, сознательное потворство, облегчающее собственную совесть.

Существование „применительно к подлости” не ново в русской общественной жизни. Сыскными метаморфозами нас не удивишь. Но только в наше время метаморфозы эти обходятся нам такой дорогой ценой. Думается, что мировая культурная общественность, определит, наконец, свою позицию по отношению к этому отвратительному явлению.

Было бы чрезвычайно полезно для всех нас, если бы всякий раз, когда эти бойкие вояжеры являются куда-либо с очередным служебным визитом, их повсеместно сопровождало предупреждение: осторожно — „Евтушенко”!

Париж, 20 ноября 1975 г.

ИСТОРИЯ И ЧЕЛОВЕК

Выступление на симпозиуме христианских историков в Риме

В своем пророческом романе „1984” великий Орвелл с удивительной наглядностью и тончайшим проникновением в смысл и суть тоталитарных доктрин обнажил средства и цели марксистской идеологии. Главная, если не основополагающая из этих целей — лишить человека исторической памяти, нравственных корней, вековых устоев и традиций, заставить забыть о его Божественном происхождении. Человек без исторической памяти становится податливым материалом для самых безумных социальных экспериментов. Человек-монстр, функциональная единица общественной машины, живущая сиюминутными потребностями и страстями, в стерилизованное сознание которой в любой день и час можно вложить любую жизненную программу или политическое клише — вот идеал всякой формы тоталитаризма вообще и его самой отвратительной и лживой разновидности — коммунизма, — в особенности.

Именно поэтому вот уже почти шестьдесят лет в странах, где побеждает тоталитарное насилие, горят на кострах книги и чуть ли не каждый год заново переписываются события только что минувшего прошлого. Именно поэтому над тысячами братских могил вокруг концлагерей и тюремных застенков вы не отыщете ни одного имени, а только

безликие номера. Именно поэтому сегодня, в джунглях Юго-Восточной Азии, при гробовом молчании гуманистов из западных университетов, людей без счета и звания выбрасывают умирать в болотах и закапывают живьем. Убийцы, величающие себя революционерами, оставляют человеку один выбор: забыть себя или умереть.

Совсем недавно один прогрессивный итальянский журналист, показывая мне на храм святого Петра, назвал это чудо людского гения „результатом жесточайшей эксплуатации человека человеком”. Этот полуинтеллигентный вандал, еще не придя к власти, уже готов нажать на рычаги бульдозера, чтобы снести славу Италии и воздвигнуть на ее месте многоквартирный курятник, который развалится в промежутке между двумя муниципальными выборами. Можно себе представить, на какие социальные художества способен этот смелый реформатор, как только он окажется у кормила правления!

Может быть, как это ни парадоксально, счастье истории, или, вернее, Промысел в том, что эта бесчеловечная доктрина впервые попыталась утвердиться именно в России. Ибо из всех народов — в этом мое твердое убеждение — русский народ менее всего способен органически усвоить какое-либо рациональное безбожное учение. Религиозная в самой своей глубинной сути, Россия за шестьдесят лет не только практически изжила в себе смертельно разрушительный соблазн коммунизма, но и героическими усилиями своих лучших сынов вновь соединила распавшуюся было связь времен, восстановила широчайшую панораму событий прошлого. „Архипелаг ГУЛаг” — не просто великое художественное произведение, но еще и возвра-

щение народу его национальной памяти. Марксисты всех оттенков постоянно твердят о праве на очередной эксперимент. Не вышло, де, в России, выйдет в Китае, не получилось в Китае, должно получиться на Кубе, на состоялось на Кубе, нужно попробовать в Португалии или Испании и т. д., и т. п. Но, провозгласив свою идеологию наукой, марксисты логически обязаны усвоить и непреложный закон всякой науки: если ваш эксперимент повлек за собой человеческие жертвы, вы теряете право на эксперимент. Залив свой путь слезами и кровью миллионов от Москвы до Гаваны, марксизм потерял право на дальнейший опыт. И этой научной аксиомы не может изменить безответственная болтовня духовных люмпенов вроде Маркузе.

В старинных русских летописях сохранилось поучительное событие. Один удельный князь решил построить у себя церковь, пригласив для этого лучших тогдашних зодчих. Они создали замечательное произведение искусства, и потрясенный феодал спросил у них, могут ли они построить храм еще лучше? Гости ответили, что могут. Не желая соперничества со стороны богатых и сильных соседей, князь приказал уничтожить этих людей. Преступление было совершено в соседнем лесу, но случайно картину убийства увидел деревенский мальчик, собиравший там ягоды, — преступление сделалось фактом историческим.

Воистину, нет ничего тайного, что не стало бы явным! Это событие — урок политическим лжецам и тиранам современности: бессмертный мальчик истории увидит и запомнит все. И каждому воздастся по делам его!

В любом из нас живет такой мальчик и долг любого из нас — оставить свое посильное свидетельство о происходящем. В этом — самый верный залог нашей исторической Надежды и победы Человека над Тьмой и Насилием тоталитаризма.

11 мая 1976 г.

СЛОВО О ДУХОВНОМ ОТЦЕ

Судьба свела меня с отцом Дмитрием Дудко, казалось бы, совершенно случайно, но эта случайность многое в моей жизни изменила и предопределила. И, я думаю, не только в моей жизни. Десятки русских интеллектуалов одного со мной поколения могут с уверенностью подтвердить решающую роль этого героического пастыря в их биографиях. Отец Дмитрий на протяжении многих лет был близким другом семьи Александра Солженицына. В доме великого гуманиста наших дней Андрея Сахарова его принимают как самого дорогого и близкого человека. Своим духовным отцом считают его Игорь Шафаревич и Владимир Осипов, Александр Галич и Лидия Чуковская, Евгений Барabanов и Михаил Агурский. И еще многие и многие.

Проповеди и беседы отца Дмитрия затрагивают самые глубинные проблемы человеческого существования: проблемы Любви, Совести, Сострадания, Самопожертвования.

Именно поэтому они вызывали и вызывают в современном русском обществе такой чуткий и широкий резонанс. Но именно поэтому же их успех и популярность приводят в неистовое раздражение существующую в современной России безбожную власть. Репрессии и гонения следуют одно за другим: лишают возможности служить в одном храме, переводят в другой, затем — в третий. На семью, друзей, паству различными, порою самыми ухищ-

ренными способами оказывают политическое, моральное, административное давление, с тем, чтобы создать вокруг него атмосферу изоляции и отчужденности.

Но недаром записано: слово да скажется! Слово отца Димитрия пало на благодатную почву. В трудные минуты жизни паства не оставила и не оставляет своего пастыря. Письма, петиции, личные ходатайства перед Патриархом и властями возымели свое действие: отец Димитрий Дудко продолжает свою, поистине подвижническую, деятельность.

Огромную роль также в его судьбе уже сыграла и еще может сыграть в дальнейшем поддержка со стороны мирового общественного мнения.

Богоугодное слово отца Димитрия Дудко должно и впредь звучать с амвона православной церкви сегодняшней России. Это зависит от каждого из нас. От нашей твердости, от нашего постоянства, от нашей последовательности. Ибо на века сказано: „Царствие Небесное силою берется”.

Париж, 5 марта 1977 г.

УРОК СВОБОДЫ

В ночь с 4-го на 5-е июля израильские воздушно-десантные части, преодолев почти четыре тысячи километров, высадились на столичном аэродроме Уганды и, после получасовой схватки, освободили около ста заложников — пассажиров самолета „Эр-Франс“, захваченного на пути из Тель-Авива в Париж пропалестинскими террористами.

Эта блестящая операция восхитила весь демократический мир. Главы ряда западных правительств, еще недавно безропотно выполнявших любые требования воздушных пиратов, направили в адрес израильского правительства поздравительные телеграммы. Западные газеты, и в их числе даже такие, как французская „Монд“ и западногерманская „Цайт“, не отличавшиеся до сих пор особой моральной разборчивостью, отозвались на событие весьма положительно. Мир вдруг вспомнил о казалося бы, уже давно осмеянных и забытых понятиях. Слова „Честь“, „Справедливость“, „Самопожертвование“ вновь замелькали в печатных столбцах. Как говорится, нет худа без добра!

Тщательное расследование всех обстоятельств этого дела показало, что захватившие самолет „беззаветные борцы за свободу палестинского народа и всего остального человечества от ига буржуазной демократии, империализма и эксплуатации человека человеком“ (в защиту которых, кстати сказать, выдающийся гуманист Генрих Белль не поленился

написать целый роман) были идейно и организационно связаны с кровавым диктатором Уганды, расистом Иди Амином, открыто провозгласившим себя принципиальным последователем Гитлера в современном мире. Воистину: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты!

Расследование показало также, что единственная из оставшихся в Уганде заложниц — семидесятилетняя Дора Блох (во время израильского рейда она находилась в городском госпитале) — была зверски умерщвлена на больничной койке в отместку за все случившееся. Это гнусное убийство красноречиво свидетельствует о том, каким образом герои „национально-освободительного” движения в Африке, вроде Иди Амина и ему подобных, будут решать проблему белых меньшинств на черном материке. И напрасно политические ханжи и лицемеры типа Киссинджера, Пальме и компании спешат нажить себе профессиональный капитал безответственной демагогией по поводу „прав большинства”, трусливо умалчивая при этом о насильственно выброшенном со своей земли „большинстве” немцев Поволжья или крымских татар. Если и в Африке случится худшее, кровь будущих жертв (как и уже пролитая кровь сотен тысяч ни в чем не повинных во Вьетнаме и Камбодже) в первую очередь падет на них, ибо, в отличие от протезируемых ими „освободителей”, они знают, что творят. Рано или поздно им придется ответить перед человечеством по всей строгости законов, принятых в свое время в Нюрнберге.

Рейд возмездия израильских десантников может служить для них поучительным напоминанием об этом!

Париж, 2 сентября 1977 г.

АНТИСЕМИТИЗМ И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

*Выступление перед делегатами съезда ЛИКА**

После недолгого перерыва на страницах советских и восточноевропейских газет вновь, как в худшие времена погромов и чисток, запестрела клишированная демагогия о „лакеях израильской пропаганды” и „платных агентах империализма и сионизма”. Эта антисемитская истерия мало чем отличается от предыдущих карательных шоу подобного рода. Как показала новейшая история, в странах так называемого победившего социализма в наиболее острые моменты экономических и внутривнутриполитических кризисов еврейское меньшинство неизменно становится для существующих властей удобным „козлом отпущения” за их собственные грехи, „мальчиком для битья”, благодарным объектом идеологической сублимации. Это аксиома любой формы тоталитарной диктатуры.

Показательные процессы тридцатых годов, где, как правило, преобладал еврейский элемент, и „дело врачей-отравителей” в Советском Союзе, когда только смерть „вождя всех времен и народов” спасла еврейское население от принудительной депортации на Восток, омерзительный спектакль суда над группой Рудольфа Сланского в Чехословакии,

* Лига борьбы с расизмом и антисемитизмом.

погромные кампании конца шестидесятых годов в Румынии и Польше — вот те немногие, но красноречивые доказательства перманентности этого угрожающего фактора в политике тоталитарного мира. В свое время Ленин, имевший слабость к сомнительным афоризмам, заметил, что „коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны”. Теперь же, перефразируя его, у нас в России мрачно шутят: „Коммунизм есть советская власть плюс антисемитизация всей страны”. Горький, но поучительный парадокс общества, заявившего себя цитаделью мирового интернационализма.

Но, к чести русской и восточноевропейской интеллигенции, разрушительный дух антисемитизма ни в коем случае не находил и, смею вас заверить, не найдет в ее среде сколько-нибудь заметного отклика, но постоянно встречал и будет встречать недвусмысленный и жесткий отпор.

Когда киевские черносотенцы пытались в судебном порядке линчевать Бейлиса, одному юдофобу Сикорскому противостояла целая плеяда лучших из лучших представителей тогдашней России: Блок, Горький, Короленко, в созвездии других, может быть, менее громких, но не менее замечательных русских людей. Когда гитлеровский геноцид захлестнул Польшу, рядом с гонимым народом оказались такие ее беззаветные герои, как Януш Корчак, разделивший в лагерном крематории трагическую участь доверенных ему судьбой еврейских детей. Когда советские власти разгоняли мирные митинги памяти погибших в Бабьем Яру, среди евреев-демонстрантов неизменно находился русский писатель Виктор Некрасов. Именно ему принадлежит фраза, ставшая принципиальным кредо

демократов России по отношению к этой проблеме: „Да, — сказал он, отвечая на обвинения партийного руководства, — здесь похоронены не только евреи, но только они похоронены за то, что они евреи”.

В процессе гражданского и духовного возрождения современной России и Восточной Европы, свидетелями которого мы теперь являемся, явственно вырисовывается и совершенно новый, не предусмотренный никакими футурологами или политологами феномен наших межнациональных отношений. Движение за выезд в Израиль, к примеру, самым тесным образом переплетается с демократическим и религиозным движениями в нашей стране. В частности, когда в Советском Союзе попираются права еврейского меньшинства, мир слышит самые разные русские голоса: ученого Андрея Сахарова, священника Димитрия Дудко, военного Петра Григоренко, писательницы Лидии Чуковской и многих, многих других. И наоборот. Активисты Сиона деятельно участвуют в совместных действиях с русскими и восточноевропейскими демократами. Недавно, например, в нашем журнале „Континент”, выходящем, в числе других и на французском языке, был опубликован волнующий „Диалог из-за колючей проволоки”, авторы которого — два сегодняшних заключенных: украинец Вячеслав Черновол и еврей Борис Пенсон явили самим фактом этой публикации поистине героический пример подлинного интернационализма. К сожалению, возможность подобного диалога в условиях современного концлагеря есть единственный результат Совещания в Хельсинки, но, убежден, что он, этот результат, достигнут не благодаря устроителям этого совеща-

ния, а вопреки им, достигнут силою духа и беззаветностью самопожертвования наших инакомыслящих и политзаключенных, евреев и неевреев. Такова горькая правда детанта!

И здесь, в изгнании, русская интеллигенция последовательно продолжает сложившуюся традицию. В большинстве международных акций наши демократы выступают совместно с мировой еврейской общественностью, будь то перед угрозой исключения Израиля из ЮНЕСКО, в действиях протеста против антисемитского терроризма или в кампаниях по освобождению таких политических заключенных, как Эдуард Кузнецов, Михаил Штерн, Сильва Залмансон, Анатолий Щаранский и целого ряда других. И никакие инсинуации сегодняшних русских шовинистов или, в свою очередь, различного рода русофобов не в состоянии поколебать этой нерасторжимой уже солидарности. Так было, так есть, так будет!

Та же Сильва Залмансон на знаменитом процессе „самолетчиков“ заключила свое последнее слово вещим национальным девизом: „В следующем году в Иерусалиме!“ И недаром сказано, что вера величиною с горчичное зерно сдвигает горы: мужественная женщина в конце концов, оказалась в древней столице предков. И заканчивая сегодня здесь свое выступление, я повторяю следом за ней, как призыв и надежду, как принцип и кредо, как заклинание и молитву:

— В следующем году в Москве!

Париж, 6 сентября 1977 г.

ИСТОРИЯ ПЕРЕД ВЫБОРОМ

Выступление на симпозиуме Вольфе в Риме

Еще вчера многим из нас казалось, что история достигла того рокового предела, за которым перед человечеством развернется черная пропасть всеобщего рабства и вырождения. Но в тот момент, когда иссякла последняя надежда на поворот и спасение, со стороны поработанного тоталитаризмом Востока до нас докатились грозные раскаты пробудившегося общественного и духовного сознания: из России Сахарова и Солженицына — к Комитету по защите рабочих в Польше; через „Хартию-77” в Чехословакии — к широкому гражданскому протесту в Венгрии, Румынии, Болгарии. Радиоактивный процесс борьбы за Права и Достоинство Человека сделался отныне всепроникающим и необратимым. Казалось бы, незыблемая твердыня современного тоталитаризма треснула по всем швам.

Мощная сила этого очистительного процесса вынудила современный тоталитаризм умерить свои геополитические аппетиты и вновь, после долгого перерыва, прибегнуть к гуманистической демагогии и парламентской тактике. И вот уже вчерашние апологеты классовой борьбы и однопартийной диктатуры объявляют себя единственными защитниками Прав Человека во всем мире и кариатидами представительной демократии. Для того, чтобы нейтрализовать, приручить, использовать в своих целях, а затем, по возможности, как говорится,

задушить в своих объятиях освободительное движение русских и восточноевропейских инакомыслящих, эти новоявленные правозащитники стремятся во что бы то ни стало монополизировать эту область общественной деятельности. Они открыто отказывают всем другим в возможности ставить и обсуждать проблему Прав Человека в России и Восточной Европе. Поэтому сейчас наша обязанность, обязанность всякого честного демократа, не выпустить правозащитную инициативу из своих рук, не позволить будущим палачам европейских „ГУЛагов” усыпить общественное мнение Запада лукавой тактикой вынужденного либерализма.

Пройдя сквозь трагический опыт тотальной лжи и кровавого насилия и потеряв на этом пути десятки миллионов жизней, народы поработенных стран Востока в самом ближайшем будущем спросят не только со своих непосредственных тиранов, но и с их западных коллаборантов. Именно они, эти народы, решают сейчас судьбу современной истории и существующей цивилизации. И смею вас заверить, что именно поэтому история и цивилизация отныне в надежных руках!

Все ужасы и преступления гитлеризма бледнеют перед почти шестидесятилетней практикой мирового „ГУЛага”, опутывающего сейчас своей удушающей сетью целые материки — от Потьмы до Пном-Пеня и от Адис-Абебы до Караибского побережья. Недаром сегодня в России бытует мрачный анекдот, в котором на вопрос учителя, кто такой Гитлер, школьник XXI века отвечает, что это мелкий тиран эпохи Сталина. Нельзя не согласиться с этим, ретроспективно оглянувшись на полувековой отрезок минувшей истории.

Мне кажется, что христианская цивилизация завершает в настоящее время некий круг или, если хотите, этап со времени того памятного для нас евангельского диалога в пустыне под Иерусалимом между силами Добра и Зла, когда Три Сובлазна были предложены Свободному Человеку и все три были отвергнуты нашим Спасителем. Познав собственным опытом разрушительность искушения Хлебом, Чудом и Властью, человечество постепенно вновь возрождается для Свободы и Милосердия.

Теперь уже можно смело сказать, что мы свидетели морального преображения. В стране, которая давно считалась белым пятном на духовной карте Земли и которую еще чуть ли не 60 лет назад списали с культурного счета истории, рождается новый человек, несущий миру обновление и надежду. Но парадокс этого феноменального явления состоит в том, что Новый Человек — в самом изначальном и высоком смысле этого слова — жаждет не катаклических перемен и очередного перераспределения материальных благ, а возвращения к традиционным демократическим формам общественного существования, против которых восстают сегодня все крикливые духи тоталитаризма.

Лучшие люди современной России мужественно борются, как Александр Солженицын, рискуют жизнью, как Андрей Сахаров, идут на смерть, как Юрий Галансков, во имя тех идеалов, на которые ополчились в наши дни социальные бесы всех наций и цветов кожи.

Откровенно говоря, многие так называемые прогрессивные интеллектуалы, общественные и политические деятели на Западе панически боятся всяких сколько-нибудь фундаментальных перемен в России

или Восточной Европе. Боятся не в силу каких-то сверхфилософских соображений, а по одной лишь весьма печальной и прозаической причине: поработанные страны, освободившись от тоталитарной тирании, откроют свои архивы и миру станет известно, когда, где, в какой валюте и кому из этих господ платили за их услужливую прогрессивность!

Чувствуя неизбежность своего поражения, современный тоталитаризм использует сейчас в борьбе против представительной демократии весь арсенал имеющихся в его распоряжении средств: от политического террора и неспровоцированной агрессии до дешевого опиума детанта и дымовой завесы „еврокоммунизма”. Но, к счастью для современной истории и к сожалению для коллаборантов тоталитаризма, Россия и Восточная Европа уже поднимаются с колен. И я беру на себя смелость позволить себе здесь, в этом зале, подытожить сказанное выше с предельной краткостью: марксисты всех стран, жгите архивы! Ваша эпоха кончилась и второй Нюрнберг у порога!

История уже выбрала!

Рим, 20 сентября 1977 г.

„РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА” ИЛИ СРЕДСТВО САМООБМАНА

*Выступление в Берлине на конференции
редакции „Континента”*

В наши дни, когда нравственная терминология полностью утратила свое реальное содержание, трудно, если вообще возможно, оперировать ею в разговоре о взаимоотношениях между Западом и Востоком. О свободе, о справедливости, о сострадании говорят нынче все: престарелые коллекционеры награбленных в русских музеях ценностей, их эластичные адвокаты, поэтические апологеты Орадура, идеологизированные убийцы, нефтяные шейхи и тоталитарные параноики так называемого Третьего мира. Теперь же, после гуманистических филиппик Амин Дады можно ожидать, что вскоре о Правах Человека заговорят даже крокодилы.

Тем более, моральный подход к этой проблеме несостоятелен в диалоге с деловыми людьми. В экономике существуют законы, в соприкосновении с которыми моральные критерии как бы теряют свою силу. В самом деле, как увязать рыночную конъюнктуру, угрозу инфляции, рост безработицы в собственных странах с заботой о страдающем ближнем в тоталитарном мире? Поэтому мне и хотелось бы сейчас подойти к вопросу не с нравственных, а с чисто прагматических позиций, т. е. рассмотреть его с точки зрения наших обычных оппонентов.

Если не считать чисто демагогических доводов этих оппонентов, вроде заботы о благосостоянии простого человека за „железным занавесом” (правда, возникает некоторое недоумение: разве наручники, в которых вывозили из СССР Владимира Буковского и на которых стояло клеймо „made in USA” служат этому „благосостоянию”?), мирном характере поставляемой продукции (опять напрашивается вопрос: разве аппаратура подслушивания, с помощью которой, к примеру, устанавливаются пути миграции „Самиздата”, с последующими судами и расправами над инакомыслящими служат „мирным” целям?), установления большего взаимопонимания между двумя системами, то главный их довод сводится к тому, что Запад, де, не может допустить дестабилизации тоталитарного содружества, ибо, это может привести к общемировому экономическому хаосу.

Довод этот достаточно серьезен, чтобы можно было отмахнуться от него с морально максималистских позиций. Действительно, крушение политически косной, но экономически сложившейся структуры, так или иначе внедренной в мировой производственный оборот, несомненно, приведет планетарную экономику в катастрофическое состояние. Но из этой, на наш взгляд, бесспорной посылки на Западе выросла и утвердилась (убежден, не без активной поддержки определенных советских органов) абсолютно самоубийственная концепция сохранения статус-кво, которая в качестве единственной меры спасения от возможного хаоса предлагает политику практически безвозмездных кредитных инъекций в эти структуры.

Но если, вопреки общепринятым предубеждениям, трезвыми глазами рассмотреть экономическую и политическую ситуацию на Востоке, то можно убедиться, что пресловутая „дестабилизация” уже приняла там необратимые формы. Только полное отсутствие объективной статистики и открытой информации помогает тоталитарной пропаганде наводить на свою агонию оптимистический грим и разыгрывать из себя деловых партнеров.

Поэтому подлинный прагматизм состоит сейчас не в том, чтобы, пренебрегая реальностью, продолжать успокаивать себя анестезией детанта в политике и концепцией искусственного дыхания в экономике, а в том, чтобы активно поддержать (ни в коей мере не прекращая при этом уже сложившихся контактов) все, даже находящиеся в зачаточном состоянии конструктивные силы демократии в тоталитарных странах, которые, в случае критической ситуации могли бы овладеть положением в обществе и канализировать опасные для человечества процессы в эволюционное русло, т. е. привести к подлинной стабилизации.

Как это ни парадоксально, но спасти свободную рыночную систему и прагматическую демократию Запада имеют возможность не закормленные капиталистическими подачками Брежнев и Чаушески, а все те же романтические моралисты, дон кихоты нашего смутного времени Сахаровы, Курони, Вышинские. К счастью или к сожалению, но другой альтернативы нет, все остальное остается прекраснодушной иллюзией, какими бы наукообразными расчетами она ни прикрывалась.

Оптимальной формой эволюции, которую следовало бы поддержать политикам и деловым людям

Запада, могла бы, на мой взгляд, стать ситуация, сложившаяся сейчас в Польше. Фактически в стране уже существуют три параллельные власти: официальной партии, католической Церкви и Комитета защиты рабочих, утвердившего себя явочным порядком и успешно (при растущем нейтралитете правительства) функционирующего. Медленная, почти незаметная с первого взгляда, но необратимая конвергенция этих трех институтов власти представляет собою одно из самых уникальных в мировой политике и обнадеживающих для тоталитарного общества явлений нашего времени.

Если благотворный пример Польши найдет себе продолжение в других восточноевропейских странах (а для этого там имеются все предпосылки), то будущее хозяйственной, а следовательно и политической структуры Запада может не вызывать опасений: демократические перемены на Востоке произойдут без дестабилизирующих взрывов и потрясений.

Но эту очевидную истину прекрасно осознают и кремлевские заправилы. Именно поэтому с такой жестокостью подавляют они всякое проявление свободной мысли и демократических тенденций в подконтрольной им империи. Недавние процессы над Александром Гинзбургом, Анатолием Щаранским, Александром Подрабинком и целым рядом других советских правозащитников свидетельствуют об их решимости силой навязать себя Западу в качестве единственных партнеров в каком-либо диалоге. В связи с этим, защита деятелей демократического движения на Востоке становится для политиков и дельцов Запада отнюдь не альтруисти-

ческим актом, а прагматической мерой самозащиты от одностороннего диктата.

Справедливости ради, следует отметить, что все, сказанное мною, не составляет открытия или секрета для многих политиков, общественных и промышленных деятелей Запада, но, если быть до конца откровенным, то большинство из этих деятелей склонны намеренно оттягивать демократическую эволюцию на Востоке по одной весьма прискорбной причине: тоталитарный мир, освободившись от тирании, откроет архивы и тогда обнаружится сколько, когда, кому и в какой валюте платили за их намеренную слепоту и комфортабельную уступчивость, а это, естественно, повлечет за собою соответствующее возмездие.

В начале своих беглых заметок я намеренно выступил с позиций „адвоката дьявола”, ибо только вскрыв нехитрый механизм современной прагматической мысли, можно наглядно убедиться, что, сколько бы мы ни утешали себя релятивистским суесловием, вместилищем всех проблем человеческих и единственными судьями в их решениях остаются для нас наше сердце и совесть и только одни они мерило всех ценностей на земле и только в них наше спасение.

Ноябрь 1977 г.

ОГЛЯНИСЬ НА ДОМ СВОЙ, АНГЕЛ!

„Если Бога нет, – восклицал устами одного из своих героев Федор Достоевский, – то все можно, все дозволено.” „Если нет греха, то сама душа – преступление” – вторит ему Бернар-Анри Леви, и фраза эта становится ключом к его „Завещанию Бога”. Эта книга поистине вещее свидетельство о катарсисе, через который проходит сегодня поколение автора – поколение вчерашних монтаньяров, совсем еще недавно жаждавших перманентного бунта и всеобщего разрушения.

Справедливости ради надо сказать, что в борениях с окружающей его средой оно – это поколение – сумело вырваться из ее удушающей буржуазности и, в известном смысле, опередить время, но, преодолев повседневность, вдруг оказалось перед новой пустыней, где уже вовсе нечем было дышать и некуда больше двигаться. И тогда первые оглянулись, с головокружительной горечью убеждаясь в том, что вырвались не столько из той самой среды, сколько, и прежде всего, оторвались от самих себя, от Закона, который изначально был в них заложен.

И здесь, как в детстве, когда мир еще полон загадок и единообразия, их вновь закружили трагические в своей голой простоте вопросы: что, зачем, почему? Что я такое, зачем я живу и почему мир так глубок и объемен? В этой непреходящей банальности самопознания и заключен, на мой взгляд, подлинный смысл всякой сколько-нибудь серьезной

философии вообще и новой книги Бернара-Анри Леви в частности.

Кто-то из моих современников горько заметил: „Чтобы по-настоящему понять, что такое Свобода, надо ее сначала потерять”. Это, видимо, правда по отношению к современности, но все в Человеке должно протестовать против этого: неужели и впрямь, чтобы ощутить ее возвышающий вкус, нам необходимо пройти сквозь ад освенцимов и колымских ночей, неужели и вправду, чтобы пробиться к ней, нам нужно сначала захлебнуться собственным криком и кровью, неужели и в самом деле прежде, чем стать свободными, мы обречены кружиться по всем девяти кругам нечеловеческих испытаний?

Нет, говорит нам Бернар-Анри Леви, нет и еще раз нет! Человек как отдельная личность, неповторимый индивид самодостаточен для того, чтобы остаться свободным. Он призывает нас к Сопротивлению. К Сопротивлению не мученика, а Человека, одаренного Божественной свободой воли, выделенного из общей массы, одинокого, но, тем не менее, защищенного своим одиночеством от губительной трясины стадного мышления, коллективного детерминизма и личностного распада.

„Итак, когда я говорю о трансцендентальном идеализме, — это просто прием, чтобы избежать дилеммы, в которую меня бросает философия. Когда я утверждаю „есть что-то от Человека”, достаточно этой установки, означающей обратное предмету, области мира или категории Бытия. Когда я при этом говорю „Человек” — это не предмет, а не что иное, как перспектива мира, точка зрения на Бытие, точка зрения просто безнадежного, но упрямого Сопротивления”.

Но даже в безнадежности этого Сопротивления Бернар-Анри Леви усматривает спасительную для Человека альтернативу. Мистическое одиночество Исаяи или Иеремии для него убедительнее триумфальной безликости Наполеона или Сталина. Для него плата за Свободу и есть Одиночество, но оно-то и подвигает Человека к непрерывному Сопротивлению.

Помнится, в Таганской тюрьме, еще будучи мальчишкой, я получил свои первые пять суток карцера. По возвращении в камеру один матерый зэк спросил меня:

— Что, малолетка, голодно было?

— Нет, — вполне искренне ответил я, — к голодухе я с детства привык, скучно было.

Тот назидательно помахал у меня перед носом заскорузлым пальцем:

— Запомни, малолетка, человек, которому наедине с собой скушно, уже не человек, а дерьмо.

Этот старый каторжник, как я теперь понимаю, был во сто крат свободнее своих тюремщиков.

В „Завещании Бога” огромное количество фактов и ссылок, уличающих современников автора в политическом лукавстве и двоедушии. Их можно было бы приводить до бесконечности, удивляясь их новизне и убедительности, но не в них непреходящая ценность этой книги, делающая ее воистину классической. Она — эта ценность — в ее выстраданной неожиданности, в ее обнадеживающей новизне, в ее перспективной необходимости.

Особое место занимает в книге тема еврейства и его роли в мировой истории. Действительно, падали империи и государства, обращались в прах целые племена и народы, рушились цивилизации, а это

странствующее сообщество, направляемое ведомым только ему Откровением, проходило сквозь Время, не потеряв из Священного свитка не то чтобы слова, даже запятой. Это пророческое племя сохраняло в себе Закон, не страшась платить за свою верность Ему несметным числом погромов и казней, зачастую обращаясь на своем пути то в дым собственных храмов, то в пепел Майданеков и Дахау. Этот вещий народ и являет собою для автора меру и сосуд вечного Сопrotивления.

„Завещание Бога” хочется цитировать почти целиком, но не имея (и к сожалению!) такой возможности, я позволю себе только еще одну цитату и — последнюю:

„... я говорю, что единственная этика в силе устоять — та, что и Народу сумеет противопоставить глухой голос простых людей, то есть голос чистых субъектов во всей их несокрушимой и непреходящей обособленности. И единственная традиция людей-одиночек, не боявшихся порицать народы, когда народы заблуждались, решительно отождествлять их с Государством, когда сему Государству они повиновались, одиночек, наделенных славной дерзостью осмысливать Добро и Зло, независимо от количества соратников, — в том, что эти глашатаи, эти одиночки, эти люди с негромким именем, писаниями своими свидетельствуют, что они люди как все люди — лишь бы эти самые „все” согласились мыслить собственными мозгами, то есть не буквой Закона. Это те, кого Библия окрестила „пророками”, и мы вскоре увидим какую модель они завещали миру, модель Сопrotивления, найденного вне идолопоклоннических тропинок”.

Определяя сущность Кокто, Моруа в своем эссе о нем привел коротенький анекдот, в котором родители спрашивают у своей малолетней дочери:

— Ангел принес тебе братика, хочешь увидеть братика?

— Нет, — простодушно ответила та, — я хочу увидеть ангела.

Кокто, заключал после этого Моруа, всегда хотел увидеть ангела.

Мне кажется, это в полной мере можно отнести и к Бернару-Анри Леви: он не хочет видеть, так называемую трезвую реальность, он хочет видеть ангела, ибо Человек, однажды увидевший ангела, может ослепнуть, но он уже никогда не будет Рабом.

Bernard-Henri Levy. Le testament de Dieu. — Paris: Grasset 1979.

ЛИТЕРАТУРА ПРОТИВ ТОТАЛИТАРИЗМА

Когда в начале шестидесятых годов в русской культуре возникло, так называемое, явление Солженицына, многие в современном мире восприняли этот феномен, как чудо. Но для внимательного наблюдателя последнего полувека нашей отечественной словесности это явилось лишь закономерным следствием ее изначального процесса. Явление такого порядка, как Солженицын было бы немислимо вне общего контекста литературного противостояния диктатуре, начиная чуть ли не с первых лет после Октябрьского переворота.

Это противостояние ведет свою родословную от расстрелянного Гумилева, через замолчанного Булгакова, замученного в концлагере Мандельштама, затравленных Зощенко и Ахматову к затравленному же Пастернаку и, наконец, до выброшенного из страны Солженицына. Я называю только вершины этого Сопротивления, у подножья которых теснилось целое созвездие не покорившихся диктату художников от Юрия Олеши до Юрия Домбровского включительно.

Все они, вместе взятые, не составляли собою никакой профессиональной или организационной структуры, любая такая структура была бы мгновенно раздавлена самым жесточайшим образом. Дело и творчество каждого из них явилось результатом его сугубо личного, духовного решения, но собранные историей воедино, они оказались той непреодолимой силой, благодаря которой наша лите-

ратура не только выстояла под тотальным прессом культурной диктатуры, не только сохранила непрерывность живой нити литературного процесса, но в конце концов заявила себя сегодня во всем блеске мирового признания.

Согласитесь, что новейшая история не знает примера, когда бы какая-нибудь культура, в самой уязвимой для диктатуры области — в литературе, причем в, так сказать, подпольном ее оформлении, числила в своих рядах двух нобелевских лауреатов. Историческая уникальность этого феномена неоспорима.

Наталья Горбаневская, привлеченная по делу демонстрации на Красной площади против оккупации Чехословакии, на вопрос следователя, какие мотивы побудили ее присоединиться к демонстрантам, ответила:

— Я сделала это для себя, иначе я не смогла бы жить дальше.

Только это, одно только это и ничего более движет сегодня нашей литературой Сопротивления внутри страны: Лидией Чуковской, Владимиром Войновичем, Георгием Владимовым, Львом Копелевым, Владимиром Корниловым, Вениамином Ерофеевым и множеством других, еще безымянных, но уже сделавших выбор.

Этот процесс творческого противостояния диктатуре продолжает расширяться и углубляться. Недавно, например, группа московских писателей (Василий Аксенов, Андрей Битов, Фазиль Искандер, Евгений Попов и другие) составила альманах „Метрополь” и, получив отказ в его публикации на Родине напечатала его за рубежом, чем как бы перебросила мост между официальной и самиздатовской литературой.

Сейчас русская литература переживает в своем развитии очередной поворот: часть писателей (как уже было однажды, но в совершенно иных условиях) во главе со своим бесспорным лидером Александром Солженицыным оказались за рубежом. И снова, как это было на родине, наше духовное самосохранение, неистребимость нашей связи со средой, которая нас из себя выделила, наша принадлежность к отечественной культуре, наконец, зависит сейчас не от некой политической или организационной сплоченности, а прежде всего от личной, индивидуальной воли каждого из нас к духовному и человеческому Сопротивлению. Сумеет ли мы выстоять в непривычной для себя обстановке, то есть вне стихии родного языка, вне атмосферы понятной нам социальной среды, покажет ближайшее будущее. Как говорится, да поможет нам Бог!

Но являясь эмиграцией литературной, духовной, культурной, назовите как хотите, мы, тем не менее, хотим того или не хотим являемся для окружающих также, если не в первую очередь, эмиграцией политической, что в свою очередь ставит перед нами проблему гражданского существования за пределами своей страны.

„Мы не в изгнании, мы — в послании”, — сказала как-то большая русская поэтесса, и в том, как каждый из нас понимает это самое „послание” заключено зерно внутреннего, а подчас и внешнего конфликта в нашей среде.

Противостояние диктатуре в России начиналось с мучеников-одиночек, но их влияние на последующие литературные поколения оказалось настолько духовно радиоактивным, что в результате в нашей

стране сложился, если так можно выразиться, генетический тип писателя, который противостоит насилию не потому, что сознательно выполняет героическую миссию, а потому, что иначе он просто не мог бы жить, ибо хочет остаться личностью, Человеком.

МЕТРОПОЛЬ ИЛИ МЕТРО́ПОЛЬ

Толки и кривотолки вокруг этого необычного сборника кружились сравнительно долго. Говорилось всякое, но у подлинного искусства есть одно упрямое свойство: оно самоочищается от околичного суесловия безо всякой помощи со стороны, силою собственного значения.

Признаться, я тоже начал свое знакомство с „Метрополем” в некотором предубеждении: уж больно необычными показались мне как причины его происхождения, так и последствия, грянувшие сразу за его появлением на Западе.

Но по мере чтения все эти суетные соображения стали медленно, но верно отступать на задний план, пока в конце концов не рассеялись вовсе, хотя самое начало и не предвещало больших открытий: расхожий Высоцкий, с расхожими же Рейном и Вознесенским, как всегда манерная Ахмадулина, скроенный по типичным эталонам „Юности” Петр Кожевников.

И вдруг, словно из привычного коридора, сразу, без перехода, неожиданный выход в большой мир, с теплокровно пульсирующим пространством живой жизни под веселым названием „Чёртова дюжина рассказов”. И горьковатая подлинность этого жизненного пространства становится для читателя как бы волшебным ключом ко всему сборнику в целом. Мне бы хотелось, чтобы читатель запомнил, затвердил у себя в памяти имя писателя, создавшего

го этот ключ силою своего воображения: Евгений Попов! Я уверен, что он еще даст о себе знать и более мощно, и более полно.

Поэтому кажется естественным, что вступающий сразу следом за ним Высоцкий так отличается от Высоцкого вначале: мятущийся, трагический, иступленный. Вместе с ним томится и перепадает наше сердце, когда замирает в нем душа от стиснувшего его землю холода („Гололед на земле, гололед...”), вместе с ним лихорадочно ищем выхода из волчьего загона в лесу („Охота на волков”), вместе с ним задыхаемся от тоски („Лукоморья больше нет”), вместе с ним проходим, наконец, сквозь его собственный очищенный катарсис („Протопи ты мне баньку по-белому...”).

Первая и последняя сколько-нибудь серьезная публикация Фридриха Горенштейна состоялась у нас в „Континенте” совсем недавно, хотя, как прозаик он известен в литературной среде уже по меньшей мере лет двадцать. Где-то в самом начале шестидесятых годов ему удалось опубликовать в той же „Юности” небольшой, но творчески весьма убедительный рассказ „Дом с башенкой”. С тех пор, не имея возможности печататься, он ушел в, так сказать, коммерческое кино: соавторствовал и делал сценарии за других. (Есть у нас в стране такой вид заработка!) Прозу его всегда отличала напряженная аскетичность стиля, намеренная безаксесуарность, отсутствие орнамента или личной интонации. Горенштейн мужественно отстранялся всегда от того что рассказывал читателю: вот, словно бы говорил он, берите, как есть, а я тут ни при чем.

Но в „Ступенях” „Метрополя” писатель вдруг как бы взрывается изнутри и мы слышим взволнованный голос подлинного художника, подверженного всем противоречиям современного мира и обнаженно реагирующего на них. На наших глазах большой ваятель превращается в Пигмалиона, потрясенного своим ожившим созданием.

Не знаю, говорит ли что-нибудь имя Инны Лиснянской зарубежному любителю современной поэзии, но в Советском Союзе у нее прочный и заслуженный ею читательский круг. И опять-таки, здесь, в этом сборнике она находит свое новое преображение. Откровенно библейские мотивы ее сегодняшних стихов не дань моде, не кокетливая метафора, а, убежден, продиктованная глубоким религиозным чувством теперешняя сущность.

Подстать ей и Семен Липкин, выступавший ранее, в течение долгих лет только как поэт-переводчик: тоже печальная примета времени, когда большие поэты вынуждены выступать в этой роли, вспомните хотя бы Осипа Мандельштама! Переводная поэзия, разумеется, обогащается от этого, жаль только, что поэзия нищает! И цикл стихов Липкина в „Метрополе” лишь подтверждает этот тезис: перед нами действительно большой поэт, но, к сожалению, находящийся уже на склоне лет.

Затем следуют подряд три больших прозы: „Прощальные деньки” Андрея Битова, два рассказа Фазилы Искандера „Маленький гигант большого секса” и „Возмездие”, а также „Дубленка” Бориса Вахтина. И хотя первые двое по-прежнему глубоки и артистичны в своих новых вещах, я бы на этот раз отдал предпочтение почти дебютанту Вахтину.

В его прозе всегда тяга к литературным реминисценциям. В „Дубленке” он такую реминисценцию даже намеренно прокламирует: эпиграфом к повести взято изречение Достоевского: „Все мы вышли из гоголевской „Шинели””. Но, сделавшись приемом, это выводит вещь в целом в новое качество, дает ей другое измерение, наполняет ее воздухом и звуком. И сквозь магический кристалл искусства перед читателем разворачивается действие, манипеля, карнавал человеческой жизни, от которой у нас сжимается сердце и кружится голова. Я беру на себя ответственность сказать, что „Дубленкой” в русскую литературу вошел *писатель*.

В последующей части сборника хочется прежде всего отметить блистательный поэтический цикл Генриха Сапгира, тонкую прозу еще не оцененных у нас по достоинству Аркадия Арканова и Марка Розовского и, наконец, „Страницы из дневника” Виктора Тростникова, серьезнейшая работа которого заслуживает большего, чем упоминание в общем отклике и к ней я постараюсь вернуться в специальной статье.

В конце отдельно помяну цикл полуфольклорных текстов Юза (Иосифа) Алешковского, текстов, давно отделившихся от автора и живущих своей почти мистической жизнью на всех этапах безмерной страны ГУЛАг, а это для любого поэта высшее из признаний и в дополнительных похвалах не нуждается.

Для того, чтобы написать все, что вобрал в себя „Метрополь” нужно было многое осмыслить и пережить, но, и для того, чтобы по-настоящему прочесть все это, от читателя, наверное, требуется то же самое. Поймут ли? Дай-то Бог!

Заранее приношу свои извинения за возможную субъективность некоторых оценок и пропуск целого ряда произведений, заслуживающих, на мой взгляд, особого разбора (к примеру, прозаика Василия Аксенова, выступившего в сборнике с пьесой, и поэтов Юрия Карабчиевского и Юрия Кублановского), но я ставил себе целью написать лишь первый отклик, а отнюдь не рецензию, это, надеюсь, сделают за меня профессионалы.

ЧЕЛОВЕК НА ВСЕ ВРЕМЕНА

О Сахарове — Человеке, Гражданине, Ученом — уже сложились легенды. О себе он рассказал сам в своей „Автобиографии”, с присущей ему словесной безыскусностью и прямоотой. Кроме того, о нем написаны десятки, если не сотни статей, отзывов, эссе, которые вместе с личными его выступлениями в защиту „униженных и оскорбленных” могут дать достаточно емкое представление об этом Великом Человеке Современности.

Поэтому сейчас мне хотелось бы остановить ваше внимание не столько на личности самого Андрея Сахарова (это уже сделала за меня сама жизнь) сколько охарактеризовать среду, атмосферу, обстановку, в какой ему приходится существовать и бороться.

В более чем полувековой истории нашего государства с его жесточайшими средствами репрессий и угнетения „феномен Сахарова” может показаться на первый взгляд необъяснимым. В самом деле, как, каким образом человек, достигший уже в тридцатилетнем возрасте высших ступеней научно-государственной иерархии, увенчанный всеми самыми высокими наградами и премиями страны, принятый на равных в самом узком кругу руководящей верхушки, вдруг разом и навсегда отказывается от всего достигнутого и встает в оппозицию к существующему правительству, лицом к лицу с огромным аппаратом насилия, один на один с гигантским и беспощадным молохом тоталитарного режима?

Если в условиях общества Запада или Третьего мира подобный поступок, вызванный альтруистическими, религиозными или политическими мотивами мог бы вызвать со стороны властей самое большее чувство индифферентной враждебности, то в условиях ожесточенного тоталитаризма, царящего в нашей стране, позиция, занятая академиком Сахаровым связана со смертельным, в самом прямом смысле этого слова, риском для жизни.

В числе лауреатов Нобелевской премии мира и ее нынешних соискателей я мог бы назвать лишь одного, кто осуществлял свою благородную деятельность в примерно равных с Андреем Сахаровым условиях — узника гитлеровских концлагерей Карла Осецкого.

К тому же сейчас, когда никем не избранные власти нашей страны обрушили на лучшую часть советской интеллигенции целый ряд тотальных репрессий, — арестованы Татьяна Великанова, отец Дмитрий Дудко, редакторы журнала „Поиски” Гримм, Сокирко и многие другие, — великий ученый остается единственным человеком, объединяющим все демократические силы не только России, но и Восточной Европы, их символом, их опорой и надеждой.

Свое веское слово он повседневно подтверждает конкретным *личным* действием. Даже в день, когда гремели фанфары нобелевской церемонии и тысячи жителей Осло в единодушном порыве объединились в факельном шествии в его честь, он стоял перед зданием суда, где судили Сергея Ковалева, и это человеческое бдение было позначительнее многих громогласных протестов на Западе.

И так год за годом, день за днем, час за часом. А он идет сквозь них, через гонения и угрозы, под злобный лай хорошо оплаченных борзописцев — Великий мученик погрязшего во лжи и равнодушии современного мира.

В этом весь он, весь смысл его жизни и деятельности, и каждый из нас, его друзей и знакомых, прекрасно отдает себе отчет в том, что без *Сахарова* в этом горестном мире было бы много безотраднее и холодней.

Недаром один из самых значительных людей современности польский философ Лешек Колаковский писал о нем на страницах „Континента”: „Само существование Сахарова вдохновляет мир. Одновременно слово его, как неожиданно обнаруженный шип, разрывает завесу штампованных фраз и умолчаний, которой прикрываются на Западе многочисленные фокусники публичных выступлений, не желающие видеть то, от чего прежде всего зависит судьба мира”.

Неискущенного наблюдателя может, на первый взгляд, удивить несоразмерность между обвинениями в адрес Андрея Сахарова, мутным потоком льющимися со страниц советских газет, и сравнительно мягким наказанием — высылкой на окраину приволжского города. Но это только на первый взгляд. Заранее, априорно, без суда и следствия обвинив ученого и общественного деятеля в измене родине и шпионаже в пользу иностранных разведок, власти недвусмысленно дают ему понять, что в любую минуту они могут сделать с ним все, что угодно, вплоть до организованного самосуда. Недавний визит к нему двух вооруженных так сказать представителей рабочего класса красноречивое тому свидетельство.

Поэтому все, кому дороги идеалы Прав Человека должны сделать защиту великого гуманиста современности не временной акцией, а частью постоянного общественного процесса. Только это одно может спасти его жизнь.

ХЕЛЬСИНКИ ПО-СОВЕТСКИ

Сначала маленькая иллюстрация.

В один из Пермских лагерей по недосмотру администрации проник номер журнала ЮНЕСКО „Курьер” с опубликованной в нем Декларацией Прав Человека. Когда на очередном „политзанятии” какой-то дотошный заключенный, защищая свои права, попытался сослаться на этот документ, офицер-воспитатель, не задумываясь, ответил:

— Это не для вас написано, а для негров.

Этот простодушный постулат тюремного служаки исчерпывающе определяет сущность внешней политики советского правительства, которую, кстати сказать, сам Ленин, еще в начале двадцатых годов, определил с тою же солдатской откровенностью: „Договора с капиталистическими государствами не только можно, но и нужно нарушать”.

Спрашивается: почему же тогда, растоптав и отбросив на протяжении этих шестидесяти лет почти все подписанные им международные соглашения, оно, это правительство, до сих пор не потеряло своего внешнеполитического кредита? Почему вновь и вновь демократический Запад садится с ним — этим правительством — за стол заранее обреченных на саботаж переговоров? Почему, наконец, свободный мир позволяет ему, этому правительству, шантажировать себя с помощью столь грубой и примитивной демагогии?

Мне кажется, что причина этого вынужденного самообмана таится в хрупкой относительности нравственных критериев, опережающих здесь сейчас шкалу человеческих ценностей. Подчинение внешней и внутренней политики прагматической тактике и сиюминутным потребностям общества прочно доминирует теперь на Западе над соображениями устойчивой безопасности, не говоря уже о морали.

Именно поэтому, подписав Хельсинкские соглашения, советское правительство может позволить себе почти ежедневно и безнаказанно попирать этот документ как угодно и каким угодно способом. Судите сами: советская делегация едет в Белград проверять эффективность Хельсинкских соглашений, предварительно упрятав за решетку главу Московской Группы по наблюдению за выполнением этих самых соглашений — Юрия Орлова, который позволил себе возомнить, что Права Человека провозглашены не только для негров. Это и оказалось впоследствии единственным результатом Белграда.

Толкование советской стороной различных международных принципов настолько эластично, что практически позволяет использовать себе на потребу любой договор или соглашение. К примеру, в случае вооруженного конфликта в какой-либо части света к их услугам резиновая теория об „империалистических и народно-освободительных войнах”, с помощью каковой националистов Анголы можно заклеить как агрессоров, а кубинский экспедиционный корпус представить как символ братской помощи в революционной борьбе. В области Прав Человека у них опять-таки наготове универсальная форма о „социалистической законности”, по которой соучастница вооруженного нападения Анджела

Дэвис — жертва апартеида, а Председатель московского отделения „Эмнести Интернешонал” Андрей Твердохлебов — „поджигатель войны” и „заклятый враг разрядки напряженности”, чье место в принудительной ссылке или в концлагере. Если же с ними разговаривают про самоопределение наций, они мгновенно нейтрализуют обвинения безотказным клише о „нацизме и национализме”, согласно которому вооруженные акции Палестинского движения освобождения являются законным удовлетворением национальных чаяний, а мирные демонстрации крымских татар за возвращение на родину — проявлением фашистского расизма. И т. д., и т. п.

В свое время, к примеру, я ознакомился со статьей известного французского поэта господина Жене в газете „Ле Монд”, где, горячо заступаясь за германских террористов, он безапелляционно утверждает, что „Советский Союз всегда становится на сторону слабых”. Оставляя на совести этого достопочтенного француза его апологию бессудных убийств, я хотел бы задать ему лишь один вопрос: почему горячо любимое им советское государство так разборчиво в этом своем отношении к слабым? Почему оно, это государство, спешит на помощь слабой Уганде и активно выступает против слабого Судана, до зубов вооружает слабую Ливию и безмолвно игнорирует слабый Заир, поддерживало слабый вчерашний Египет, а нынешний еще более слабый Египет поддерживать отказывается, почему, наконец, ему мила далекая и слабая Куба, а слабую и близкую Албанию оно и знать не хочет? Господину Жене, в его возрасте, следовало бы усвоить одну банальную истину: почитаемый им

Советский Союз помогает только тем слабым, которые ему подчиняются.

Но если меня спросят, какая же все-таки существует альтернатива всеобщей разрядке напряженности, я, как это ни парадоксально, отвечу: всеобщая разрядка напряженности. Подчеркиваю: всеобщая.

А такую разрядку миру может обеспечить только существование внутренней оппозиции в тоталитарных странах. Той самой оппозиции, которая явочным порядком и дорого заплатив за это, возродила в своих обществах фактор независимого общественного мнения, которое, и только оно одно, может гарантировать выполнение со стороны своих властей каких-либо международных соглашений, в том числе и Хельсинкских, а также окончательно нейтрализовать как их внутреннюю, так и внешнюю агрессивность. Без этого фактора всякие разговоры о „тихой дипломатии”, „разумности в правовых требованиях”, „постепенности сближения точек зрения” — не более, чем безответственная и даже преступная демагогия.

Недаром в своем недавнем письме самые отважные заключенные пермских лагерей, обращаясь к западной общественности, пишут:

„Но если меновую стоимость в политической игре вновь приобретает свобода — чужая свобода, которую ваши предшественники помогли потерять столь многим, отдавайте себе отчет в том, что дурной опыт торговать чужой свободой неизменно грозит потерей собственной”.

Возьмем, к примеру, совсем недавний случай. На Западе решил остаться крупный советский чиновник, заместитель Генерального секретаря ООН Аркадий Шевченко. Мне нет нужды вдаваться здесь

в мотивы его решения, ближайшее будущее покажет подлинные причины этого, почти беспрецедентного события. Я хотел бы только, в связи с темой своего выступления, отметить сейчас тот поразительный факт, что первым свое возмущение поступком Шевченко выразил не Леонид Брежнев, не советское правительство, не даже Министерство иностранных дел СССР, а Курт Вальдхайм, демократ, стоящий во главе организации, призванной самим своим существованием защищать Права Человека, в том числе и право выбора себе местожительства по своему разумению и по своей совести. Видимо, для некоторых политических деятелей Запада теплое место под солнцем оказывается в конце концов дорожке принципов Свободы и Демократии.

Если поведение Генерального секретаря ООН делается в политической жизни образцом для подражания, то недалек тот день, когда лагерный надзиратель, помахивая перед вашим носом вашими собственными законами, изречет:

— Это не для вас написано, а для негров.

Но если, паче чаяния, к тому времени и наши чернокожие братья будут охвачены самой свободной в мире пенитенциарной системой, то он, этот надзиратель, сможет сослаться на пингвинов, те все стерпят без слов и обо всем будут судить единодушно.

Продолжать тешить себя иллюзиями значит — погибнуть. Смотреть правде в глаза значит — победить!

„РОССИЯ – ЛЮБОВЬ МОЯ”

*Интервью В. Максимова
газете „Котидьен де Пари”*

– Сейчас на Западе в среде интеллектуалов широко обсуждается „нравственная хартия” для интеллигентов. Какие принципы на ваш взгляд необходимо было бы внести в эту хартию?

– Прежде всего – принцип универсальности по отношению к правам человека вне зависимости от убеждений его и партийной принадлежности.

– Одна из больших тем современности – борьба против „Интернационала палачей”. Означает ли это поворот в борьбе диссидентов, поскольку эта борьба ведется и против западных тоталитарных систем? Например, Аргентина или Бразилия, но также и ФРГ?

– Нисколько. Те, кто внимательно следит за развитием демократического движения в нашей стране, помнят, что с самого начала его возникновения оно не замыкалось в кругу своих собственных проблем. Погибший в лагере Юрий Галансков выступал в защиту доминиканских революционеров; группа видных советских правозащитников провела демонстрацию протеста против оккупации Чехословакии в августе 1968 года, за что поплатились тюрьмам и психушками; Андрей Сахаров неоднократно осуждал репрессии в Чили, Индонезии,

Иране и Ираке. Многие из нас, в том числе и я, уже находясь за рубежом, постоянно принимают участие в акциях по защите прав человека во всех концах света. С сожалением, проявляемая нами солидарность зачастую остается без взаимности со стороны тех, кого мы стараемся поддерживать. И в первую очередь это относится к представителям стран Латинской Америки. Поэтому я могу только приветствовать форум, темой которого будет борьба против „интернациональных палачей”. Позволю себе лишь маленькую, но на мой взгляд существенную, оговорку. Мне кажется, необходимо разграничить „нарушения прав человека” и „преступления против прав человека”. Я готов согласиться, что, к примеру, „проверка на лояльность” практикуемая в ФРГ, может быть при известных условиях квалифицирована как ограничение гражданских свобод, но, согласитесь, что административная проверка убеждений и 5-10-летние каторжные сроки за убеждения — это вещи несовместимые и ставить между ними знак равенства значит подменять существо проблемы политической демагогией.

— Диссидентами принят принцип бойкота всех культурных и научных мероприятий советской власти. Однако двое инакомыслящих — Гладилин и Некрасов, член редакции „Континента” — нюансировали свою поддержку такому бойкоту, что было высказано ими в статье о Вознесенском, опубликованной в „Монд”. Что вы думаете об их аргументах?

— По-моему, разница во мнениях и мирное сосуществование мнений и составляет сущность демократии. Гладилин и Некрасов высказали свою лич-

ную точку зрения, ни в коей мере не отражающую позицию „Континента”. У нас редакция, а не казарма, каждый волен свободно высказаться, но кредо журнала при этом остается неизменным: полный бойкот. Что касается их аргументов, то я уже написал об этом в „Либерасьон”: чем выше талант гостя, тем строже с него спрос.

— *Были ли вы согласны с акцией бойкота, проведенной в Бобуре во время выступления Вознесенского?*

— Хотел бы еще раз повторить, что ни в коем случае не ставлю под сомнение талайт и личную порядочность Андрея Вознесенского, но большой художник в силу своего положения должен нести ответственность за свою страну. Разве Томас Манн или Бертольд Брехт, останься они в гитлеровской Германии и свободно выезжая за рубеж, были бы свободны от ответственности за преступления режима только потому, что они выдающиеся писатели? Скорее, наоборот.

— *После Белградской конференции надежды, возникшие в связи с Хельсинкскими соглашениями и обещаниями Картера в области прав человека, поблекли в связи с желанием великих держав вести переговоры в области безопасности и поддерживать коммерческие связи. Значит ли это, что „стратегия прав человека” изменится?*

— Сама политика прав человека, объявленная президентом Картером есть результат успеха нашей борьбы. Это, так сказать признание „де факто” восточноевропейского демократического движения как самостоятельной политической силы. Такая

политика может весьма и весьма способствовать процессу правового возрождения, но изменить его ход не в состоянии, ибо этот процесс необратим. Политика президента Картера в этой области, будь она последовательной, могла бы, прежде всего, помочь самому Западу, а не нам. Дестабилизация системы, которой так боятся ваши политики и финансисты, уже происходит, никакими материальными стимуляторами ее не остановить, и поэтому, единственным действительно прагматическим шагом со стороны Запада было бы всемерно поддержать сейчас все демократические силы в тоталитарном мире, которые в случае критической ситуации смогли бы овладеть положением в своих странах и направить события в законное русло. Другой альтернативы нет, сколько бы западные политики ни убаюкивали себя сомнительной анестезией деданта.

Кстати о торговле. Нас часто упрекают в том, что мы, де, призывая к бойкоту, готовы ради своих эгоистических интересов рисковать благосостоянием собственного народа. Самое отвратительное в этой лжи, что господа бизнесмены под свои сугубо меркантильные расчеты подводят гуманитарный базис. Хочу воспользоваться случаем, чтобы спросить у этих непрошенных альтруистов: а что — наручники с клеймом „Сделано в США”, в которых вывозили на Запад Владимира Буковского — тоже повышают благосостояние нашего народа? То же самое относится и к подслушивающей аппаратуре, поставляемой Советскому Союзу западными фирмами, с помощью которой устанавливают миграцию Самиздата и распределение денег из Солженицынского фонда, и ко множеству других поставок, по-

могающих советскому режиму осуществлять свою деспотическую власть над народом.

— *Говорят, что диссиденты разделены между собой внутренними конфликтами... Правда ли это?*

— Уверяю вас, что положение в среде русских интеллектуалов за рубежом несколько не отличается от положения среди интеллектуалов французских. Сколько людей — столько позиций, иногда даже две в одном человеке, но в принципиальных вопросах мы, как правило, выступаем вместе. Взгляните хотя бы на фамилии под обращением в защиту А. Гинзбурга: люди, которые еще на днях полемизировали о проблеме бойкота, единодушно подписали этот принципиальный документ.

— *Несмотря на разочарования, возникшие после того, как государства отказали вам в своей поддержке, и при нарастающих репрессиях в СССР имеете ли вы основания надеяться, что сможете что-то сделать в ближайшее время?*

— Мы, собственно, никогда и не рассчитывали на помощь каких-либо западных государств. Я, к примеру, убежден, что в любом самом жестоком ковбойском фильме морали больше, чем во всей политике Запада по отношению к поработанным народам. Я и мои друзья рассчитываем, прежде всего, на отдельных людей, на их солидарность, понимание, здравый смысл. И таких людей мы с каждым днем встречаем все больше. В конечном счете, мы единственное в мире Соппротивление, которое не нуждается ни в оружии, ни в деньгах, а только в нравственной или общественной поддержке. Остальное мы сделаем сами.

— *Вы были писателем, признанным советским режимом. Как вам удалось „спастись” учитывая то, что вы были видным членом Союза писателей?*

— „Видным” членом Союза писателей я никогда не был, а „спасся” только за счет того нравственного заряда, какой вложила в меня святая русская литература, изначально ставящая себе целью „милость к падшим призывать” и снисходить к „униженным и оскорбленным”, помноженного на личный опыт. Эту же эволюцию пережили и люди, куда более видные в нашем обществе, чем я: создатель водородной бомбы Андрей Сахаров; фронтовой офицер, лауреат сталинской премии, популярнейший советский романист Виктор Некрасов; генерал, ученый, коммунист, кавалер множества правительственных наград Петр Григоренко, даже дочь Сталина — Светлана Аллилуева, наконец! В тоталитарном мире наступила эпоха духовного пробуждения и каждый день, каждый час, каждый миг новый Савл превращается в Павла!

— *Вы верующий человек и, если не ошибаюсь близкий к некой мистике. Каков был ваш путь в этом плане и что означает для вас религия и духовность?*

— Трудно или почти невозможно в двух словах объяснить этот глубоко подсознательный процесс. Я попытался рассказать о своем религиозном опыте в романе „Прощание из ниоткуда”. Но самый фактор духовного возрождения в современной России стал сейчас в нашем обществе определяющим.

— *Галич говорил, что писателю очень трудно жить в изгнании, вне родной языковой стихии. „Улицы,*

кафе, метро, – писал он, – полны молчания. Мы живем в молчаливом мире”. Данте говорил: „Какой трудный путь – подниматься и спускаться по чужим лестницам”. Драма ли для вас, что вы находитесь вне родной стихии?

– Но тот же Александр Галич любил повторять слова русской эмигрантской поэтессы: „Мы не в изгнании, мы – в послании”. Эмиграция, на мой взгляд, не социальное, а психологическое состояние. Эмиграция – удел побежденных, эмигрантом можно чувствовать себя, даже живя на родине. Мы еще не победители, но уже и не побежденные, а поэтому не считаем себя эмигрантами. К тому же, в отличие от предыдущих эмиграций, между нами и метрополией постоянно пульсирует живая связь: личная, деловая, духовная. Разумеется, отсутствие языковой среды дает себя знать: глохнет язык, иссыкает звуковая информация, вне речевой стихии сокращается словарный запас.

– Вы пошли очень далеко в вашем автобиографическом романе „Прощание из ниоткуда”. Думаете ли вы, как Руссо, что надо говорить все?

– Это зависит от чувства меры. В автобиографии полная откровенность легко переходит в кокетство откровенностью, чем, на мой взгляд, несколько грешит Руссо. Не знаю, удалось ли мне удержаться на грани этой меры, но многое в „Прощании из ниоткуда” кажется мне теперь лишним.

– Каковы ваши литературные или кинематографические проекты в настоящее время?

— Сейчас я закончил роман „Ковчег для незванных”, в котором еще раз, уже под новым углом зрения, хочу взглянуть на историю и судьбу России. В романе отображены все основные представители нашего общества от Сталина до мелкого крестьянина включительно. Завершил также сценарий по сюжету своей ранней повести „Баллада о Савве” для американской фирмы.

— В конце „Саги о Савве” вы пишете, что „для Саввы Гуляева не было более дорогой и желанной земли. Нигде”. Очень ли важна для вас русская земля?

— Если перефразировать название одного знаменитого фильма, могу сказать: Россия — любовь моя. И к этому мне нечего добавить.

О ДИССИДЕНТСТВЕ ВООБЩЕ

Я позволю себе подразделить сегодняшнюю тему на отдельные вопросы и в меру возможностей и взглядов ответить на них, как можно короче и определенной, ответить не только нашему слушателю, но, может быть, и самому себе.

1. В историческом смысле современное русское диссидентство или, как еще его у нас называют, демократическое движение коренится в давней традиции нашей отечественной интеллигенции – традиции нравственного сопротивления любым видам насилия и лжи. Этот фундаментальный „символ веры” заложен в основе лучшей русской литературы и общественной мысли от Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского до Соловьева, отца Сергия Булгакова, Лосского и Бахтина.

К сожалению, известная часть интеллигенции старой России, а если точнее, то интеллектуальных люмпенов, сделала из традиционных посылок противоположенные этим посылкам радикальные выводы, что в конечном счете привело не только к разрушению отжившей государственной структуры, но и к нигилистическому отказу от принципиальных человеческих ценностей: Права, Морали, Милосердия. Результат общеизвестен: ГУЛаг, десятки миллионов жертв, духовное и материальное обнищание общества в целом. Те, кто начинал этот трагический процесс, провозглашали, что сначала человеку нужно дать хлеб, а потом уже культуру, но, по иронии

судьбы, после их прихода к власти народ не имеет ни того, ни другого: культура сведена до пропаганды, а хлеб ему поставляют „прогневший капиталистический Запад”.

2. Цель нашего диссидентства не в завоевании политической власти, а в изменении нравственной атмосферы внутри общества, которое, разумеется, в случае успеха, сможет само по себе привести к изменению его политической структуры. И в этом, на мой взгляд, коренное отличие нашего Сопротивления от левой и правой оппозиции на Западе. Недаром Владимир Буковский исчерпывающе определил кредо русского демократического движения: „Мы не из левого, мы не из правого лагеря, мы — из концлагеря!”

Трагическая ошибка крайне левой и крайне правой оппозиции на Западе состоит, на наш взгляд, в том, что та и другая считают, будто с помощью насилия можно изменить общество к лучшему. Но их собственный опыт самых последних лет показывает, что это самоубийственное заблуждение даже для них самих. Сейчас вокруг нас, вокруг нашей программы, вокруг группы „Континента” объединяются те, кто еще совсем недавно с оружием в руках содействовал установлению в своих странах так называемых прогрессивных диктатур: бывшие вьетнамские и камбоджийские „маки”, кубинские революционеры, порвавшие с режимом Кастро, недавние маоисты из Китая. Все они теперь разделяют высказанное недавно Александром Солженицыным положение: „Чтобы отогнать собак, не зови на помощь волков. Волки съедят сначала собак, а потом возьмутся и за тебя”.

Возьмите хотя бы самый последний пример. Все мы сочувствовали борьбе иранской демократии против режима шаха, но, согласитесь, чем же отличается „революционер” Хомейни от своего коронованного предшественника, если он начинает свою государственную деятельность с бессудных расстрелов. Если события в Иране будут развиваться в том же направлении, то я беру на себя смелость утверждать, что в течение года-двух и сам Хомейни будет казнен своими недавними приверженцами. Судьба его афганских соседей Дауда и Тараки может служить ему хорошим уроком.

3. Подавляющая часть нашего демократического движения (если не вся!) это дети и внуки тех, кто, к сожалению, своими руками сделал русскую революцию или участвовал затем в Октябрьском перевороте, поэтому, естественно, наши симпатии на Западе всегда на стороне угнетенных, на стороне трудящихся в их борьбе за свои человеческие права. Но я и мои друзья из России, в большинстве своем выходяцы из рабочих и трудовых слоев, со стыдом и горечью отмечаем, что, борясь за свои права, здешние трудящиеся объявляют Советский Союз, Китай, Кубу образцами свободы и социальной справедливости. Естественно, что рабочий класс России и Восточной Европы вправе считать подобную демагогию *классовым предательством* и предательства этого никогда не простит.

В сфере же общественной и политической наблюдается другая опасная, на мой взгляд, тенденция. Некоторые, и зачастую весьма влиятельные, круги на Западе склонны использовать восточноевропейских и русских диссидентов в своих узко-партийных эгоистических интересах, тактически эксплуа-

тируя их злободневный потенциал и, что самое печальное, намеренно противопоставляя друг другу.

В связи с этим мне хотелось бы предостеречь наших друзей от лукавого соблазна использовать мучительные проблемы и трагические противоречия современной России во имя собственных партийных или злободневных интересов. К сожалению, на Западе нам часто приходится читать и слышать, как в пылу политической полемики западные интеллектуалы берут на вооружение аргументацию русских писателей-эмигрантов, вырывая из общего контекста их книг и выступлений отдельные места, с тем, чтобы любой ценой опровергнуть противника.

Не говоря уже о том, что подобная практика, по меньшей мере, не деликатна в отношении писателей-изгнанников вообще, беру на себя смелость утверждать, что это, к тому же, и не соответствует действительному положению вещей.

Нельзя, к примеру, (я беру наиболее близкую мне область — литературу) противопоставлять большому прозаику и, если хотите, поэту Александру Солженицыну сатирика и философа Александра Зиновьева, а ему, в свою очередь, романиста Виктора Некрасова и т. д. и т. п., и т. д., и т. п. У каждого из них своя партия в том Оркестре Надежды, который исполняет сегодня вещь симфонию духовного Сопротивления в своей стране. Образно говоря, неправомерно противопоставлять дирижера скрипачу, скрипача пианисту, а пианиста всему музыкальному содружеству. Все мы делаем одно дело, каждый по-своему, в меру своих сил и таланта.

В заключение мне хотелось бы подчеркнуть, что борьба за Права Человека может и должна стать борьбой за переустройство современного общества

на более справедливых началах, борьбой, объединяющей все подлинно демократические силы в мире, и русское Соппротивление всегда готово к такому взаимодействию со своими западными единомышленниками, но при одном категорическом условии, что человеческая жизнь, вне зависимости от ее социального содержания, будет высшей ценностью этой борьбы, принципиально не принимающей насилия как средства для достижения своей цели, ибо любое насилие, какими бы благородными лозунгами оно ни прикрывалось порождает только насилие, причем еще более всеобъемлющее и гнусное.

Мы — участники движения за Права Человека во всем мире можем и должны найти принципиально новые пути для достижения своих целей в глобальном масштабе. И нельзя не согласиться с выдающимся французским поэтом Пьером Эмманюэлем, заявившем недавно на страницах газеты „Фигаро“:

„Да, думать вместе. Произвести инвентарь и подвести итог. Подготовить новую идею политики, существующую по ту сторону марксизма во всех областях общественной жизни, культуры и философии. Тогда очень скоро мир увидит, что мавзолей Ленина содержит лишь застывшую мумию, перед которой президенты мира, называемого свободным, могут воздержаться от ритуальных унижений”.

Воистину так!

ЗАКАТ ИЛИ ВОСХОД ЕВРОПЫ

*Выступление в Мюнхене в 1979 г. на митинге,
посвященном выборам в Европейский парламент*

В свое время великий Достоевский уже отмечал, как дороги сердцу всякого мыслящего русского „священные камни Европы”. Именно здесь в муках и крови рождались благотворные принципы демократии. Именно здесь в огне величайших испытаний двух мировых войн она, эта демократия, хоть и с огромными политическими и территориальными издержками, но все же отстояла свое право на существование перед натиском коричневого, а затем и красного тоталитаризма. Именно здесь, на крохотном клочке европейской суши, решается сейчас самый роковой вопрос современного мира: быть или не быть демократической цивилизации?

Но роль Европы в истории христианских времен не ограничивается лишь собственной территорией. Если ретроспективно взглянуть сейчас в прошлое, то нетрудно убедиться, какое огромное влияние оказала европейская культура на современный ей мир, в целом, и на Россию, в частности. Это влияние в течение веков сказывалось на всем укладе русской жизни: в политике, государственном строительстве, культуре, религиозной и философской мысли. Наши музыка, литература, искусство являются продуктом европейского духа и целиком опираются на европейские традиции. Этого очевидного

феномена истории не может отрицать ни один самый придирчивый русофоб или западный изоляционист.

Таким образом, находясь большей своей частью в Азии, Россия в то же время духовно принадлежит Европе, и в этом, на мой взгляд, ее роль и значение для нашего континента в целом. Символически соединив в своем лице ипостаси двух противостоящих цивилизаций, русский народ волею судеб сделался объектом борьбы между ними, и от того, какая из них — этих ипостасей — победит в нем, зависит будущее современной Европы.

Нам понятен поворот многих западных политиков к сближению с Азией, которая, по их мнению, может служить сегодня единственным противоядием смертельной угрозе, нависшей над западной демократией со стороны восточного тоталитаризма. Но, если они действительно считают себя реалистами, им необходимо отдавать себе отчет в том, что рано или поздно, может быть, даже в самой отдаленной перспективе, столкновение двух цивилизаций неминуемо, и в том судьбоносном противоборстве, к сожалению или к счастью, но лишь от воли и мощи стоящей между ними России будет зависеть склонить чашу весов в ту или другую сторону.

Как это ни парадоксально, но политически и психологически отбросив современную Россию на азиатский континент, европейцы тем самым приближают границы Азии к берегам Эльбы, то есть непосредственно к собственному своему порогу, и наоборот: признав ее частью европейского материка, они раздвигают пространство Европы до ворот Тихого океана.

Разумеется, процесс этот будет носить обоюдный характер. Прежде чем стать Европой, современная

Россия должна обновиться как политически, так и духовно. Русскому народу, в свою очередь, пока не поздно, необходимо осознать, что только в тесном единстве со своими западными соседями — залог его национального и государственного существования в будущем, гарантия подлинной политической независимости, основа культурного и экономического развития.

В эволюции к такому общественному состоянию мне и представляется смысл и значение нашего демократического движения. Усилия его лучших людей — от Александра Солженицына и Андрея Сахарова до Владимира Буковского и Петра Григоренко — направлены на то, чтобы прежде всего создать в нашей стране посылки для ее освобождения от идеологического гнета, ибо, только сбросив с себя оковы тоталитарной психологии, Россия сможет на равных войти в семью европейских народов.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Трудно, если вообще возможно, предсказать, как, в каком направлении будут разворачиваться события ближайшего времени, но можно с уверенностью утверждать: только от степени объединения всех сил свободы нашего материка зависит сейчас, что нас ждет впереди — закат или новый восход Европы — Европы от Марселя до Владивостока.

ДАР ПРОЩЕНИЯ И ДОБРА

Казалось бы, что нового можно еще написать о лагерях после „Архипелага ГУЛага”? Оказывается можно и еще как! Об этом свидетельствует вторая книга воспоминаний Евгении Гинзбург „Крутой маршрут”. Пожалуй, впервые в нашей, так называемой лагерной литературе появилась вещь, излучающая подлинно пушкинский свет „милости к падшим”, причем как к жертвам, так и к палачам.

Кстати сказать, она и не делит окружающий ее мир на тех и других, на черное и белое, на правых и виноватых. Для нее каждый человек, каждое явление, каждая среда заслуживают своего особого внимания, подхода, анализа.

Евгения Гинзбург никого и ничего не *судит* она *рассуждает*. Прежде всего о том, почему это случилось, в чем истоки трагедии и где из нее выход?

С хирургической беспощадностью она исследует собственное прошлое, шаг за шагом отказываясь от иллюзий и надежд первой книги своих воспоминаний. Нет, в конце концов утверждает автор, случившееся с народом и страной не является результатом последующего искажения первоначально „светлых идеалов”, стечением роковых случайностей и исторического предопределения, а исходит из сущности самой доктрины, ее энтропических целей и вытекающей из них методики, а потому, таков авторский вывод, нужно искать причины зла не в окружающих людях или обстоятельствах, но лишь

в самих себе и что только осознание своей собственной, личной вины, своего собственного соучастия в общенародной беде может привести нас сначала к катарсису, затем — к возрождению.

Здесь пафос Евгении Гинзбург смыкается, так сказать конвергирует, с пафосом Александра Солженицына, призывающего нас всех к раскаянию, но в конкретном анализе людей и событий она шире, добрее, великодушнее нашего классика. В ней нет и следа порою свойственного тому манихейства. В этом Евгения Гинзбург, наверное, одна из первых, если не первая в новейшей отечественной словесности соединяет прерванную было „связь времен”, христианскую традицию русской литературы, которая во все века своего существования всегда исповедовала любовь и снисхождение к человеку. Недаром роман, задуманный Львом Толстым незадолго до смерти, должен был называться „Нет в мире виноватых”.

В нечеловеческих условиях колымской лесотундры и лагерной среды перед ней на всем ее крестном пути, словно цветы на снегу, то и дело возникали проявления человеческого добра и сострадания. Инструментальщик Егор, как будто бы, на первый взгляд, заросший барачным равнодушием, вдруг делает ей — голодной, почти умирающей — спасительный подарок — миску киселя и этим возвращает ей жизнь и надежду. Птичница Мария Андропова, знаменитая в округе своей беспощадностью к подчиненным, молчаливо подкармливает незнакомую ей эчку-еврейку. Мало того, начальник Тасканского лагпункта Тимошкин, с риском для собственного благополучия и карьеры, укрывает ее от более жестокой участи. И даже начальница „Маглага” Грида-

сова, мечущаяся между своей палаческой должностью и своей человеческой сутью, помогает получить для сына Васи разрешение на въезд в Магадан. Да мало ли их оказалось в ее этапной судьбе!

Именно эти встречи-озарения шаг за шагом ведут ее — вчерашнюю, как она сама выражается, сталинскую хунвейбинку — к единственно возможному в этом трагическом мире выходу — к Богу. Гинзбург рассказывает об этом исподволь, ненавязчиво, даже как бы в некотором смущении, но эта ее целомудренная деликатность убеждает нас в авторской искренности гораздо сильнее иных, якобы христианских, деклараций, за которыми часто не стоит ничего, кроме стремления к самоутверждению любой ценой или дани сегодняшней русской моде.

Но при всех указанных выше достоинствах, все же главное отличительное качество этой замечательной книги — ее *духовная* и *душевная* атмосфера. Эта атмосфера возвращает современнику самое важное, самое основополагающее для человека — Надежду. Книга Евгении Гинзбург пронзительно и наглядно свидетельствует о том, что давно похороненный всеми народ (и народы!) жив, что он — этот народ (и народы!) готов к добру и возрождению и что вообще человеческое в человеке неискоренимо.

Я убежден, что книга Евгении Гинзбург суждена долгая и благодарная судьба, ибо она дарит читателю гораздо более, чем простое читательское удовлетворение, она дарит ему согревающий сердце пламень и очищающий душу Свет.

Незадолго до смерти Евгения Гинзбург в первый и в последний раз в жизни побывала за рубежом — в Париже. В прощальном разговоре со мной она сказала:

— Знаете, Володя, я никогда не мечтала, что Бог подарит мне перед смертью такую радость. Сажу в гостинице и читаю, читаю, читаю. Господи, сколько же у нас было отнято! И жаль мне только одного, что не успею уже наверстать, слишком поздно. Ведь я знаю, что уже приговорена...

Свои короткие заметки о воспоминаниях Евгении Гинзбург мне и хотелось бы закончить на этой ноте: сколько у нее было отнято и все же сколько она нам оставила!

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГАРМОНИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

1

Думаю, что для многих моих соотечественников „Письмо вождям” Александра Солженицына послужило толчком к размышлениям о будущем нашей страны, о ее общественном и политическом устройстве, о ее роли и судьбе среди других народов. Не будучи ни философом, ни политологом, я, тем не менее, не избежал общей тенденции сделать собственные выводы из проблемы, поставленной перед нами большим русским прозаиком и мыслителем.

В самом деле, занятые борьбой за Права Человека, критикой коммунистической системы как таковой, распространением идей и информации, многие из нас не отдают себе отчета (или откладывают это на неясное „потом”) в том, какой же видится нам предстоящая Россия во всех конкретных областях своей жизни: в государственной, экономической и духовной? Чаще всего в ответ на этот вопрос мы отделяемся весьма расплывчатыми декларациями в духе западной демократии.

Но большинство из нас (я имею в виду прежде всего эмиграцию) сумело убедиться, что демократия в ее традиционном понимании начинает медленно, но верно изживать самое себя. Лучший пример тому — итальянская ситуация, когда в результате крайней поляризации сил ни одна партия не в состоянии создать сколько-нибудь устойчивое правительство. В итоге в стране царит атмосфера холодной

(иногда переходящей в горячую) гражданской войны, а экономика держится на иностранных займах.

В других странах Запада дело обстоит не многим лучше. Особенности сложившейся избирательной практики позволяют ловким и беспринципным демагогам с помощью промышленной и финансовой олигархии выплывать на самую поверхность общественного бытия и безраздельно контролировать все сферы его жизнедеятельности. Взять хотя бы, к примеру, США, где даже для кампании за выдвижение какой-нибудь кандидатуры в конгресс или сенат требуются весьма и весьма солидные средства, а на кампании президентские тратятся суммы буквально астрономические.

При таких условиях трудно ожидать, чтобы в руководство страной попадали если и не лучшие из лучших, то хотя бы достойные из достойных. В результате, у кормила правления западным миром (за редчайшими исключениями) оказались сегодня в лучшем случае партийные посредственности, а в худшем — политические оппортунисты или беспринципные торгаши, не только охотно идущие на сговор с тоталитарным молохом, но и зачастую готовые в любую минуту присоединить свои страны к „великому восточному соседу” в качестве какой-нибудь „надцатой” республики.

Возьмем ли мы на себя ответственность (даже мысленно!) обречь будущую Россию на ту же судьбу и, после стольких лет безвинной крови, беспримерных страданий, удушающей лжи вновь оказаться в атмосфере духовного распада, у порога пустующих храмов, перед новым и уже необратимым вырождением?

Но есть ли выход из тупиковой дилеммы: западная демократия или восточный тоталитаризм?

Я попробую пойти наощупь, почти в слепую...

2

Со времен отмены крепостного права крестьянская община становится фундаментальной единицей нашего бытия. На ней — этой общине, — словно опрокинутая острием вниз пирамида, держалась после реформенная Россия вместе с ее институтами, экономикой, традициями и верованиями. Именно в ней — в этой общине — исподволь, из года в год, и вырабатывался прообраз подлинной русской демократии. Но, к сожалению, государственная структура, законодательным порядком изменив положение народа, сама по себе оказалась не в состоянии соответствовать этим изменениям и вошла в вопиющее противоречие с собственной быстротекущей действительностью, чему в немалой степени способствовала разрушительная деятельность так называемой прогрессивно мыслящей части российского общества, вызвавшая естественную реакцию самозащиты со стороны правительственного аппарата.

В последовавшем затем бессмысленном и почти непрерывном противоборстве этих двух сил, словно на поле битвы, и была растоптана почва, на которой зарождались тогда первые побегии будущей демократической России. Чем это кончилось, общеизвестно.

Но что, если, расчистив от ядовитых зарослей идеологии эту почвенную основу, вновь вернуться

— на современном, разумеется, уровне — к тем исконно демократическим устоям нашей жизни, какие, не успев окрепнуть, были задавлены кровавыми глыбами последующих лихолетий?

Попробуем пофантазировать.

3

ОБЩЕСТВЕННАЯ СТРУКТУРА

1. Взяв за основу уже существовавшее административно-территориальное деление страны, повсеместно образовать городские и сельские общины.

2. Каждая такая община является самоуправляемой и пользуется максимально возможной автономией в решении своих внутренних проблем.

3. Каждая такая община на основе всеобщего, тайного и ничем не ограниченного избирательного права выдвигает своего кандидата в коллегию выборщиков района, в состав которого она — эта община — входит.

4. Районный совет выборщиков, также путем тайного голосования, отбирает кандидатов в коллегию областных представителей, а те, в свою очередь, определяют членов Нижней палаты Учредительного собрания, являющегося высшим органом власти страны, выделяющим из своего состава Президента, Правительство и Верховный суд Российской Федеративной Земли.

Первое заседание Учредительного собрания ответственно решает, какую форму правления оно считает наилучшей в сложившейся ситуации (республика, авторитарная федерация или конституционная монархия).

(Подобная система позволяет, на мой взгляд, довести нарушения избирательного права до минимума и в то же время максимально приближает голосящего к своему избраннику, сокращая ставший уже традиционным в западной демократии разрыв между народом и властью.)

ВЕРХНЯЯ ПАЛАТА

1. Верхнюю палату Учредительного собрания составляют представители национальностей, входящих или изъявивших добровольное желание войти в состав нового государства с равным количеством депутатов от каждого народа вне зависимости от его численности.

2. Верхняя палата принимает участие в голосовании по основополагающим государственным актам в составе Учредительного собрания в целом и обладает правом „вето” на любой законопроект по национальным вопросам.

3. Выборы в Верхнюю палату — исключительная привилегия каждого входящего в состав Р. Ф. З. народа или национальности в отдельности.

4. Президент, Правительство и Верховный суд подотчетны только Учредительному собранию как суверенному представителю всего народа.

5. Вопросы, от которых зависит судьба государственной системы или общественного устройства, а также проблемы, возникшие в процессе жизнедеятельности общества и не терпящие отлагательства, решаются в ходе всенародных референдумов, на основе всеобщего, тайного и ничем не ограниченного голосования.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

1. Россия — страна, в строительстве и становлении которой приняли самое активное участие многие народы и народности. Исходя из этого, будущее русское государство наделяет каждого своего гражданина, вне зависимости от политической, национальной или религиозной принадлежности, равными правами и обязанностями.

2. Всякий народ, входящий или пожелавший войти в состав Российской Федеративной Земли, имеет неотъемлемое право на свое самобытное национальное, культурное и религиозное развитие и сам определяет, какой язык является для него главенствующим.

3. Всякая дискриминация гражданина Р. Ф. З. по национальному, политическому или религиозному признаку является тягчайшим преступлением перед обществом.

ПРАВО

1. Будущая конституция Российской Федеративной Земли в своих принципиальных положениях должна исходить из Декларации Прав Человека, принятой Организацией Объединенных Наций.

2. Взяв за основу уже имеющееся законодательство и очистив его от внеюрисдикционных толкований и идеологических оговорок, вернуть ему — этому законодательству — подлинное правовое содержание.

3. Из существующего законодательства необходимо исключить лишь понятие „политическое преступление”, ибо на территории Российской Федера-

тивной Земли каждый гражданин имеет неотъемлемое право на любые взгляды, верования и доктрины, кроме тех, что исповедуют насилие или террор во всех их формах, а также расовое, классовое или религиозное превосходство, каковые должны подлежать уголовному преследованию.

4. Учитывая огромные разрушительные возможности средств массовой информации, должны быть также, по всей видимости, разработаны суровые меры против диффамации, дабы оградить общество от целенаправленного „промывания мозгов”, ибо полная свобода печати подразумевает также и полную ответственность перед обществом и каждой личностью в отдельности.

ЭКОНОМИКА

1. Экономическая система будущей федерации также, на мой взгляд, может отталкиваться от интересов и потребностей общины, группы общин, объединения общин и так, по восходящей, определить экономическую структуру государства в целом.

2. В стране была бы желательна свободная рыночная система, при строжайшем запрете крупных картелей, трестов и монополий и всеобъемлющем контроле со стороны общества.

3. Не менее желательным было бы максимальное ограничение иностранных инвестиций и участия иностранных подданных в экономике страны, чтобы оградить ее от поглощения международными капиталовложениями.

(Участие иностранных финансов в отечественной экономике ни в коем случае не может решаться исполнительными органами без санкции законодательной власти в каждом отдельном случае.)

ЦЕРКОВЬ

1. Россия — страна традиционно православная. Роль Церкви у нас во все времена далеко выходила за пределы церковной ограды, куда ее загнала безбожная коммунистическая власть. В последние годы Церковь вновь медленно, но уверенно берет на себя пастырские обязанности по руководству и расширению возникающего сегодня в стране религиозного Возрождения, поэтому и значение ее для будущего России трудно переоценить.

2. Отделенная от Государства, Православная Церковь, тем не менее, должна принять самое активное участие не только в просвещении и воспитании общества, но и в его политической жизни наравне со всеми другими институтами Государства.

3. Богословие становится, хотя и факультативным, но равным с другими предметом в школьных и университетских программах.

4. То же самое относится и ко всем другим религиям, исповедуемым на территории Российской Федеративной Земли.

ПРАВА ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ

1. Такие меньшинства образуются в каждом обществе, каким бы совершенным оно ни было. Это

обусловлено целым рядом социальных, духовных и психобиологических причин, заложенных в глубинах самой человеческой природы.

2. Общество, хочет оно того или не хочет, должно считаться с наличием подобного рода групп и отдельных личностей и, по мере возможности, обеспечить этим группам и лицам легальные возможности для гражданского и человеческого самоутверждения.

Прежде всего каждой такой группе и личности необходимо обеспечить максимальную гласность через обязательное создание специальных программ и отделов в средствах массовой информации и наделения этих групп правом внепарламентского представительства в Учредительном собрании, с привилегией совещательного голоса при обсуждении любых законодательных актов.

Все эти меры, на мой взгляд, если и не снимут проблемы в целом, то, во всяком случае, уменьшат опасность возникновения в обществе экстремистских тенденций.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

1. Социальную заботу о каждой отдельной личности обязана взять на себя община, к которой она — эта личность — приписана в период старости, безработицы или болезни. Размер такого обеспечения целиком зависит не только от вклада личности в общественные фонды и ее действительных потребностей, но и от реальных возможностей данной общины.

2. Бюджет больничных и пенсионных фондов складывается из поступлений от местных налогов (прямых и косвенных), благотворительных пожертвований и добровольных самообложений и контролируется самоуправлением общины, без всякого вмешательства со стороны Государства.

(Эта система, на мой взгляд, почти полностью исключает злоупотребления и обезличку, свойственную централизованному страхованию, и предупреждает зарождение новой социальной прослойки — паразитов, живущих за общественный счет.)

3. В централизованном порядке финансируется лишь сеть воспитательных и просветительных учреждений, что не исключает активного существования частных учреждений того же профиля на средства местных самоуправлений и отдельных лиц.

КУЛЬТУРА

1. В этой области была бы желательна максимальная децентрализация, с тем чтобы исключить возможность контроля, цензуры и любого другого вида вмешательства со стороны Государства.

2. Печать, искусство и литература функционируют в обществе на основе полной индивидуальной свободы или творческих групп, беспрепятственно объединенных по политическому, эстетическому или национальному признаку.

3. Безусловному запрету подлежит лишь пропаганда (в любой форме) расовой, классовой, религиозной и национальной розни, а также порногра-

фии. Контроль за выполнением этого условия является исключительной прерогативой местных общин и самоуправлений. Государство может играть здесь только арбитражную роль.

ПАРТИИ И ПРОФСОЮЗЫ

1. Последние функционируют только в пределах общины, ни в коем случае не образуя централизованной структуры, дабы избежать их превращения в государство в государстве, способное парализовать жизнедеятельность общества в целом.

2. Высшей инстанцией в разрешении политических и трудовых конфликтов являются местные арбитражные суды, решение которых является окончательным и обжалованию не подлежит.

ГОСУДАРСТВО

1. Государство, контролируемое Учредительным собранием, сохраняет за собой монополию в области обороны, иностранных дел, общего бюджета и природных ресурсов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разумеется, мои, сугубо личные и, если так можно выразиться, любительские предложения ни в коей мере не претендуют на универсальность, но, может быть, и они смогут когда-нибудь сослужить

свою скромную службу грядущим нашим законодателям в качестве одного из множества подсобных документов или зачастую весьма, с научной точки зрения, наивных свидетельств переживаемого нами смутного времени.

Но, сознавая это, я все же беру на себя смелость с уверенностью повторить в заключение, что демократия западного типа, при всех ее несомненных достоинствах, дотягивает свой век, и, во всяком случае, едва ли приемлема для обществ, переживающих сейчас соблазн и тернии коммунистического тоталитаризма.

1979 г.

СОДЕРЖАНИЕ

САГА О НОСОРОГАХ

Сага о носорогах	7
Сага о саге	34
Мы и они	47
Из переписки	60
С природы	73
Трогательное единомыслие	77
Смотрю хронику XXV съезда партии	79
Боги Олимпа жаждут	82
Двойной счет	87
Немного о Сталине и сталинщине вообще	92
Мартиролог изгнания	100
По ком звонит колокол?	105
Размышления у театрального подъезда	109
Повторение пройденного	115
Прощание из ниоткуда	120
Эпилог	122
Автобиографический этюд	123

ПОСЛЕ НЕМОТЫ

В качестве предуведомления	129
Секретариату Московской писательской организации СП РСФСР	131
Открытое письмо Генриху Беллю	134
Ответы корреспонденту „Франс-Пресс“	137

Ответ профессору Музафарову	143
К братьям Медведевым	145
Интервью западногерманскому телевидению	147
Еще раз о свободе выбора	152
Вместо предисловия к роману „Карантин”	159
Выступление перед группой сенаторов и конгрессменов в Вашингтоне	161
Крушение эпохи мифов	164
Немного о терминологии	168
Осторожно – „Евтушенко”!	172
История и человек	176
Слово о духовном отце	180
Урок свободы	182
Антисемитизм и русская интеллигенция	184
История перед выбором	188
„Реальная политика” или средство самообмана	192
Оглянись на дом свой, ангел!	197
Литература против тоталитаризма	202
Метрополь или Метрополь	206
Человек на все времена	211
Хельсинки по-советски	215
„Россия – любовь моя”	220
О диссидентстве вообще	228
Закат или восход Европы	233
Дар прощения и добра	236
Размышления о гармонической демократии	241

Владимир Емельянович Максимов родился в 1932 г. Жизнь его сложилась нелегко: он воспитывался в детских колониях, а затем в поисках работы объездил всю Россию, вплоть до Крайнего Севера.

С 1952 г. обосновавшись на Кубани, Максимов решил посвятить себя литературному творчеству. Первый сборник его стихов „Поколение на часах” вышел в 1956 г., первая повесть — „Мы обживаем землю” — появилась в 1961 г. в „Тарусских страницах” под редакцией К. Паустовского. В 1964 г. опубликована его пьеса „Позывные твоих параллелей”. Его повесть инсценирована Московским театром драмы в 1965 году и переведена на многие языки.

Максимов печатался в „Октябре”, но в 1967 г. имя его (без всяких объяснений) исчезло из списка членов редколлегии, а его произведения со страниц этого журнала. В июне 1973 года В.Максимов был исключен из Союза писателей, а в марте 1974 г. ему было дано разрешение выехать во Францию (на один год). В январе 1975 г. он лишен советского гражданства.

В 1971 году в изд.„Посев” вышел роман Максимова „Семь дней творения”, а в 1973 г. — роман „Карантин”. Оба этих романа, посвященные острейшим моральным и духовным проблемам современного общества, сразу завоевали большую популярность у читателей.

В 1974 г. был опубликован роман Максимова „Прощание из ниоткуда” — произведение в большой степени автобиографическое. И наконец уже в эмиграции им был написан роман „Ковчег для незваных” — полный глубокого символизма. Произведения В. Максимова переведены на многие иностранные языки.

Предлагаемая здесь книжка под общим названием „Сага о носорогах” обнимает собой памфлет В. Максимова под тем же названием, реакцию на него, а также публицистические выступления В. Максимова на родине и за границей.